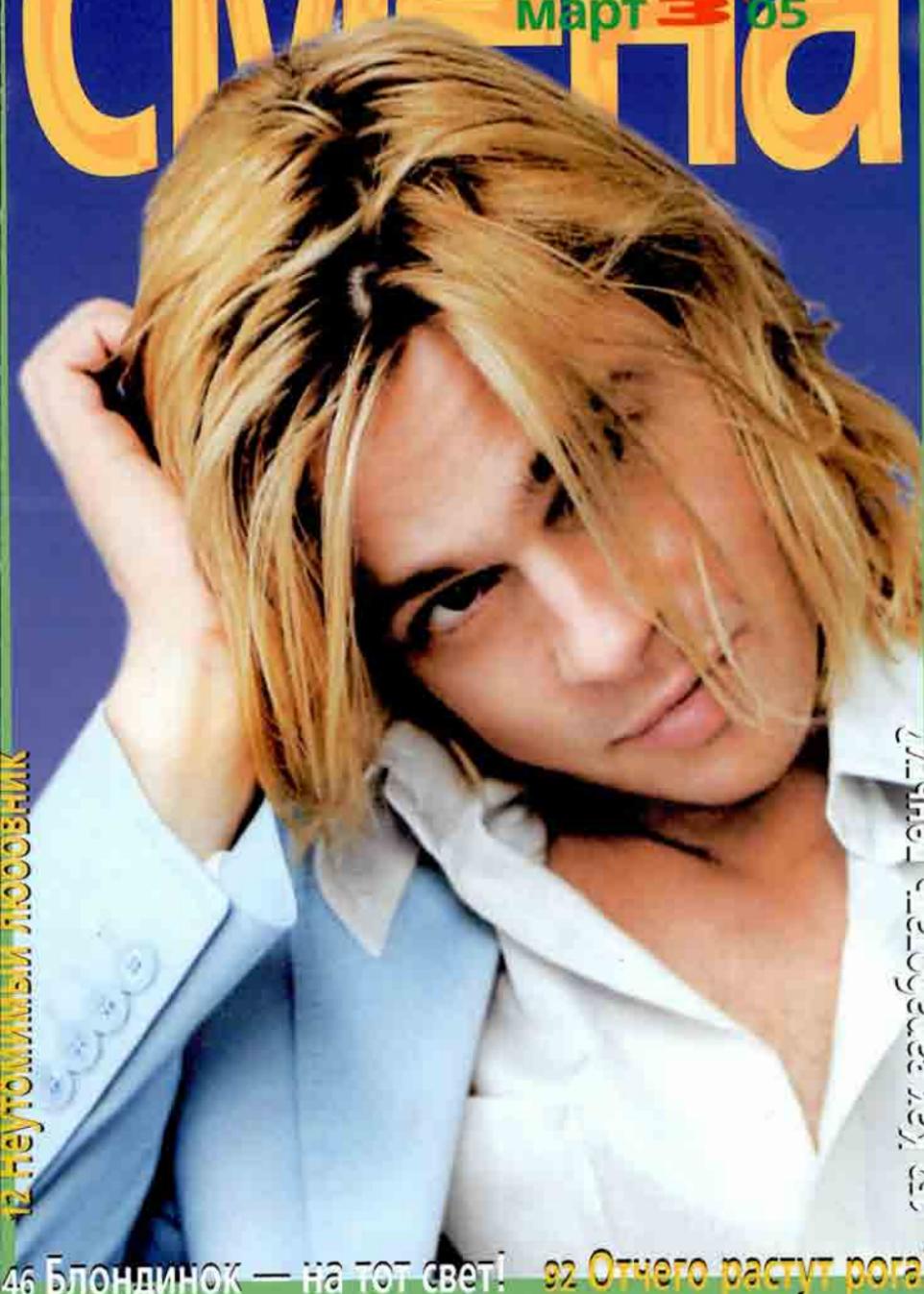

Смена

март 2005

12 Неугомонный любовник

46 Блондинок — на тот свет! 92 Отчего растут рога?

152 Как здорово стать женой?

Пикассо

стр. 12–27

55
главный редактор

Михаил Низилов

зам. главного редактора

Тамара Чичина

Над номером работали:

Башнеев Максим
Вартанян Галина
Исмагилова Олеся
Налинина Людмила
Ним Александр
Молчанова Надежда
Подорванова Светлана
Силанова Марина
Фоминова Светлана

Литературно- Художественный Иллюстрированный Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Сдано в набор 15.01.2005.
Подписано к печати 21.02.2005.
Печать офсетная.
Заказ № 10444
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная.

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения:

257-31-37,

sales@smena-id.ru

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Рег.№ 014832.

Учредитель —
ООО "Издательский дом
журнала "Смена".

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ".

Отпечатано в ФГУП "Смоленский
полиграфический комбинат"
по адресу: 214020, Смоленск,
ул. Смольянинова, д. 1.

Журнал выходит
12 раз в год.

© "Смена", 2005.

март'2005

наследие веков

Игорь Опарин

4 Тауэр

Ирина Опимах

12 Пикассо и женщины в его жизни

издалека

Любовь Русева

28 Судьба царевны

зарубежный рассказ

Шейрин Манкрамб

38 Ожившее воспоминание

▼ стр. 166

стр. 12 ►

стр. 176 ►

детектив

Владимир Шаров

46 Хочу маньяка...

о разном

Анастасия Климская

92 12 причин роста рогов у мужчин

рассказ

Владислав Сосновский

96 Жди меня

стр. 126 ►

криминал

Екатерина Макарова

108 Передозировка

love story

Сергей Чекмаев

115 Девятое марта

звезды

мирового экрана

Владимир Нислов

126 Брэд Питт срывает куш

◀ стр. 92

▼ стр. 156

молодой бульвар

Елена Тюлькина

140 "Нет нам дороги унывать"

Екатерина Постникова

147 Дети забытых полков

Гульнара Умриева

152 Хочешь жить — умей вертеться

Полина Швартлина

156 Спросите меня, как...

Просто Нир

161 Цифровые технологии каменного века

Кирилл Подоляк

166 Сколько стоит звезду построить?

Валерия Веленчин

172 Догонялки для джентльменов

Полина Теслер

176 Ирония, свобода, экстравагантность

Евгения Гордиенко

182 Любовь по-венски

Ник Сигарищенко

184 Телеоборзение

Клод Жост

КИНОУБИЙСТВО

Путь к славе и успеху редко "усыпан розами". Чтобы удержаться на так называемом Олимпе, приходится часто поступаться моральными принципами, а иногда даже идти на преступление...

Убит известный парижский пресс-атташе Шарль Вале. Кому он мешал, кто боялся его настолько, что вынужден был "устранить" Красавчика Шарля? Расследование поручено комиссару Тьебо, и он с блеском выполнил его, благодаря логике и своей интуиции...

апрель'2005

АНОНС 4

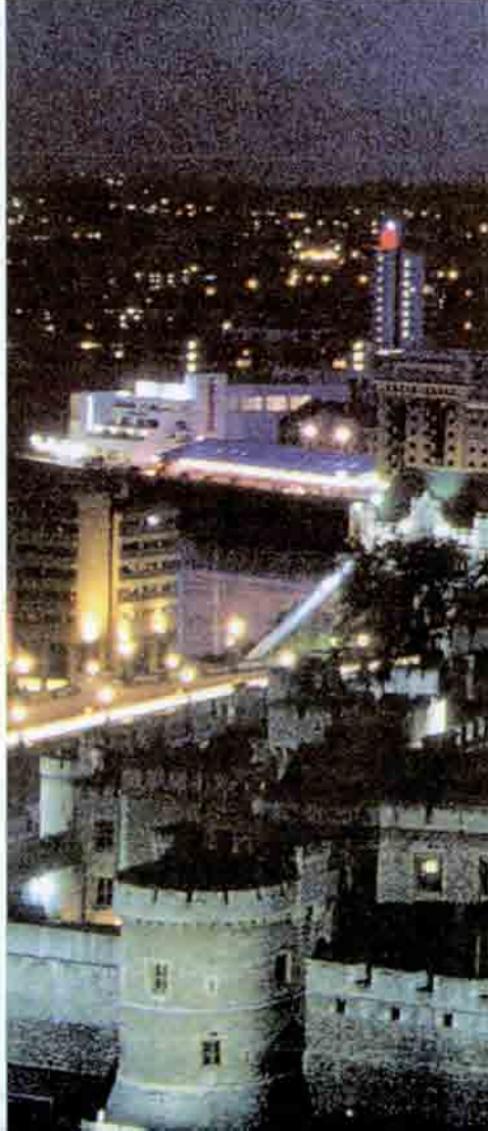
Та

Были времена, когда лишь одно звучание слова Тауэр наводило ужас на подданных английской короны. Эта цитадель, существующая более девяти веков, стала символом королевской власти, ее мони и нерушимости — ведь именно здесь встречали смерть ее самые опасные враги...

1066 год. Вильгельм, герцог Нормандский, собрав огромное войско — 32000 человек — и весьма немалую флотилию — 700 кораблей, высадился на южных берегах Англии. С блеском выиграв историческую битву при Гастингсе и разбив наголову англосаксонского короля Гарольда III, он въехал, что называется, на "белом коне" в Лондон и короновался в Вестминстерском аббатстве. Так в Англии появился новый король — Вильгельм I, вошедший в историю под именем Вильгельма Завоевателя. Для нового короля требовался и новый замок, и вот уже в Лондоне под руководством епископа Рочестера Гэндалфа воздвигается дворцовая крепость.

В 1097 году завершается строительство Белого Тауэра, Белой башни. В то время самое высокое здание во всем Лондоне — ее высота достигала 30 метров! Этот четырехугольный дворец имел четыре этажа — парадный, банкетный, нижний и подземелье.

Почти с самого начала существования Тауэр стал служить тюрьмой. Еще со времен Вильгельма Завоевателя имя каждого заключенного заносилось в специальную "Книгу узников", указывались их преступления, приговор суда и

уэр

Ворота изменников.

срок пребывания в заточении. За всю историю Тауэра его застенки постигли своим присутствием 10 членов королевской семьи, из которых шесть обезглавлены — тут же, в Тауэре, на тауэрском эшафоте. Условия содержания заключенных окончательно были узаконены к XV веку. Управлял всеми делами тауэрский Констебль — как правило, человек благородных кровей. При аресте имущество несчастных конфисковывали — из этих денег их и кормили. Существовали строгие нормы — так, на герцога полагалось в неделю 5 фунтов, на графа — 40 шиллингов, а на простого рыцаря — всего 10 шиллингов — социальное положение определяло жизнь людей и на свободе, и в неволе. При этом Констебль строго следил, чтобы в Тауэр не попадали нищие простолюдины — ведь за них ему приходилось платить из собственного кармана.

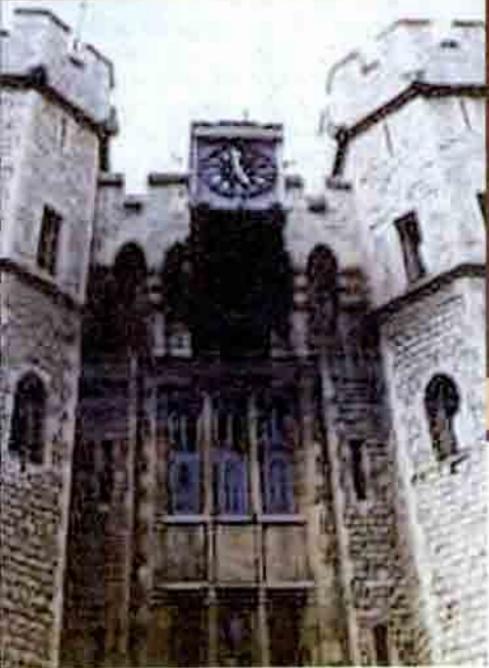
Одним из первых узников королевского замка стал епископ Даренский Ральф Фламбард, советник короля

Вильгельма Рыжего, сына Завоевателя. Епископ, человек непростой, вздорный, заносчивый, не умеющий прощать, особой любовью горожан не пользовался, и когда его покровитель умер, новому королю Генриху I пришлось по просьбе подданных заточить его в Тауэр. Правда, почтенному прелату жилось и в

тюрьме совсем не плохо — к нему привели слуг, выполнивших все его желания, да и камера имела весьма уютный вид — находилась в помещении на банкетном этаже. Епископ прорыгал в Тауэре недолго — однажды он, напоив стражу, сбежал из своей благоустроенной темницы.

А в царствование Иоанна Безземельного (1199-1216) в Тауэре появилась первая узница: Матильда Фиц-Уолтер; Прекрасная Мод — так ее величиали придворные трубадуры. Леди Мод действительно была хороша, и не удивительно, что король, большой любитель женщин, увлекся ею. Иоанн не отличался добродетелью и благородством души. Что о нем можно говорить, если он даже своего очаровательного двенадцатилетнего племянника убил, боясь, что тот помешает ему удержаться на престоле. Король предложил хорошенькой Мод стать его любовницей, но благородная леди, чрезвычайно возмущенная такой дерзостью, отказалась, и

тогда разгневанный король повелел заточить ее в одну из камер Тауэра, надеясь, что дама образумится и согласится лечь с ним в постель. Но Мод нашла в себе силы и снова отказалась от лестного предложения короля. И тогда Иоанн убил несчастную — преподнес ей на завтрак отравленное яйцо.

Иоанна (Джейн) Грей, королева Английская.

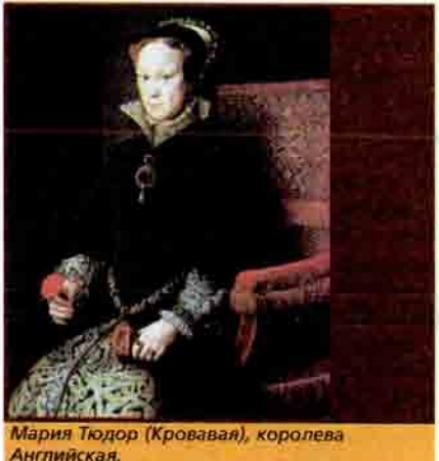
королевские регалии, казна, стояли часовня и плаха — как без нее! Сюда простой люд не допускался. Внешний двор занимал территорию аж до Темзы и имел более демократичные порядки, сюда могли легко пройти не только высокопоставленные аристократы, но и простые горожане.

Один король сменял другого, и все они не отличались благородством и добродетелью. Страшные нравы, жестокость, лицемерие и коварство правили бал при дворе английских монархов. И, как правило, все их враги, все люди, неугодные английской короне по тем или иным причинам, попадали в темницы Тауэра.

С Тауэром связаны судьбы трех женщин, сыгравших заметную роль в истории Англии.

В 1509 году на королевский престол взошел Генрих VIII. Высокий, статный, — облик поистине королевский. В 1509 году он женился на испанке Екатерине Арагонской и прожил с ней 24 года. Екатерине не везло — она рожала детей,

При сыне Иоанна Безземельного Генрихе III строительство Тауэра продолжилось и постепенно он стал таким, каким видят его нынешние посетители. Появились так называемые Ворота предателей (через них в Тауэр вводили узников), Колыбельная башня и Фонарная башня — там, в этой башне, король устроил себе кабинет и спальню. Во времена Генриха Тауэр стал делиться на Внутренний и Внешний дворы. Внутренний двор включал в себя самые старые постройки, это была территория короля — тут находился его дворец, где жил он сам и его семейство; тут располагалась и тюрьма, где сидели его враги; здесь хранились

Мария Тюдор (Кровавая), королева Английская.

умиравших в младенчестве, да и красота ее уже подувяла, и наконец, после тщетных ожиданий наследника, Генрих решил с Екатериной расстаться. Папа римский отказался дать развод царственным супругам, и Генрих, разозлившись на Рим, нашел весьма смелый выход: он разорвал все связи с католической церковью и провозгласил себя главой новой Церкви, Церкви Англии — англиканской, после чего сам себя развел с Екатериной и отправил ее в монастырь. 19 мая 1533 года в Тауэре праздновали свадьбу — Генрих женился на бывшей фрейлине своей бывшей жены — очаровательной, молодой и честолюбивой Анне Болейн. Томас Мор, автор знаменитой "Утопии", верный католик, до тех пор глубоко преданный королю, был возмущен разрывом с папой римским и тем, что происходило в стране. Он не скрывал своих эмоций, за что и стал очередным узником Тауэра. А вскоре его обезглавили — на глазах любимой дочери — там же, в Тауэре, при большом стечении народа.

Время шло, и Анна родила, но не сына, а дочь! А король уже снова увлекся новой женщиной, и на сей раз — тоже фрейлиной супруги. Ее звали леди Джейн Сеймур. Опять нужно было разводиться, но король, мудрый и добросердечный, решил, что гораздо легче убить жену. И он сажает ее в Тауэр, обви-

нив в страшных преступлениях против Англии. Оказывается, королева — государственная преступница, заговорщица, враг короля и всего английского народа, а таких ждет одна расплата — смерть! Анна, как могла, сражалась за свою жизнь — писала супругу письма, умоляла пощадить, но все тщетно. И тогда она решила достойно принять то, что уготовила ей судьба. Она даже шутила со своими тюремщиками — говорила, что, мол, слышала, палац ей достанется умный, да и шея у нее тонкая, словом, мучиться не придется. И настал день, когда вывели Анну на лужайку Тауэр-Хилл и отрубили голову. Люди говорили, что тепло ее потом затолкали в какой-то ящик и зарыли под часовней. А король, сидевший во дворце, дождался пушечного залпа, условного сигнала, означавшего, что Анна мертва, и тут же собрался на радостях с компанией придворных на охоту, и уже на следующий день он женился на Джейн Сеймур. Кстати, Джейн смерть ее предшественницы счастья не принесла, недолго пришлось ей носить корону — родив королю наследника, будущего короля Эдуарда VI, она заболела лихорадкой и скончалась. К сыну ее тоже судьба оказалась весьма неблагосклонна — милый, одаренный разными талантами мальчик, не отличался здоровьем и умер в шестнадцать лет, умер тихо и спокойно, ночью шестого июля 1553 года.

По идеи, теперь корона должна перейти к дочери Генриха Марии, ярой католичке, что означало опалу для многих влиятельных придворных, обратившихся в англиканство. И они замыслили посадить на трон леди Джейн Грей, doch герцогини Суффолкской. Герцогиня вела свой род от Генриха Седьмого — она была его внучкой по женской линии — и передала право на наследование дочери. Еще перед смертью Эдуарда ловкие царедворцы убедили слабеющего короля подписать бумаги на наследование в пользу леди Джейн Грей. Так эта миловидная девушка стала законной наследницей короны.

Джейн родилась в октябре 1537 года. Ее воспитывали и учили самые лучшие наставники того времени, она была очень способной и любознательной и удивляла современников блестящими успехами в учебе и глубокими познаниями в самых разных науках. Прелестная, умная Джейн — тогда ей было шестнадцать лет — упала в обморок, когда высокородные герцоги и графы объявили ей, что отныне она — королева Англии. Придя в себя, Джейн выразила сожаление по поводу смерти Эдуарда, которого очень любила, и сказала, что управлять страной — занятие не для нее, но если так суждено, она просит Бога вразумить ее и помочь в сем важном и ответственном деле. Джейн пробыла королевой всего десять дней — многие знатные дворяне встали на защиту Марии, на ее сторону перешли флот и войска. Постепенно те, кто возвел Джейн на трон, чувствуя, что их позиции ослабляются с каждым днем, покидали леди Грей. Вот и королевский совет отступил от нее — с ней оставалась лишь герцог Суффолк, ее отец. И настал день, когда Марию провозгласили королевой, а Джейн взяли под стражу и препроводили в Тауэр, в Белую башню. Ее мужа лорда Гильфорда Дадли, многое сделавшего для воцарения своей жены и так мечтавшего стать королем, поместили в соседнюю комнату-камеру. Пребывая в заточении, он утешался тем, что вырезал на стенах имя низложенной королевы — жены Джейн.

Получив власть в свои руки и подавив всяческое сопротивление, Мария совершила невероятно жестокое даже на фоне тогдашних жестоких нравов действие — подписала смертный приговор леди Джейн. Но перед смертью королева повелела обратить смутиянку в католичество. Ради этого ей даже подарили пару лишних дней жизни. Священники без спроса врывались к Джейн и требовали отступиться от своей веры, но она оказалась верна всему тому, во что свято верила. Утром того дня, когда ей предстояло проститься с жизнью, Джейн выглянула в

окно и увидела, как обезглавленное тело ее мужа провезли на повозке после казни на Тауэр-Хилле. Но и это не сломило ее волю. 12 февраля 1554 года, в страшную пятницу, когда настал ее час, вышла она из своей камеры — вся в черном, с молитвенником в руках — прошествовала мимо ряда солдат и поднялась на эшафот.

Казалось бы, теперь Марии не о чем волноваться — все ее враги повержены и власть безгранична. Но ее мучила одна мысль — а вдруг ее сводная сестра Елизавета, девятнадцатилетняя дочь Анны Болейн, захочет сесть на трон? И она решила устраниТЬ эту угрозу. Пятьсот солдат по ее приказу отправились в Эшридж, где жила Елизавета. Им велели доставить ее в Лондон — живую или мертвую. Елизавета никак не могла понять, за что ее отправили в Тауэр, да еще ввели в крепость через печально известные Ворота изменников. Усевшись под таурскими стенами, Елизавета заявила, что она честная девушка, ничего предосудительного не совершила, а потому не пойдет в тюрьму. При этом ее речь была весьма выразительна — настолько, что привыкшие к грубоватым и простонародным выражениям солдаты были просто поражены, слушая сквернословие принцессы. Несмотря на протесты, ее отправили в отведененные для нее комнаты, ставшие ее тюрьмой на два месяца. Потом Елизавету все-таки выпустили на свободу — говорили, что поспособствовал этому Филипп, король Испанский, ставший мужем Марии.

Мария, которую недаром в народе величили Кровавой, оставила по себе дурную память — слишком многим помогла уйти в мир иной. А когда настал и ее черед — вся страна вздохнула с облегчением.

На трон взошла Елизавета — двадцатипятилетняя, рыжеволосая, с чуть-чуть длинноватым носом, она была отнюдь не красавица, но в ней присутствовало определенное обаяние. Умная, образованная, и, к тому же, вероломная, лживая

Елизавета Тюдор, королева Английская в большом королевском наряде.

Граф Эссекс.

вая и вспыльчивая. И судьба ее оказалась необычна — не каждому удается посидеть в Тауэре, выйти на свободу, а потом еще и получить корону!

Время царствования королевы Елизаветы — а длилось оно 45 лет — один из самых ярких периодов в истории Англии. Это было время Бэкона, Спенсера, Шекспира и Марии Стюарт, время открытий, расцвета культуры и науки, протестантской религии и этики, торговли и предпринимчивости, да и "вообще английского духа", как пишет Чарльз Диккенс. Королева пользовалась любовью в народе — ведь она установила в стране порядки, которые позволяли людям жить весело и безбедно. Правда, все это не помешало ей бросить в Тауэр несколько замечательных своих подданных — и среди них блестящего поэта, философа и историка, завсегдатая лондонских кабаков и известного дуэлянта эра Уолтера Рейли, который попадал в Тауэр трижды, и впервые как раз по приказу Елизаветы — за то, что,

будучи фаворитом королевы, позволил себе неслыханную дерзость — женился на какой-то Элизабет Токмортон! И только счастливый поворот судьбы спас Рейли и его жену от пожизненного заточения. Королеву прозвали Девственницей, но говорили, что на самом деле она меняет любовников, как перчатки. Причем разница в возрасте ее никогда не смущала. Последний фаворит Елизаветы был на 34 года ее моложе. Более того, Роберт Девере, граф Эссекс, известный всем соперник и враг Рейли, приходился ей двоюродным внуком! Десять лет он был любим королевой и считался ее самым близким советником, но окончить свои дни ему пришлось в Тауэре — там, где начиналась блестательная политическая карьера его избранницы.

Красавец, с блестящими способностями, любимец женщин, при этом надо отметить, что к нему относились с уважением и мужчины. Он был настоящим воином, храбрым, решительным,

именно он, Эссекс, взял испанский Кадис и отличился в боях на французских полях сражений. Они частенько скорились — и у того, и у другого были непростые характеры. Однажды, на заседании королевского совета, на котором обсуждалось, что делать с Ирландией, Эссекс разозлился и повернулся к королеве спиной, что делать не подобало. Тогда Елизавета, указав графу на неприличность его поведения, отвесила ему оглушительную пощечину. Они не виделись целых полгода, а потом все же помирились. Королева многое прощала своему любимцу... Но у него был большой недостаток — Эссекс владел монополией на торговлю винами. Эта его монополия костью в горле стояла у очень многих, заинтересованных в торговле этими замечательными напитками. И вот когда Эссекс обратился к королеве с просьбой продлить права на приносящую неплохие барыши торговлю, она ему с помощью своих министров отказалась, и тогда граф смертельно обиделся на королеву. В его голове созрел план — пора уже захватить Елизавету и вынудить ее поменять правительство. Это было чистейшим безумием, но идея очень вдохновила реформаторов. Враги Эссекса проведали о готовящемся заговоре, и 8 февраля 1601 года, когда Эссекс и его друзья отправились на захват королевы, улицы, по которым они шли, оказались перегороженными, и везде заговорщиков ждала стража. Граф сумел добраться до дома, однако в ту же ночь его арестовали и отвезли в Тауэр. Королева, узнав о готовившемся руками ее любимого Эссекса заговоре, была потрясена и тут же приказала его казнить. Но позже передумала, чтобы потом вновь решиться и отправить на эшафот предавшего ее фаворита. Умер Эссекс достойно — взойдя на плаху, он раскаялся и принял смерть, как подобает настоящему рыцарю.

А королева с трудом пережила его казнь. Еще год она процарствовала, но

это уже была совсем не та Елизавета, гордая, независимая правительница Англии — она превратилась в поникшее, уставшее от жизни существо. 9 марта 1603 года королева, сильно пропущенной и плохо себя чувствовавшей, сообщили о смерти ее ближайшей подруги графини Ноттингемской. Печальная новость резко ухудшила состояние Елизаветы. Она уже почти умирала. Но потом настало улучшение, королева встала и не соглашалась лечь в постель, утверждая, что если она ляжет, то уже не сможет встать никогда. Так продолжалось десять дней, а потом Елизавета скончалась...

Шли годы, менялись времена и нравы. В XIX веке Тауэр на время перестал быть королевской тюрьмой, но в веке XX Тауэр снова встречал узников — в основном немецких шпионов. Одним из последних обитателей тюрьмы стал Рудольф Гесс, личный секретарь и заместитель Гитлера.

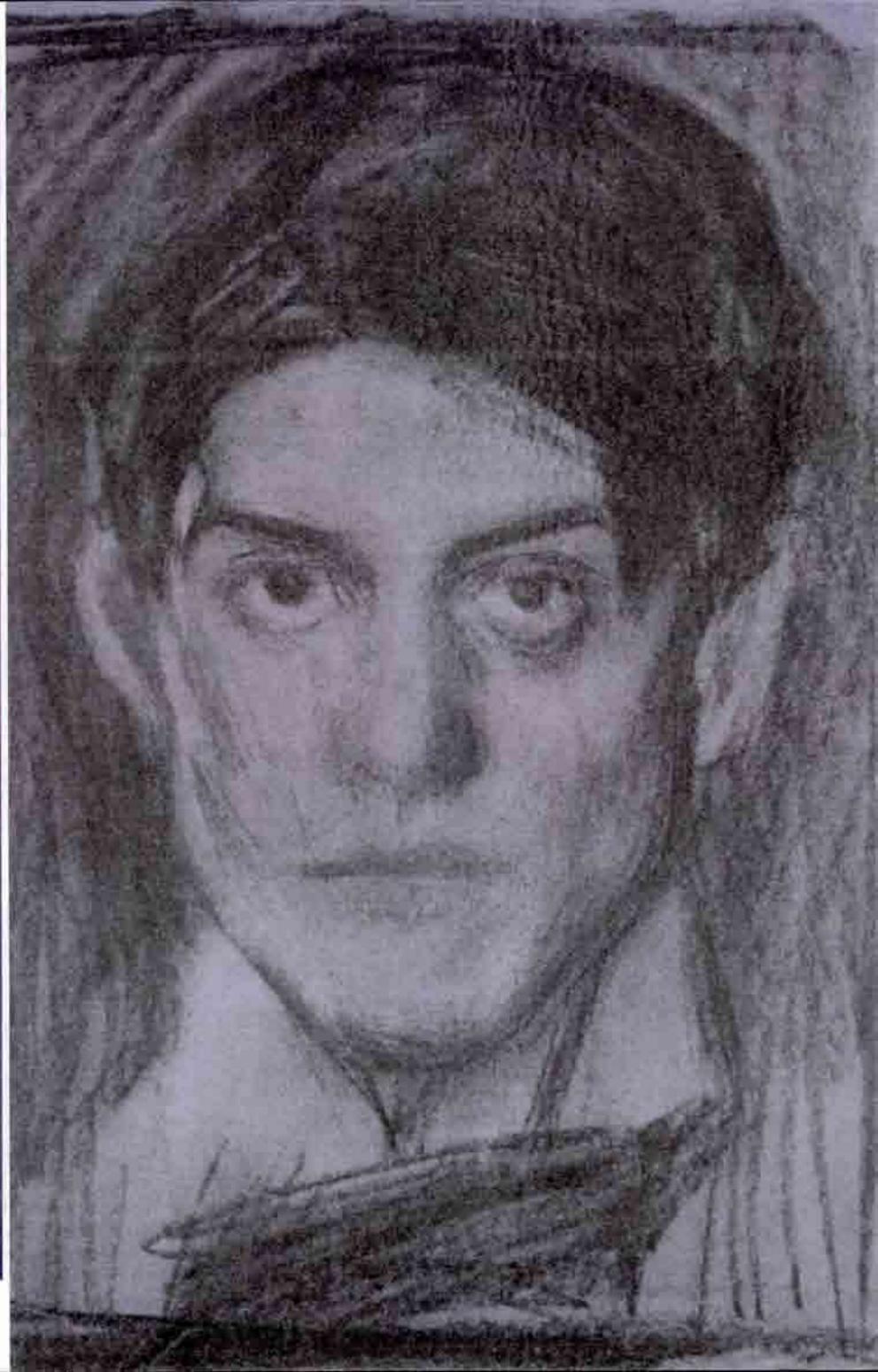
Ныне Тауэр — музей. Сюда приезжают туристы со всего мира — они осматривают башни, арсенал, хранилище королевских регалий, слушают рассказы гида о знаменитых узниках крепости и их призраках, которые и по сей день лунными ночами блуждают по коридорам и камерам старинной тюрьмы, а потом фотографируются с тауэрскими бифтерами — облаченными в средневековые камзолы красного цвета стражниками крепости. И еще, конечно же, снимаются рядом со знаменитыми черными воронами: англичане свято верят, что пока живут в стенах Тауэра эти вороны, пока не покидают они крепость, будет жить и процветать великная Британия. И вороны живут в Тауэре, не улетают; за ними следят специальные служители, которые регулярно кормят их и немножко — чуть-чуть — на всякий случай подрезают крылья, — а вдруг какой-то неразумной птице захочется улететь на свободу, и только Бог знает, что тогда будет с Англией... ■

Пикассо и женщины в его жизни

■ "Я не встречал в своей жизни женщины, которая осталась бы ко мне равнодушной или не подчинилась моей воле и моим желаниям", — писал Пабло Пикассо, один из самых ярких художников XIX века, человек, во многом определивший развитие современного искусства. И действительно, его мужское обаяние, несмотря на, казалось бы, не очень выразительную внешность, было невероятным. Даже будучи весьма немолодым, он одерживал над женщинами — юными, прелестными — одну победу за другой. Они были нужны ему, они насыщали его душу эмоциями, утоляли его невероятный сексуальный аппетит, а главное, вдохновляли кисть, насыщали красками палитру, привносили страсть и жизнь в его полотна. Почти всегда женщины становились персонажами его картин. "Нельзя рисовать то, что не любишь..." — И уж женщин он любил, правда, счастья им его любовь не приносила...

Пабло Пикассо родился в Малаге, чудесном андалузском городе на берегу моря. Отец художника, Хосе Руис Бласко, происходил из аристократического, но давно обедневшего рода. Он был учителем рисования, и немудрено, что именно он первым заметил незаурядные художественные способности сына. Мечтал, что сын, как и он сам, станет преподавателем рисования и всегда сможет заработать себе на жизнь. Но очень скоро дон Хосе понял, что Пабло обладает настоящим талантом, и что ждет его гораздо более яркая жизнь, чем карьера учителя. А когда стало очевидно, что отец уже ничему не может научить сына, восхищенный дон Хосе подарил Пабло свои краски и кисти. В семье был только один ребенок, и талантливого мальчика окружали любовь и забота родителей и его многочисленных теток и дядьев. Донья Мария Руис, как и ее муж, верила в блестящее будущее своего талантливого Паблito. "Если ты изберешь путь солдата, быть тебе генералом, если захочешь быть монахом, станешь папой", — говорила мне мать. Но я избрал путь художника, и стал Пикассо", — много лет спустя — без ложной скромности — писал художник. Может, именно тогда, в детстве, он поверил в собственную уникальность, именно тогда рождалось его невероятное самомнение?

В 1895 году Руисы переехали в Барселону, столицу художественной жизни Испании. Дон Хосе попросил своих коллег из Школы изящных искусств посмотреть на рисунки тринадцатилетнего Пабло. В результате мальчика зачислили на последний курс отделения классического искусства и натюрморта. Затем Пабло учился в Мадридской академии художеств, но основные уроки ему давали старые мастера, кар-

Дама в голубом. 1901.

тины которых он с огромным энтузиазмом и восхищением копировал в стенах Прадо.

В 1898 году Пикассо возвращается в Барселону. Тут у него замечательная компания — молодые каталонские художники, критики, поэты... Они все регулярно встречаются в кабачке "Четыре кота", хорошо выпивают и ухаживают за своими весьма говорчими подружками. Иногда, не довольствуясь этим, заходят в публичные дома — благо, в Барселоне их немало. Пикассо много пишет, и вот уже в любимом заведении "Четыре кота" открывается его первая персональная выставка. Барселона в те годы — провинциальный город, с лабиринтом узких, темных средневековых улочек, город, где, как говорил Пикассо, издавались плохие книги, писались плохие картины. Надо жить в Париже, в этой мекке современного искусства, где работают лучшие художники мира!

Пикассо приезжает в Париж весной 1904 года и поселяется в "Бато-Лавуар", знаменитом пристанище низших и талантливых художников, поэтов, писателей, съехавшихся в Париж со всего мира. Тут, в "Бато-Лавуар", начиналось новое искусство нового века, тут начиналась Парижская школа, центром которой по праву станет этот невзрачного вида, но с горящими черными глазами, такой самоуверенный и талантливый испанец — Пабло Пикассо.

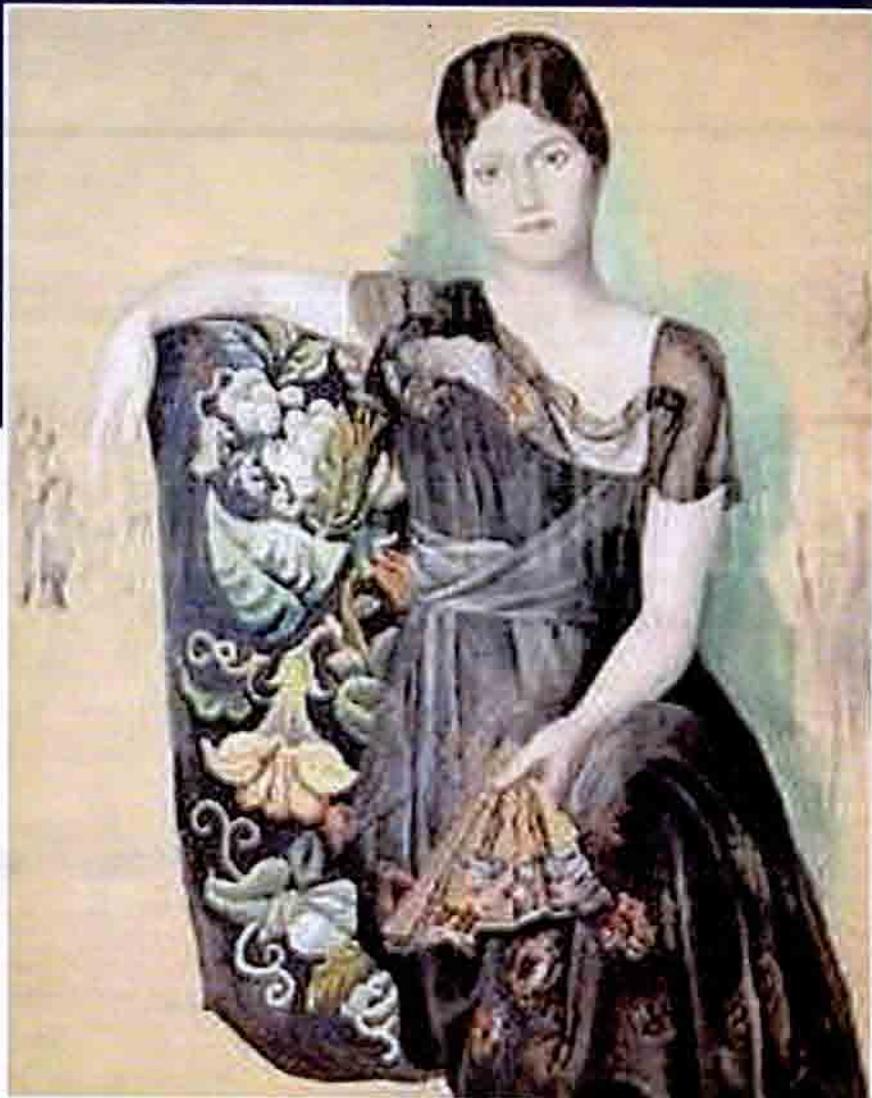
Осенью того же года Пикассо встретил свою первую большую любовь.

Фернанда Оливье происходила из семейства мелких ремесленников, изготавливавших поделки из цветов и перьев. Неизбалованная любовью родственников, она с детства привыкла полагаться только на себя. Фернанда — независимая, строптивая — в семнадцать лет покинула дом и поселилась со скульптором Полем-Эмилем Першероном, человеком, значительно ее старше, да к тому же оказавшимся слегка сумасшедшим. Очень скоро Фернанда сбежала от него и, познакомившись с молодым художником Раулем Дифи, стала зарабатывать на жизнь, позируя художникам Монмартра. Вот тут, на Монмартре, они и встретились — страстный, порывистый и худой Пабло и она, пышная, с выразительными форма-

Портрет сестры Лопы. 1900.

Портрет Ольги Хохловой

ми, соблазнительная блондинка Фернанда. Пикассо — двадцать три, и влюбился он по-настоящему впервые — до того были лишь незначительные увлечения и оплаченные услуги проституток. Он, оказывается, собственник, этот испанец — чтобы другие не посягали на его сокровище, никуда не пускает Фернанду одну, запирает любимую в своей мастерской и сам ходит за покупками! Это вполне устраивает ленивую Фернанду — она целыми днями валяется на диване, почитывая романы и попивая чаек. Нетребовательная, терпимая, привыкшая к нищете, Фернанда — идеальная любовница.

Фернанда и Пабло прожили вместе семь лет. За это время доходы Пикассо существенно выросли, и они поменяли жилье, поселившись на бульваре Клиши, в вполне буржуазном доме — вода, газ, электричество. Здесь у Пикассо была мастерская и жилые комнаты. Фернанда с восторгом показывала приятельницам новую роскошную спальню и гостиную с роялем. Пикассо же регулярно ходил на блошиный рынок и покупал антиквариат — всю жизнь его окружали старые вещи и картины, которые он перевозил из одного своего дома в другой. Обосновавшись на Клиши, Фернанда чувствовала себя счастливой — играла роль светской дамы, устраивала приемы, демонстрировала благополучие и даже нанимала прислугу. Пикассо тоже изменился — это уже не полуничий жилец "Бато-Лавуар" и завсегдатай любимого ресторана обитателей Монмартра "Проворный кролик", а вполне респектабельный господин, уверенный в себе и осознающий, что он один из самых значительных художников своего поколения. Он знает куда идти: кончается "розовый" и "голубой" периоды — так потом будут называть это время в его жизни искусствоведы (тогда в его картинах преобладали розовые и голубые тона), уже написаны "Авиньонские девушки", положившие начало кубизму.

Теперь Пикассо даже изменил свой ритм жизни — работает после обеда, а когда начинает темнеть, идет в "Эрмитаж", пивную рядом с домом. Вскоре и друзья Пикассо полюбили это заведение. Сюда приходят Аполлинер, Жакоб, Пикабия и многие другие — художники, поэты, критики. Однажды в "Эрмитаж" зашел и польский художник Маркус со своей подружкой, которую все звали Куколкой — утонченное, хрупкое, изысканное существо. Ева Гузель очень скоро сдружилась с Фернандой, почти каждый вечер пары встречаются в "Эрмитаже". Уверенная в своих чарах Фернанда не сразу заметила интерес Пабло к Еве. По-видимому, прожив столько лет с женщиной рубенсовского типа, Пабло почувствовал тягу к более изысканным формам. А потом Пикассо снял вторую мастерскую, не сказав Фернанде, зачем она ему нужна. Но ей уже и так все ясно — новая мастерская — гнездышко, где он встречается с Евой! Фернанда сумела уйти с достоинством, утешившись в объятиях другого художника — молодого Убальдо Оппи. Зато поляк Маркус на всех углах кричал, как его обманул и предал Пикассо. Правда, через год и он успокоился — женился на богатой польке Алисе Галиске.

Фернанда Оливье прожила долгую жизнь, в которой было много любовных увлечений и страстей, но никогда ей так интересно не жилось, как рядом с Пикассо. Фернанда умерла 1 февраля 1966 года, одинокая и почти нищая — жила на одну небольшую пенсию. В шкатулке для драгоценностей осталось ее последнее сокровище — зеркальце в виде сердечка, когда-то давным-давно подаренное ей Пикассо.

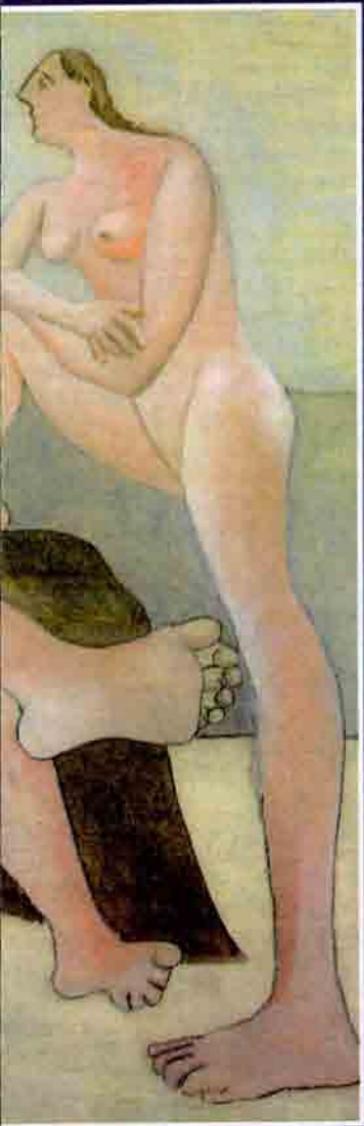
Пабло, расставшись, к своей великой радости, с Фернандой, стал жить с Евой. Она — на четыре года моложе его прежней подруги и полная ее противоположность. Невысокая, хрупкая, милая, в ней есть что-то от девочки. Он много пишет ее — правда, в его картинах ее трудно узнать, часто она изображается в виде гитары, а на знаменитой "Женщине, сидящей в кресле" нежное лицо Евы превращено в розово-фиолетовую щель, что вызывает у зрителей довольно смелые ассоциации. Многие исследователи жизни Пикассо считают, что Ева была самой большой любовью художника. Трудно понять, как выглядела Ева, глядя на ее портреты кисти Пикассо, выполненные в кубистической манере, зато на нескольких полотнах он написал: "Я люблю Еву". Весной 1915 года они даже решили пожениться. Кто знает, как бы сложилась их дальнейшая жизнь, но случилось так, что прожили они вместе всего четыре года — Ева заболела туберкулезом и в начале 1916 года умерла. Пикассо тяжело переживал потерю Евы, забываясь в объятиях разных и совер-

Picasso
1917

шенно чужих ему женщин. А еще работал, как сумасшедший — писал картины, что-то делал для театра — создавал полотна, которые потом будут признаны шедеврами живописи XX века...

В 1917 году Пикассо вместе с труппой Дягилева и Жаном Кокто приехал в Рим. Пабло расписывал занавес для балета "Парад". Это был странный спектакль — Эренбург писал, что он походил на "балаган на ярмарке с акробатами, жонглерами, фокусниками и дрессированной лошадью". Однажды, гуляя с русскими артистами по вечернему городу, Пикассо обратил внимание на балерину Ольгу Хохлову. К

Три купальщицы. 1920.

тому моменту она уже пять лет танцевала у Дягилева в его знаменитом "Русском балете", была старательной, техничной, но ничем особенно не выдающейся танцовщицей — совсем не прима. Ольга родилась в Нежине 17 июня 1891 года, в семье русского полковника, и стала балериной вопреки воле родителей. Не красавица, но очень мила, имела чудесную фигуру, обладала прекрасными манерами, женственностью и тем особым русским шармом, который в Европе был тогда чрезвычайно в моде.

А Пикассо в 1917 году стал уже знаменитым художником. Его работы покупали за вполне приличную цену, выставки проходили с огромным успехом, о нем даже писали научные труды. А женщины — те без раздумий шли за ним, и, не колеблясь, ложились в его постель. Что же привлекло Пабло в этой в общем-то заурядной русской девушке, не блещущей ни особой красотой, ни особыми талантами? Наверное, именно заурядность, покой, который, как ему казалось, царит в ее душе, желание отдохнуть от бурных, коротких и непрочных связей, ее чистота — все сыграло свою роль. А еще некоторая экзотика — иметь русскую любовницу — это так необычно! Ведь тогда все говорили о России — там шла революция, там творилась история! Пикассо, бунтарь и ниспровергатель всего и вся в жизни и творчестве, даже подумывал — а не выучить ли ему русский язык. Да и сама атмосфера в труппе Дягилева — чувственность была разлиты повсюду: все были в кого-то влюблены. А Ольга, несмотря на весьма располагающую к греху обстановку, оставалась девственницей, и это особенно удивляло и восхищало Пабло. Так или иначе, Пикассо увлекся Ольгой и принял за неё ухаживать. Они встречались каждый день, гуляли по Вечному городу, заходили в соборы, музеи. Ольге нравился испанец, но она не торопилась ответить на его возраставшую с каждым днем страсть. "Берегитесь, — предупреждал его Дягилев, — на русских девушках нужно жениться". Но Пикассо, как всегда самоуверенный, полагал, что сможет контролировать ситуацию.

Между тем Дягилев повез балет "Парад" в Испанию, в Мадрид, а потом в Барселону. Пикассо последовал за труппой и за Ольгой. Ее он рисовал, в отличие от Евы, в реалистической манере — этого требовала Ольга, и почему-то

Брэдфорд
XXVI.
7-5-30

Минотавр и его жертва. 1936.

лись в богато обставленную квартиру на улице Бетти. Потом возникла вилла в Фонтенбло, замок Божрю — Ольга устраивала свою жизнь. Через три года, 4 февраля 1921 года у них родился сын, и Пабло опять подчинился Ольге — позволил окрестить мальчика. Пабло очень взволновало рождение сына — он теперь отец, и это чувство переполняет его душу. Он рисует Ольгу и сына, помечая на рисунках не только день, но даже час.

Шли годы, Ольга занималась домом, посещала балы и светские приемы, а он уходил в свою мастерскую, где даже жене не позволялось наводить порядок, разевивал и расставлял свои покупки, сделанные в мастерских нуждавшихся сородичей по искусству и в антикварных магазинах и работал, работал... И однажды Пабло понял, что с женой, давящей на него, навязывающей ему образ жизни, ему совсем не свойственный, безжалостно отдалившей его богемным друзей, страшно скучно, ему не о чем говорить с этой уроженкой Нежина, не очень образованной и совсем не интересующейся искусством. У них даже разные пристрастия в еде — она любит чай, пирожные и икру, а он — каталонские сосиски с фасолью. А Ольга, чувствуя, как растет трещина между ней и мужем, нервничала, ревновала — и не без оснований, вокруг него всегда крутилось множество восторженных женщин — приставала к нему и еще больше его раздражала.

Однажды холодным январским днем 1927 года он увидел в толпе очаровательную девушку с серыми глазами. Ему показалось, что эта та самая девушка из его снов, та, которую он всегда мечтал написать. "Он схватил меня за руку и воскликнул: "Вы знаете, я Пикассо! Мы вместе совершим великие дела!" — вспоминала об их первой встрече Мари-Терез Вальтер, так звали эту сероглазую красавицу. Ей бы-

он ей подчинялся! Он написал ее в испанской мантилье, этакой Кармен.

А потом сделал ей предложение, и Ольга согласилась — она понимала, что лучше быть женой прославленного художника, чем средней балериной в труппе Дягилева. В Барселоне он представил матери (отец к тому времени уже умер) свою новую подругу. Ольга, в отличие от Фернанды Оливье, не понравилась доныне Марии. Этот брак, как ей кажется, не принесет счастья ни русской девушке, ни ее сыну. Как она была права! Вернувшись в Париж, 12 июля 1918 года они венчались в русском соборе Александра Невского, по православному обряду — на этом настояла Ольга, и он, хотя и был тогда атеистом, опять ей подчинился.

После свадьбы они, опять по настоянию Ольги, перебра-

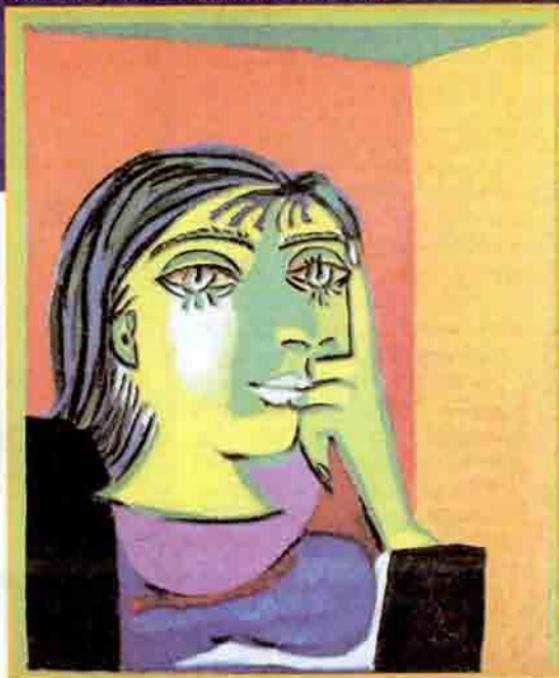
ло всего семнадцать, она и слыхом не слыхивала о знаменитом художнике Пикассо, и больше всего в жизни ее интересовал спорт: она обожала гимнастику, плавание, альпинизм и свой велосипед. Интеллектом тут и не пахло. Красивое, здоровое, молодое тело.

Пикассо привел ее в свою мастерскую и тут же уговорил позировать обнаженной. На третьем сеансе они стали любовниками. Мари-Терез, на вид ребенок, оказалась чувственной, податливой, послушной и изобретательной любовницей. Она с готовностью шла на любые эксперименты в постели, которые предлагал Пабло. Секс всегда был невероятно важной составляющей его жизни, и тут, с этой юной Венерой, он имел его вдосталь. Но Мари-Терез несовершеннолетняя, и он держит их связь в тайне. Их "эксперименты" закончились тем, что Мари-Терез забеременела и родила девочку, которую назвали Майей. В ее свидетельстве о рождении записано: "Отец неизвестен".

Из всех женщин Пикассо Мари-Терез оказалась самой скромной — ей не было никакого дела ни до его славы, ни до его денег. Она просто любила этого уже совсем не молодого человека и была готова ради него на все. Но это ее не спасло — Пикассо настигло новое и, как всегда, всепоглощающее чувство. Дора Маар, с которой он познакомился в одном из артистических кафе, фотограф и художница, умно и тонко рассуждала об искусстве, причем на его родном испанском языке, и была весьма недурна. Пабло не мог остаться равнодушным. Началась своеобразная жизнь втроем — четверг и воскресенье Пикассо проводил со спортсменкой Мари-Терез и дочкой Майей, а остальные дни — с интеллигенткой Дорой. Так продолжалось несколько лет! Они присутствуют одновременно и на его картинах: в одном углу "Герники" он изобразил Дору, в другом — Мари-Терез. А Ольга лезла на стенку — ее бесило наличие соперниц, все растущее отчуждение мужа. После одной из особенно гнусных сцен, разыгравшихся в их доме, она, взяв сына, покинула Пабло, чему он был нескованно рад. При этом разводиться он не хотел — ведь тогда бы пришлось делить имущество пополам, как было записано в их брачном контракте, а это совсем не входило в его планы. Так Ольга до конца своей жизни оставалась женой Пикассо.

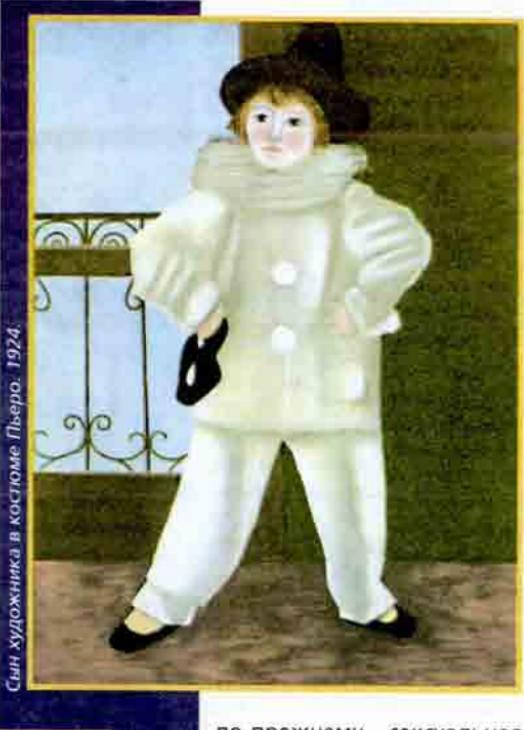
Началась Вторая мировая война. Американское правительство предложило Пикассо и Матиссу переехать в США, но оба художника отказались. Пикассо ненавидел фашизм, но не мог бросить свой дом, мастерскую, переменить уклад жизни.

Дора Маар или Фигура женщины, вдохновленная войной в Испании. 1937.

Надо заметить, что во Франции война была совсем не такой, как в России. Немцы в оккупированной Западной Европе вели себя совсем не так, как в Восточной. Надо отметить, Пикассо был достаточно аполитичен, но в определенные моменты он не мог оставаться в стороне от событий, происходящих в мире, и тогда он писал "Гернику", протест против войны во всех ее видах, против безумия и кошмара надвигавшегося на мир атомной угрозы; вступал в Народный фронт во Франции, принимал участие в Сопротивлении, участвовал в Конгрессах мира (его "Голубка" стала символом Движения за мир), а в 1944 году даже вступил в Коммунистическую партию, что считал для себя поступком отнюдь не случайным.

В 1943 году, когда в его жизнь вошла Франсуаза Жило, ему было уже 62 года. Не мальчик, но

Сын художника в костюме Pierrot. 1924.

Портрет дочерей художника. 1938.

по-прежнему сексуальная энергия была в нем ключом. Франсуаз — 21 и она начинающая художница. Она только что бросила университет, где училась на юридическом факультете, и, несмотря на протесты родителей, решила посвятить себя целиком искусству, но получилось так, что посвятила она себя целиком одному художнику — Пикассо.

Появление Франсуазы стало новым ударом для Ольги. Однажды в Париже, когда Ольга попыталась устроить Пикассо и Франсуаз скандал на улице, он дал ей пощечину, после чего пригрозил заявить в полицию. Но ничего не помогало — она писала мужу гневные письма и прикладывала к

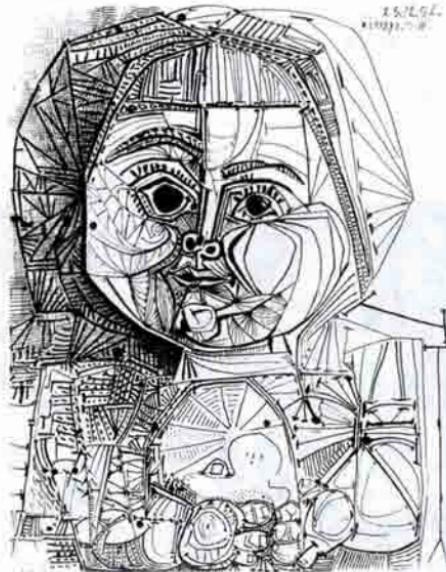
этим посланиям портреты Рембрандта или Бетховена, уведомляя его, что он никогда не встанет в ряд гениев. А летом ехала в средиземноморский курортный городок, где жили Пабло и Франсуаза, и преследовала молодую соперницу. Франсуаза, понимая, как невыносимо страдает Ольга, прощала ее безумные, нелепые выходки.

Ольга умерла 11 февраля 1955 года после долгой болезни, одинокая и забытая всеми. На похороны пришли только ее сын и несколько близких друзей.

Десять лет Франсуаза и Пабло прожили вместе, их отношения знали взлеты и падения, у них родилось двое детей — Клод и Палома, но Франсуаза так и не стала официально женой Пикассо. Она обладала достаточной широтой взглядов, чтобы особенно не переживать по этому поводу, и более того, была умна и терпима — дружила с сыном Пабло и Ольги Полем и принимала Майю, дочь Мари-Терез. А Пикассо... Старея, он словно злился на жизнь и окружавших его людей за то, что годы-то его уходят, и молодость уже не вернуть. Он так часто делал больно тем, которые его любили...

Однажды, гуляя с Франсуазой, он попросил ее подождать на улице, а сам зашел в один дом — это был дом его прежней возлюбленной Доры Маар. Франсуаза ждала, ждала, а потом решила зайти и посмотреть, почему Пабло так задерживается. Как же она была потрясена, когда увидела своего мужа в объятиях Доры! Оскорбленная до глубины души, она бросилась вон. Ей вспомнились все обиды, которые пришлось пережить, все бесчисленные унижения, которыми сопровождалась ее жизнь с Пикассо. И она решила уйти первой, не дожидаясь, когда ее бросят, как старую тряпку.

Пикассо, узнав о ее решении, пришел в ярость — как это ей в голову пришло такое! Что он только ни делал — уговаривал, умолял, но она уже понимала — к прошлому возврата нет. И будущее показало — тот трудный поступок оказался благом и для нее, и для ее детей. Молодая, яркая, умная, талантливая, Франсуаза не долго оставалась одна. У нее начался роман с другом племянника, что помогло снова смотреть на жизнь с оптимизмом. А потом она вышла замуж за художника Люка Симона, ее давнего приятеля, когда же и этот брак распался, она снова вышла замуж, и на сей раз очень удачно — за американского врача, доктора Джонаса Салка, лауреата Нобелевской премии, разработавшего вакцину против полиомиелита. Франсуаза, освободившись от пресса Пикассо, сама села за мольберт и состоялась как художница, ее работы выставлены в музеях разных стран. Да и у детей жизнь сложилась неплохо — Клод стал выдающимся фотохудожником и исследователем творчества своего отца, а Палома — всемирно известным модельером, чьи духи "Палома Пикассо" есть сейчас почти у каждой женщины в любой стране мира.

Портрет Пикассо

Еще до расставания с Франсуазой, в 1953 году Пикассо познакомился с Жаклин Рок. Ему семьдесят два, ей — двадцать семь. Маленького роста, бледная, веснушчатая, она увидела Пабло в керамической лавке в Валлорисе и тут же выразила свое преклонение перед художником. У нее был большой недостаток — в ее доме росла дочь Кати (Жаклин была разведена), а Пикассо всегда говорил, что "никогда бы не лег в постель с женщиной, у которой есть ребенок от другого мужчины". Однако под натиском Жаклин его строгие принципы постепенно рушились. Она боготворила его и как мужчину, и как художника и безответно дарила ему свою моло-

Герника. 1936.

дость. Наконец он сдался — и они поселились вместе на вилле "Калифорния" недалеко от Канна. Она поистине поклонялась ему — называла монсеньором, целовала ему руки, а когда кто-то в ее присутствии заметил, что закаты в Пиренеях необыкновенно хороши, воскликнула: "Как можно смотреть на солнце, если обладаешь счастьем быть рядом с Пикассо!"

Жаклин, войдя в дом Пикассо, своей целью поставила создать условия для его работы. Ничто не должно было отвлекать мастера, даже друзья. И понемногу отвадила всех его многочисленных приятелей, конечно же, подружек, и даже детей. Детям, а потом и внукам, позволялись лишь короткие визиты. "Солнце сейчас к вам спустится, ждите", — говорила она. Или — "Монсеньор занят, приходите позже". Да и правда, зачем они нужны — ведь им всем нужны только его деньги! Круг общения, за исключением парикмахера, врача и секретаря, постепенно сузился до одной Жаклин. Она должна была все время быть рядом — помогала принимать ванну, смотрела, как он работает, обедала с ним. "Даже наш попугай выучил его "Ты где, Жаклин?" И когда я слышала эти слова, то уже не знала, кто меня зовет — Пабло или попугай".

"Жаклин была единственной женщиной, способной вести его как быка, за веревку, поддевшую сквозь кольцо в носу", — говорила о Пикассо Тотот Уте, вдова его друга скульптора Уге.

С тех пор все женские образы в его творчестве стали так или иначе связаны с Жаклин. "Сидящая Жаклин", "Жаклин с цветами", и даже "Женщины Алжира" — это все Жаклин. А когда в 1959 году они переехали в замок Вовенарж, ее образ окончательно вытеснил из его картин все другие. Если на картине нет ее лица, значит, есть поза, ее жест. Он много занимается в те годы керамикой и скульптурой, и в этих пластических творениях он тоже лепит ее — ее тело и ее лицо... У него явный

творческий подъем, и несомненно Жаклин его главная вдохновительница. Жаклин, пользуясь моментом, все чаще заводит разговор о браке. Ольга уже умерла, и у Пикассо не осталось никаких отговорок противиться женитьбе. 2 марта 1961 года они официально стали мужем и женой.

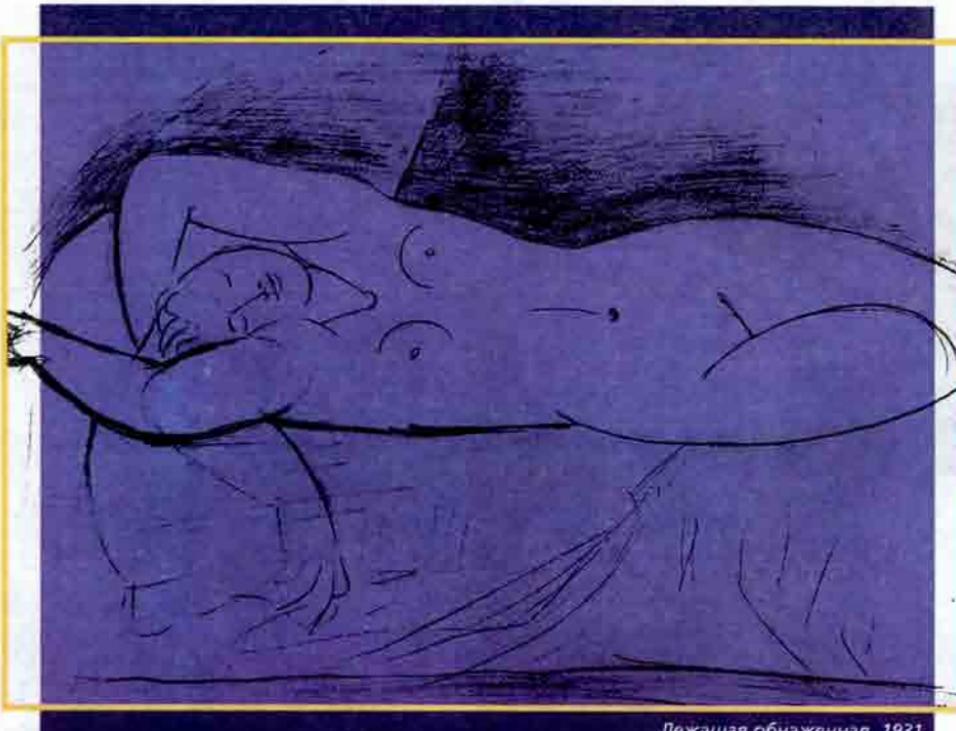
Последние годы жизни Пикассо и Жаклин прожили в Нотр-Дам-де-Ви. Продуктивность Пикассо, несмотря на его уже просто преклонные годы, была поразительной. И конечно же, главной натурщицей остается жена, Жаклин — в 1962 году он написал 70 ее портретов, а в следующем — более 160!

Гениальный художник, один из самых выдающихся мастеров XX века умер 8 апреля 1973 года, прожив долгую — 91 год — и насыщенную творчеством и любовью жизнь. Потеряв мужа, Жаклин чуть не сошла с ума от горя. Но и после его ухода она изо всех сил старалась отвоевать и продемонстрировать свое право на полное владение им. Даже на похороны она пустила не всех, кто хотел с ним проститься. Сыну Пабло разрешила, а его внуку Паблито — нет, и тот с горя и от оскорбления отился. Его так и не смогли спасти. Клод и Палома узнали о смерти отца из газет, им не позволили прийти на погребение, и они могли наблюдать похороны лишь издали. Майе Жаклин разрешила прийти, но ее матери было отказано в праве проводить Пабло в последний путь.

Пикассо, картины которого продавались во всех странах за огромные деньги, обладатель великолепной коллекции антиквариата и полотен выдающихся масте-

ров мирового искусства, владелец, прямо скажем, немалого состояния, умер, не оставив завещания. "Моя смерть будет кораблекрушением, и когда большой корабль пойдет ко дну, многих поглотит водоворот", — говорил он. Так и случилось — его наследники тут же принялись отчаянно биться за свою долю наследства. Битва вылилась в десятки судебных заседаний. Да и было за что сражаться — Жаклин в результате получила триста миллионов франков, законные внуки Пабло и Марина от-

Лежащая обнаженная. 1931.

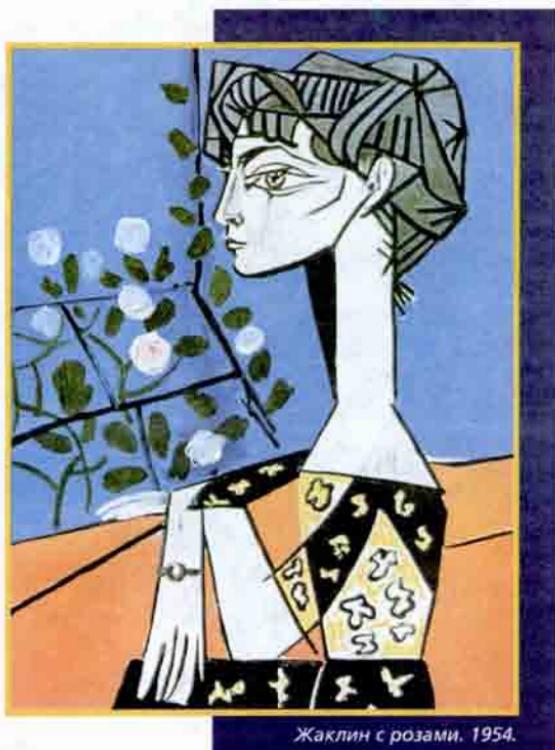
судили по двести миллионов, внебрачные дети Майя, Палома и Клод — по восемьдесят шесть!

"Всякий раз, меняя жену, нужно сжигать предыдущую. Вот так бы я от них избавлялся... Может, это вернуло бы мне молодость. Убивая женщину, уничтожаешь прошлое, которое она собой знаменует". Пикассо своеобразно относился к людям, а особенно к женщинам. Он говорил, что все женщины делятся на богинь и половых подстилок, и особенное удовольствие находил в превращении первых во вторые. Это стимулировало его, вдохновляло, каждая новая женщина, покоренная и ставшая послушной, обуславливала новый подъем, новый всплеск в его творчестве. В нем, в его фантастическом обаянии, в его невероятном эгоизме, было нечто пагубное, что так или иначе отражалось на судьбах людей, на какое-то время становившихся ему близкими. "Есть ли у творцов право пожирать и ввергать в отчаяние своих близких? Должны ли поиски абсолюта сопровождаться некротической жаждой власти? Их творчество, пусть и светоносное, стоит ли оно такой жертвы в виде человеческих судеб? — спрашивает внука Пикассо и Ольги

Хохловой Марина, написавшая горькие воспоминания о своем деде. — ...У девушки никогда не было ни времени, ни желания подумать о судьбе своих близких. Значение имела только одна живопись, те страдания и то счастье, которые она ей приносила. ...Так же, как он выдавливал краску из тюбика, ...он, не смущаясь, выдавливал и тех, кто жил в надежде поймать хотя бы один его взгляд. Он любил детей за пастельные тона их невинности, а женщин — за плотоядные сексуальные импульсы, которые они в нем пробуждали... Любитель свежей плоти, он насиливал женщин, расчленял и пожирал. Мешая кровь со спермой, он превозносили их в своих картинах, обрекая на смерть, едва тольковшая ими сексуальная сила его ослабевала... Они были его жертвами. Он был Минотавром. ...Женщины, друзья, дети, внуки — не важно, он всех их приносил в жертву своему искусству. Он был гений. Но гений зла!" Однажды, еще когда Пикассо был молод и вся его блестящая жизнь была впереди, уличная гадалка-цыганка ему напророчила: "Пабло, ты никогда и никому не принесешь счастья!"

Ольга Хохлова, так и не сумевшая душевно выздороветь после разрыва с Пикассо, страдала от постоянных депрессий и умерла от рака, гораздо раньше своего мужа, при этом Пабло ни разу ее не навестил. Их сын Пабло, живший под страшным гнетом отчагения, терпевший постоянные унижения от отца, недовольного его заурядностью, умер молодым, спустя два года после смерти отца, от алкоголизма и употребления наркотиков. Внук Пикассо, сын Пабло, Паблito, покончил с собой в 24 года, выпив флакон отравы — жавеля. Дора Маар закончила жизнь в психушке, а Мари-Терез Вальтер повесилась в гараже своего дома в Жуан-ле-Пен. Дочь Пикассо и Мари-Терез Майя погибла в автомобильной катастрофе. И наконец в 1986 году, накануне открытия очередной выставки Пабло, так и не сумев смириться с его уходом, застрелилась от тоски его последняя жена Жаклин — выстрелила себе в висок. Франсуаза Жило оказалась самой умной — она вовремя сбежала от этого разрушителя человеческих судеб.

Пикассо оставил весьма впечатляющее творческое наследие: 1885 картин, 7089 рисунков, более 30 тысяч эстампов, 1228 скульптур, 3222 керамических композиций. Он был большим тружеником, этот испанец! Проходят годы, но его произведения по праву остаются настоящими шедеврами мирового искусства, в которых отразился весь XX век. И наверное, теперь не так уж и важно, каким он был, этот гений, в своей личной жизни...

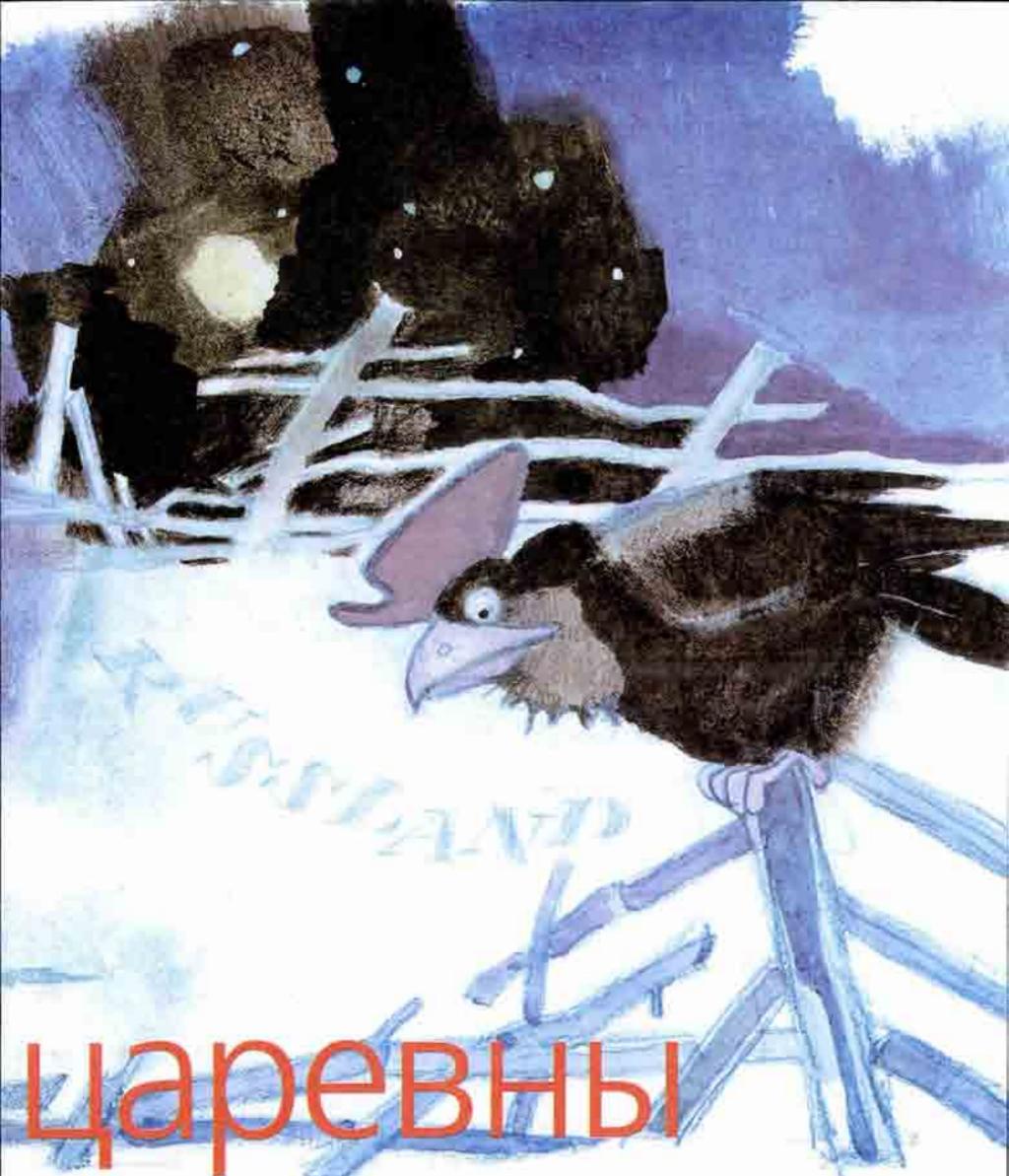
Жаклин с розами. 1954.

Судьба

иллюстрация Геннадия Новожилова

Над живописными окрестностями замка Морицбург занималась заря. Утренний гомон птиц заглушили звуки труб и рогов — это начался грандиозный праздник в честь графини Авроры Кенигсмарк, устроенный саксонским курфюрстом, будущим королем Польши Августом II Сильным. Курфюрст не только наделен природой необыкновенной физической силой, но и очень красив. Дрезденский двор при нем соперничал с Версалем изящной роскошью и прекрасными женщинами, которых он страстно обожал. Появившаяся Аврора затмила всех красавиц. Любвеобильный курфюрст забыл прочих дам и девиц, он публично по-

царевны

клоняется прелестнице, носит ее цвета, ее вензеля горят в иллюминациях, для нее даются балы, великолепные праздники, блестящие маскарады... Весь Олимп спускается на землю, чтобы разыграть замысловатые аллегории по поводу ее имени — богини зари. И все напрасно. Август сохнет, Август страдает, Август добивается ее любви. Ради этой цели он и устроил этот праздник, длившийся сутки. Охоту за оленями сменили танцы, маскарад, катание в раззолоченных гондолах. Мифологические боги и богини бросали цветы под стопы Авроры, амуры ее приветствовали, фавны пели куплеты. Нескончаемый праздник подошел к концу,

Август, наряженный султаном, в сопровождении визирей и пашей со свечой в руке провожает царицу праздника до назначенного ей покоя.

— До сих пор я был властитель правоверных, здесь вы моя повелительница, а я ваш раб, — смиренно произнес он, остановясь у порога.

Против такого почитательного обожания прекрасная Аврора не устояла. Плодом этой волшебной ночи стал сын, который родился в 1696 году. В память о замке Морицбург, где любовь Августа была "увенчана", мальчика назвали Морицом. Призванием его стали война и любовь. Граф Мориц Саксонский не оставил глубокий след в истории, но мало существует людей, которые при жизни пользовались такой широкой известностью, как он. Дамы европейских дворов боготворили его, готовы были разориться ради него. И вот этот красавец, всеобщий идол сватается к герцогине Курляндской Анне, овдовевшей пятнадцать лет назад...

В год рождения Морица в Москве умирал царь Иван Алексеевич, его средней дочери Анне накануне исполнилось всего три года. Вскоре вдовствующая царица Прасковья Федоровна переселилась в живописное подмосковное село Измайлово, любовно обустроенное ее свекром. Прелестный сад и огород, сказочный деревянный дворец на острове, тенистые аллеи, зверинец. Измайловские пруды кишили рыбами, которые выплывали на кормежку при звуке колокольчика. Как писал путешественник Корб, нежные мелодии флейт и труб придворного оркестра "соединялись с тихим шелестом ветра, который медленно стекал с вершин деревьев". Среди этого великолепия и прошло детство будущей императрицы Анны Иоанновны, она на всю жизнь сохранила любовь к райскому уголку, в честь него назовет учрежденный ею третий гвардейский полк. Но была ли счастлива Анна? Идолом матери была старшая дочь — "Катюшка-свет", скромная же и застенчивая средняя раздражала царицу Прасковью. Унижения и деспотизм матери довел, даже когда она стала герцогиней Курляндской.

Многочисленным штатом царицы Прасковьи руководил ее дворецкий и родной брат Василий Федорович Салтыков. Дядя немало крови попортит своей племяннице. Анна с сестрами была окружена не только челядью: но сонмы юродивых, гадалок, калек населяли дворец. "Двор невестки — госпиталь уродов, ханжей и пустословов", — говорил Петр I, не терпевший этой публики. Однако, искренне любя семью брата, он снисходительно относился к образу жизни царицы Прасковьи.

Как дети переходного времени царевны испытывали на себе все его прелести. Воспитанные в эпоху перемен, они впитали и старорусские традиции, и европейские. Обучали царевен русскому языку, истории, географии и каллиграфии. Петр, желавший, чтобы племянницы знали иностранные языки и танцы, приставил к ним в качестве гувернера и учителя немецкого языка Остермана (старшего брата знаменитого вице-канцлера), а французский язык и танцы преподавал француз Рамбух.

В 1708 году Анна вместе с матерью и сестрами переезжает в Петербург. Царь подарил невестке дом в самой нарядной части города, где жил сам. Но недолго царевна прожила в северной Пальмире. Принимая участие в судьбе племянниц, Петр, заменивший им отца, хотел пристроить их, выдав замуж за подходящих принцев европейских владетельных домов. Правда, забота эта счастья царевнам не принесла. Так, старшая Екатерина стала герцогиней Мекленбургской. Жизнь ее превратилась в кошмар. Не выдержав характер самодура-мужа, она вместе с маленькой дочерью (будущей правительницей Анной Леопольдовной) возвращается в Россию.

Первой же замуж выдали Анну. Судьба уготовила ей печальную участь. Политические союзники — русский царь и прусский король — пожелали укрепить свои взаимоотношения родством: выдать замуж одну из царевен за племянника короля — герцога Курляндского. Петр по просьбе юного жениха послал портреты трех

Ивановен: Екатерины, Анны и Прасковьи. Герцог остановил выбор на средней сестре, и 10 апреля 1710 года в Петербург прибыли его доверенные лица для заключения брачного контракта. Жених выдвинул свои условия: вывод из Курляндии русских войск, обязательство со стороны России впредь не занимать его земли и не брать с них контрибуцию; учреждение комиссии для исследования обид, причиненных курляндцам русскими войсками; нейтралитет Курляндии на случай будущих войн, свобода торговли с Россией. В качестве приданого герцог просил 200 000 рублей. Петр, согласившись на условия, уточнил: из просимой суммы только 40000 являются приданым, а остальные деньги даются герцогу взаймы на выкуп его заложенных "старост", и они должны быть отданы будущей герцогине Анне в залог, причем она получает ежегодно по 5 процентов. Четверть суммы отдаются сразу же после утверждения договора, столько же в день бракосочетания, а остальные будут уплачены после, "в самоскорейшем времени". Для герцогини и ее русских придворных в митавском замке должна быть церковь "по греческому укашению". Что касается наследников, то сыновья должны воспитываться в лютеранском законе, а дочери — в греко-российском.

Сразу же после подписания контракта Петр получил письмо герцога: "Вы не только помогаете мне обеспечить обладание моим наследственным герцогством, обещая силою поддерживать меня против внешних и внутренних нападений, но даже пожаловали мне в супруги ее высочество царевну Анну — дражайший и любезнейший залог благоволения ко мне вашего величества..." Царевна же пишет жениху на немецком: "Из любезнейшего письма вашего высочества я с особенным удовольствием узнала об имеющем быть по воле Всевышнего и их царских величеств, моих милостивейших родственников, браке нашем. При сем не могу не удостоверить ваше высочество, что почти не может быть для меня приятнее, как услышать ваше объяснение в любви ко мне. С своей стороны, уверяю ваше высочество совершило в тех же чувствах, что при первом, сердечном желаемом, с Божьей помощью счастливом, личном свидании предоставлю себе повторить лично, оставаясь, между тем, светлейший герцог, вашего высочества покорнейшею служницей. Анна".

Счастливое личное свидание состоялось в августе, а 31 октября 1710 года семнадцатилетние суженые обвенчались. Три дня пировали в палатах светлейшего князя Меншикова, и еще два месяца продолжались празднества. "Пирсы того времени отличались гомерической невоздержанностью относительно питья крепких напитков, — пишет Мордовцев, — и юный жених пил много, чем, кажется, и погубил себя". "Несчастливый конец постиг брак царской племянницы. Новобрачные уехали в Курляндию... но на дороге в Митаву, и даже в 40 только верстах от Петербурга, на мызе Дудергоф, герцог вдруг скончался. Причиною неожиданной смерти было неумеренное употребление спиртных напитков при отъезде из царской столицы. Так сердечно и так неосмотрительно угостили его царственные свойственники". (Костомаров). "Молодые провели в Петербурге два месяца, а в начале следующего года выехали в Курляндию; но страшная в то время болезнь оспа приключилась герцогу на второй станции от Петербурга, и в несколько дней свела его в могилу". (Щебальский). Известно, что перед отъездом герцог сильно простудился.

Как бы то ни было, а Анна, не успев побывать женой и вкусить простого женского счастья, овдовела. Что ей делать на чужбине? Ее тянет на Родину и под всевозможными предлогами она оказывается в любимом Измайлово. Но царю нужна Курляндия, и он настойчиво высылает племянницу в Митаву. Отлучками герцогини недовольны и курляндцы. Петру приходится успокаивать их через ее управляющего. "К Петру Бестужеву. Письмо ваше до его царского величества от 11-го числа дошло, по которому его царское величество о конфузии, учинившейся в Курляндии от отъез-

да в Ригу ее высочества государыни царевны Анны Иоанновны, известен, и указал к вам отписать, чтобы вы доброжелательных курляндцев обнадежили в том, что ее высочество имеет возвратиться паки в Курляндию и жить там".

Судя по воспоминаниям современников, герцогиню в Курляндии любили, и, по мнению Щебальского, Анна способствовала "установлению о нас доброго мнения". Тихо жила она в замке и "не обнаруживала ни малейших пополнений к вмешательству в государственные дела". Лестных отзывов о русской княжне и курляндской герцогине сохранилось немало, правда, их цитируют редко, предпочитая поносные. Голландский путешественник и живописец Ле-Брюон, писавший по заказу Петра I портреты "Ивановен", в своих записках отмечает, что царевна Анна и две другие ее сестры чрезвычайно мягкого характера и обворожительно любезны. Когда он рисовал их портреты, то они не знали, как и чем его угостить, часто удерживали у себя обедать и за столом нарочно для него подавали скромное, хотя весь двор в то время по случаю великого поста не ел подобных блюд. Характерно, что царевны на портретах изображены в немецких платьях, а их практически — старорусские.

Во время коронации Екатерины Анна познакомилась с герцогом голштинским. "15-го марта его королевское высочество делал парадный визит герцогине курляндской. Она приняла его очень ласково, но не просила садиться и не приказала разносить вино, как обыкновенно здесь водится. Герцогиня женщина живая и приятная, хорошо сложена, не дурна собою и держит себя так, что чувствуешь к ней почтение". (Берхольц).

Властью герцогиня действительно не пользовалась. Анну, видно, и царственный дядя и мать до конца жизни считали ребенком. Всеми делами заведовал и отчитывался перед царем (вплоть до туалета и продовольствия) камергер Бестужев. Напитками же, и в каком количестве снабжать ими двор племянницы распоряжался лично Петр: "ангеликовой (водки) одно ведро, лимонной одно ведро, ани-совой одно ведро, простого вина пять ведер; из гладских водок: цитроновой, померанцевой, персиковой, коричневой — по одному ведру". Что касается содержания, тут и того хуже. Герцогство разорено войной, доходов — никаких, а царственный дядюшка, находясь постоянно в походах, не удосуживался посыпать в Сенат соответствующие указы, и Анна бедствовала. Зато стоило появиться среди тамошнего дворянства сторонникам Польши, как Петр приказывал Бестужеву напомнить о долге и пригрозить немедленно выплатить баснословную сумму, отданную им на выкуп заложенных имений.

Со своей стороны мать во всем контролировала дочь и докучала Петру с Екатериной по поводу ее содержания, требовала заменить придворных, назначить хороших советчиков. Мало этого, до царицы Прасковьи доходят слухи о "неблаговидном" поведении дочери-вдовы, и она посыпает туда своего брата Василия Федоровича Салтыкова. Доносы дядюшки разгневали царицу, и она угрожает материнским проклятием. Ее стараниями и требованием убрать Бестужева из Митавы разразился скандал. Но ни Петр, ни Екатерина не верят сплетням. По поручению царя Екатерина Алексеевна написала царице Прасковье, "что Бестужев отправлен в Курляндию не для того только, чтоб ему находиться при дворе Анны Иоанновны, но для других многих его царского величества нужнейших дел, которые гораздо того нужнее, и ежели его из Курляндии отлучить для одного только вашего дела, то другие все дела станут, и то его величеству зело будет противно..."

Мордовцов, сомневаясь в близости Анны с ее камергером, допускает, что это была злая клевета. "Как бы то ни было, но отношения Анны Иоанновны к Бестужеву-Рюмину, при всей их, может быть, безупречности, составляют печальную страницу в жизни будущей императрицы. Отношения эти поссорили ее с матерью, крутой нрав

которой и суровая воля постоянно силились, по-видимому, гнуть волю двадцатипятилетней дочери..." Царская чета пытается примирить их. За два дня до смерти царица Прасковья пишет Анне: "Слышала я от моей вселюбезной невестушки, государыни императрицы Екатерины Алексеевны, что ты в великом сомнении, яко бы за прещением или тако реци — проклятием от меня пребываешь, и в том ныне не сомневайся: все для вышеупомянутой ее величества моей вселюбезнейшей государыни невестушки отпускаю вам и прощаю вам по всем, хотя вы в чем пред мною и погрешили".

А что же любимый братец-соглядатай? У него была веская причина ненавидеть и мстить племяннице, которая приняла участие в судьбе его жены. Салтыков прославился чрезвычайно дурным и жестоким нравом. Донося сестрице о недостойном поведении Анны, он сам открыто живет со своей служанкой. Женившись вторым браком на красавице и умнице княжне Александре Долгорукой, Салтыков зверски с ней обращался, часто пускал в ход кулаки и палку, морил голодом. Уезжая из Митавы в Петербург, он избил жену до полусмерти. Герцогиня, узнав об этом, приказала перенести к себе Александру и поручила выходить ее придворному доктору. Но до Салтыкова дошло, что его супруга благодаря племяннице выжила, он требует Александру в Петербург. Несчастная, несмотря на свое состояние, рискнула бежать к отцу, который в это время был чрезвычайным посланником в Варшаве. Об этом знала только Анна.

Оскорбленный отец шлет членобитную царю, в которой подробно излагает изуверства зятя. "Высокодержавный царь и всемилостивейший государь! Ваше величество, милосердствуя о народе своего государства, изволите непрестанно беспокойно трудиться, чтоб оной из прежних азиатских обычаев вывесть и обучить, как все народы христианские в Европе обходятся... Того ради, упадая до ног вашего величества, рабски слезно прошу сотворить со мною милость, чтоб мне от него, Василья Салтыкова, не быть в поругании, и чтоб несчастливая собственная моя дочь не была отдана ему в прежнее мучение, и жить бы оной в моем доме..."

В этой семейной драме и герцогиня курляндская, и русская царица, и вся женская половина двора приняли сторону Александры. Салтыков же подал Петру жалобу, что у него сбежала жена, и требовал допросить его прислугу — куда она делась. На членобитной стоит резолюция царя: "о сем розыскать и обиженней стороне полную сatisфакцию учинить в юстиц-коллегии..." Началось следствие и допросы. К ответу призвали и князя Шейдякова, которому князь Долгорукий поручил привезти в Варшаву дочь.

— А тебе, Шейдякову, — заявил на "очной ставке" Салтыков, — без мужнина го позволения ни увозить жены, ни ехать с ней в одной коляске не надлежало. По уложению да по артикулу: кто честную жену, либо девку увезет, тот подлежит смертной казни. Командирского же приказания в столь партикулярном деле слушать не надлежало.

Самодур поначалу отрицает выдвинутые обвинения: "Жену бессинно мучительски не бил, немилостиво с ней не обращался, голодом ея не морил, убить до смерти не желал и пожитки ее не грабил. Истец же мой, будучи в Варшаве, не ведал подлинно, как жил я с женой в Митаве. Видеть да не слыхать, и членобитной писать не надлежало. Что ж до того, чтоб возвратить мне ея приданое из недвижимого имения, то ни из каких указов, ни из пунктов уложения не видно, чтоб мужья награждали жен за уход". Но потом, чувствуя свою силу и уверенный в правоте, он гордо заявил: "За непослушание был я жену сам своеручно, да и нельзя было не быть: она меня не слушала, противность всякую чинила, к милости меня не привращала и против меня невежнила многими досадными словами и ничего

чрез натуру не терпела. Бежать же ей в Варшаву было не из чего, а жалобы князя писаны были, без сомнения, без ея согласия". Вот такой человек следил за нравственностью Анны. К чести герцогини, ни дядя, ни мать не смогли испортить добрые отношения ее с гофмейстером. Когда в 1727 году Бестужева за допущенные прощеты отзовали, Анна в отчаянии писала вице-канцлеру: "Не дайте мне во веки плакать, я к нему привыкла".

Курляндия для европейских дворов была лакомым куском, и многие владетельные принцы искали руки вдовствующей герцогини. Петр неоднократно вел переговоры о ее замужестве, но все они ни к чему не привели. Великий дядя умер, так и не решив судьбы племянницы. И тут в 1726 году на горизонте появился галантный красавец граф Мориц Саксонский, чья обходительность и веселость пришли по нраву не только курляндскому дворянству, но и герцогине. Август II, устраивая судьбу любимого, но внебрачного сына, решил посадить его на герцогский трон. Дворянство встретило графа Морица любезно и единогласно его избрало. К Анне явились депутаты, которые заявили, что желают ее брака с избранным герцогом и тем самым соединить новую династию с предшествующей.

— Моя судьба зависит отволи русской императрицы, — сдержанно отвечает Анна и тут же пишет графу Остерману, прося его содействия, "чтоб ея императорское величество всемилостивейше повелела сие мое дело с принцем Морицем совершилось..."

Не ведала бедняжка, что стать герцогом мечтает и сам Меншиков. Александр Данилович мчится в Курляндию наставить на путь истинный Анну, а та спешит ему навстречу, чтобы уговорить принять ее сторону. Встретились в Риге, и она сразу же начала "о известном курляндском деле с великою слезною просьбой, чтобы в утверждении герцогом курляндским князя Морица и по ее желанию, о вступлении с ним в супружество мог я исходатайствовать у вашего величества милостивейшее повеление, на что я с учтивостию ея высочеству ответствовал, что ваше величество оного Морица до герцогства курляндского для вредительных интересов российских и польских допустить не изволите... ея высочеству в супружество вступиться с ним неприлично, понеже оный рожденный от метрессы, а не от законной жены, что вашему величеству и ее высочеству и всему государству будет бесчестно..."

В Митаве состоялась другая встреча: двух "претендентов" на престол. Переговорив о правах каждого на герцогскую корону, практичный князь поинтересовался у графа:

— Какими средствами вы располагаете для поддержания своих прав?

— Если право на моей стороне, то оно само себя поддержит!

С "правами" Морица не согласна была не только Россия, но и Польша. Шляхта предъявила претензии Августу и собирала войско для вторжения в Курляндию. Тем временем в Митаве произошел любопытный инцидент. Ночью отряд Александра Даниловича (800 человек) "тихо" пошел на приступ дома, где остановился "блестящий француз". Предупрежденный о намерении князя его выкрасть, Мориц раздал оружие своим приближенным (60 человек), и во всеоружии встретил противника. Ожесточенная перестрелка переполошила всю Митаву, услышали ее и в замке...

Анна многое способна снести: и унижения, и нужду, и притеснения, но когда дело касалось ее личной привязанности, то на пути ее не становись. Как! Она — внучка русского царя Алексея Михайловича и племянница императора Петра Великого, она — вдова последнего прямого потомка² основателя династии Кеттлеров Готтгарда Кеттлера (последнего магистра ордена меченосцев и первого герцога курляндского), дворянство в ее лице желает соединить две династии, тем самым обеспечить

преемственность, а кто-то войной пошел на ее жениха, избранника курляндцев! Не бывать сею! Ворота настежь! Гвардия вперед!

И через мост, соединявший замок с городом, высекая искры, пролетела конница. Отряд гвардии герцогини устремился к месту боевых действий, спеша на выручку осажденных. Русские, как пишут французские биографы Морица, отступили, потеряв 16 человек убитыми и больше 60 ранеными, жертвы были и у осажденной стороны.

Анна берет под свое покровительство жениха, селит его в замке, а сама — в Петербург ходатайствовать о браке с графом. Но и на этот раз ей не суждено было выйти замуж и не только по причине противодействия русского двора. Герцогиня охладила к любезному Морицу. Блестящий красавец, сватавшийся к ней, клявшийся ей в любви, скомпрометировал себя. Еще во время штурма солдаты, окружившие дом, заметили с тыльной стороны спускающуюся из окна фигуру. Решив, что это ретирируется граф, они сквалили "его", но беглецом оказалась хорошенская немочка. Об этом сразу же стало известно всем, но то ли до Анны не дошло (во что трудно поверить), то ли она решила, что это клевета Меншикова или завистников, но к искателю своей руки герцогиня продолжала питать теплое чувство.

Неисправимый Дон Жуан заводит роман с придворной девицей. Когда в замке все засыпали, красавица выходила на крыльцо, где ее ждал граф и уводил в свои покой. Так продолжалось до первого снега. Истинный рыцарь не мог позволить, чтобы прелестница промочила ножки, и переносил ее на руках. И надо же случиться бесконнице у старухи из придворной прислуги. Сквозь мрак она разглядела громадный призрак: колоссальная фигура с развевающимся платьем плыла по двору. Вопль ужаса поднял весь замок на ноги. Тайна Морица раскрыта. Анна оскорблена. Ее последняя надежда на замужество рухнула...

Жесткое, порой жестокое отношение русской родни с одной стороны, а с другой — сочувствие и симпатии курляндцев, сделали свое дело. Герцогиня стала доверять представителям тамошней аристократии. Спустя три года, когда Анна стала русской императрицей, некоторые из них последуют за ней в Россию. "Скромная и застенчивая" дочь царя Ивана наделена сильным характером. Оправившись от удара и похоронив мечты, она все больше обращает внимание на умного усердного волевого красавца Бирена³. На тридцать пятом году ее посетило настоящее огромное чувство, сохранившееся на всю жизнь. "Никогда на свете, чаю, — писал Эрнст Миних, — не было дружественнейшей четы, приемлющей взаимно в увеселении или скорби совершенное участие, как императрица с герцогом".

О чрезвычайной привязанности к Бирону и его влиянию на нее писали как иностранцы, так и русские. Этот человек во многом определял ее вкус и пристрастия. Так она стала страстью лошадницей и полюбила верховую езду. По ее поручению знаменитый граф Растрэлли выстроил вблизи дворца огромный манеж ("конскую школу"), роскошно украшенный внутри и снаружи, в котором для нее отделали специальную комнату, где она частенько занималась делами и давала аудиенции.

"Мрачная" императрица терпеть не могла черный цвет и хмурые физиономии, потому-то во дворце никто не появлялся в черном платье, зато на всех лицах светились улыбки. Сама Анна в будние дни предпочитала одеяния небесно-голубого или зеленого цвета. По четвергам и воскресеньям во дворце отправлялись "куртаги", на которые съезжались танцевать или играть в различные игры (чаще шахматы и бильярд). Иногда давались спектакли, играли немецкие и итальянские пьесы.

"Черствая по природе", "злого и необразованного ума" императрица страстно любил театр. Именно она ввела в России итальянскую оперу и балет. Двор при ней поражал своим блеском иностранцев. Ее балами восхищался маркиз Шетарди, о

них писала жена английского посла леди Рондо: "Большая зала дворца была украшена померанцевыми и мильтовыми деревьями в полном цвету. Деревья, расставленные шпалерами, образовали с каждой стороны аллею, оставляя довольно пространства для танцев. Эти боковые аллеи, в которых были расставлены скамейки, давали возможность танцующим отдыхать на свободе. Красота, благоухание и тепло в этой своего рода роще — тогда как из окон были видны только лед и снег — казались чем-то волшебным и наполняли душу приятными мечтами. В смежных комнатах подавали гостям чай, кофе и разные прохладительные напитки; в зале гремела музыка и происходили танцы. Аллеи были наполнены изящными кавалерами и очаровательными дамами в роскошных платьях. Все это заставляло меня думать, что я нахожусь среди фей, и в моих мыслях в течение всего вечера восставали картины из "Сна в летнюю ночь" Шекспира".

Трактовка царствования Анны Иоанновны — "мрачной страницы нашей истории", в которой "наиболее темное пятно" "сама императрица", реакционный режим "бироновщины" — нам хорошо известны со школы. Но именно тогда русское дворянство, "страдавшее под гнетом засилья немцев", получило невиданные до селе послабления. По требованию фельдмаршала Миниха, русским офицерам стали платить наравне с иноземцами, а не вдвое меньше, как прежде. Он же настоял на учреждении первого кадетского корпуса. 17 апреля 1732 года был издан указ о производстве за военные заслуги в офицеры не только солдат-дворян, но и "из податных сословий", в том числе и крестьян, и об обучении солдатских детей в особых школах на казенный счет. Указ 1736 года отменил петровское положение о пожизненной службе дворянства, ограничив ее 25 годами, а также дозволялось одному из сыновей, "кому отец заблагорассудит, оставаться дома для содержания экономии".

Анна вернула Азов, утраченный в результате неудачного Прутского похода, восстановила дипломатические отношения с Великобританией, и в 1734 году между двумя державами был заключен пятнадцатилетний договор о дружбе, взаимной торговле и мореплавании. При ней была создана русская грамматика и вышла первая русская история. При ней состоялась Вторая Камчатская экспедиция, организованная Академией наук, цель которой — всестороннее изучение Сибири. Эта экспедиция и основала в 1740 году Петропавловск-Камчатский, в ее рамках Беринг (поступивший на русскую службу при Петре I) обследовал побережье Аляски, открыл Алеутские острова, впервые вышел в море, названное впоследствии его именем.

Именно в ее "мрачное" десятилетие резко возросли обороты торговли, новое горное законодательство создало благоприятные условия промышленного предпринимательства, Россия обогнала Великобританию по выпуску чугуна.

"Засилье" иноземцев в царствование единственной чистокровной русской императрицы и притеснение русских — из той же серии, что и потемкинские деревни. К слову сказать, немцами тогда называли почти всех выходцев из Европы. Из "немцев", стоявших у руля государства при Анне Иоанновне — лифляндец Лёвенвольде, ольденбуржец Миних, вестфалец Остерман — были "птенцами" Петра Великого. Что касается "камарильи", приехавшей с Анной из Курляндии, то "фоны" Кайзерлинг, Корф, Сакен и другие верно служили интересам нового Отечества, как впрочем и их потомки. Барон Кайзерлинг, содействовавший Бирону вступить на службу ко двору герцогини, ревностно защищал православных от притеснений католиков в Польше. Этого выдающегося русского дипломата XVIII века особенно высоко ценила Екатерина Великая. До дипломатической службы он полгода возглавлял Академию наук, и за этот срок успел упорядочить отчетность академических сумм, испросить деньги для уплаты долгов и выплаты жалованья ученым, принять

на службу Тредиаковского, которого обязал "вычищать язык русской, пишучи как стихами, так и не стихами". В оставленной им подробной инструкции об управлении Академией настаивал на "сочинении русской грамматики", что и поручили Ададурову.

О Корфах распространяться не приходится: заслуги этой фамилии перед Россией хорошо всем известны. Приведу всего лишь один пример службы Отечеству капитана второго ранга Сакена, которого принц Нассау, зная его "отменную храбрость", послал на "допель-шлюпке" к генералу Суворову сообщить о появлении турецкого флота у Очакова. Перед отплытием Сакен зашел проститься с другом Марковым.

— Мое положение опасно, но честь свою спасу. Когда турки атакуют меня двумя судами — я возьму их; с тремя — буду сражаться; от четырех — не побегу; но если нападут более, тогда, прощай, Федор Иванович, — мы уже более не увидимся.

32 корабля во главе самого Гассана бросились за шлюпкой. Когда они ее почти нагнали и ядром разбили мачту, Иван Христофорович приказал морякам сесть в меньшую шлюпку и вернуться. Окруженный неприятелем, он принял бой, продолжавшийся целых полчаса. После чего Сакен взорвал шлюпку вместе с абордировавшим его неприятельским судном.

Любимая Анной Москва также немало ей обязана. Именно "мрачная" императрица осветила Первопрестольную. В первый же год правления она издала указ, гласивший: "На Москве в Кремле, в Китае, в Белом и в Земляном городах и в Немецкой слободе по большим улицам для зимних ночных сделать из полицеймейстерской канцелярии и поставить на столбах фонари стеклянные, один от другого на 10 сажен, все в меру линейно..." Спустя два года был издан указ об освещении Воронцовской и Мещанской слобод, за Серпуховскими и Калужскими и Красными воротами.

Одно из любимых мест царя Петра — напротив Немецкой слободы за Яузой. Здесь он с потешными рыл траншеи, "воевал", здесь же по его приказу построили небольшой дворец, и при нем голландец Тимофей Брантгоф разбил сад, который очень полюбила императрица Анна. Находясь в Москве на коронации, она приказала на месте старого дворца, пришедшего в негодность, построить однотажный деревянный. Как-то прогуливаясь по обширному лугу перед дворцом, она помечтала:

— Очень было бы приятно гулять здесь, ежели бы тут была роща. В тени ее можно было бы укрыться от зноя.

Спустя несколько дней во дворце происходило большое торжество. По обыкновению Анна утром подошла к окну глянуть, какая погода, — и застыла, пораженная: перед ней шумела обширная роща из старых деревьев.

— Что за чудо? Уж не снится ли мне?

— Нет, ваше императорское величество, — улыбнулся Бирон, — придворным по праву пришлась ваша мысль о саде. Они в тот же вечер разбили луг на участки, и кому какой достался по жребию, за ночь со своими слугами засадили луг отборными деревьями.

Долго на деревьях сохранялись имена придворных, которые их сажали. ■

¹ Отец герцога окружил себя роскошью, тратил много денег на придворный блеск, поэтому ему пришлось заложить несколько герцогских имений.

² Последний представитель мужской линии Кеттлеров — дядя умершего герцога — Фердинанд скончался в 1737 году.

³ Позже Эрнст Иоганн Бирен заменил букву в фамилии.

Ожившее воспоминание

Лицо она узнала сразу, потому что видела его слишком уж часто. В старых журналах — черно-белые фотографии, отснятые фотокором вочных клубах, на обложках пластинок — цветные фотографии, большущие гастрольные постеры, на которых пропечатывалась каждая пора. Лицо это она хорошо запомнила. Двадцать с лишним лет назад оно взирало на нее со стены спальни, когда она еще училась в средней школе. Господи, неужели это было так давно? Теперь лицо расплылось от выпитого и груза прожитых лет, кожа стала куда более дряблой. Но, тем не менее, в баре сидел именно он.

иллюстрации Александра Кима

Раньше Мэгги неоднократно задавалась вопросом, а как она поведет себя, столкнувшись с ним лицом к лицу? В десятом классе она и Кэти Райан частенько говорили об этом. "Почему бы тебе не сделать такую же прическу, как у Конни Стивенс"? Кто твой любимчик в группе "U.N.C.L.E."²? Что бы ты сделала, встретив Делвина Роби?" Тут они начинали дико хохотать, не в силах даже представить себе встречу с настоящим, живым певцом, звездой рок-н-ролла. Он обитал в роскошных лимузинах да в пентхаузах, когда они занимались физкультурой и корпели над задачами по алгебре под неусыпным взором миссис Кейди. А взрослая жизнь отстояла от них на сотни лет.

Когда Мэгги училась в выпускном классе, она-таки встретилась с Делвином Роби. Если живешь на Лонг-Айленде, рано или поздно твой принц придет. Потому что никому из знаменитостей не удавалось обойти стороной Большое Яблоко³. Но встреча не задалась. Делвин Роби далекой звездой сверкал на сцене, а Мэгги затрялась в море вопящих девчушек. Она и Кэти тоже вопили и бросали на сцену бумажные розы, но у них не создалось ощущения, что они его видели. Собственно, он смотрелся куда лучше с экрана телевизора во время передачи "Американская музыка". После концерта они с невероятным трудом пробились сквозь толпу поклонниц к двери черного хода, только для того, чтобы их грубо отпихнули телохранители мистера Роби, а он сам, с каменным лицом, прошелся к лимузину, не замечая приветственных криков.

Возвращаясь домой, они плакали.

Безразличие идола столь разочаровало Мэгги, что она написала ему письмо и отправила ему по адресу компании, выпускающей пластинки с записями его песен. В письме она пожаловалась на его недопустимое отношение к поклонницам. В конверт она вложила корешок от билета на концерт и одну из своих фотографий. Несколько дней спустя Мэгги получила фотографию Делвина Роби, восемь на десять дюймов, с автографом, экземпляр его последнего альбома и написанное от руки письмо на фирменном бланке "Эпик рекордс". Рок-звезда извинялся за то, что столь быстро проскочил мимо, но на то была уважительная причина: он спешил в отель, чтобы позвонить внезапно заболевшей матери, и выражал надежду, что Мэгги простит его. В конце письма пообещал, что отныне после концертов будет уделять максимум внимания своим поклонницам.

Последующие несколько недель Мэгги не находила себе места от счастья, а пластинку просто засигналила, но постепенно радость забылась, и письмо вместе с пластинками и музыкальными журналами перекочевало в прошлое, тогда как жить Мэгги приходилось в настоящем.

В школе она усиленно изучала делопроизводство, получая в основном четверки, так как рассчитывала после окончания учебы податься в секретари. О колледже она даже не задумывалась: у родителей не было таких денег, а если бы были, едва ли они одобрили бы ее желание учиться дальше. Поскольку тебе все равно выходить замуж, резонно указал ее отец, нет смысла тратить твоё время и наши деньги на обучение. В школе Мэгги хотела получить специальность автомеханика, как и многие парни, но классный руководитель лишь улыбнулся и покачал головой. Девушкам полагалось учиться печатать и вести домашнее хозяйство. Он полагал, что эти дисциплины принесут Мэгги гораздо больше пользы. Теперь же, когда тек кран или барахлил тостер, Мэгги жалела, что не настояла на своем и не обучилась основам той профессии, которая могла пригодиться в повседневной жизни. Тогда ей не пришлось бы тратить деньги на выставленные за ремонт счета. Однако она понимала, что прошлого не вернешь. Что сделано, то сделано, и деваться тут некуда.

Летом после выпускного вечера Мэгги выскочила замуж за Леона Холтца, не такого красивого, как Делвин Роби, но зато настоящего. Он сказал, что любит ее, взял напрокат небесно-голубой фрак и подарил ей букетик белой гардении, приглашая на школьный бал. Если и были причины не выходить за него замуж, то Мэгги их не находила. Леон работал в строительной фирме своего дяди, она — продавщицей в автосалоне, продающем "форды", а сие означало, что в месяц, за вычетом налогов, они получали шестьсот долларов. Раз они могли снять маленькую квартируку и обставить ее подержанной мебелью, так чего ждать? Если Мэгги и посещали сомнения относительно долгой и счастливой совместной жизни с Леоном, если она и сожалела о том, что ее девичьи мечты не стали реальностью, то едва ли это ее тревожило. И потом, где и как она могла познакомиться со знаменитостями уровня Делвина Роби?

Через четырнадцать месяцев родился Ричи. Семейная жизнь закончилась, когда мальчику исполнилось два года. Круглоицый, спокойный малыш с карими, в маму, глазами болел сколиозом (так доктор называл прогрессирующее искривление позвоночника). Медицинские счета множились и множились, и Леон ушел, не выдержав медленного погружения в пучину бедности. Мэгги перебралась на Манхэттен, решив, что денег она там заработает побольше, особенно, если забудет, что работала продавщицей. В двадцать один год выглядела она отлично.

После двух неудачных попыток ей удалось устроиться официанткой в коктейль-холл "Красный лев". Ей не нравилась красная бархатная униформа с юбочкой, едва прикрывавшей признаки пола, не нравились черные сетчатые чулки, которые приходилось надевать, но чаевые посетители оставляли щедрые, и Мэгги понимала, что они в немалой степени определяются этой самой униформой.

И теперь, в двадцать семь лет, она работала на том же месте. Иногда, когда ноги гудели от шестичасового хождения на шпильках, а лицо каменело от бесконечных улыбок, которыми приходилось одаривать каждого клиента, Мэгги думала о профессиональной подготовке, полученной в средней школе, о том, как повернулась бы ее жизнь, если бы она выучилась на автомеханика.

— Вы не хотели бы принести мне коктейль? — Он лениво улыбнулся. Словно речь шла об огромном одолжении. Что ж, может, так оно и было. Мэгги смотрела на расплывшееся, обрюзгшее лицо Делвина Роби, с удивлением думая о том, что когда-то она сочла бы за честь хоть в чем-то услужить этому человеку. Более того, боролась бы за то, чтобы выбор пал на нее. Но было это слишком давно. А сейчас она просто устала, пытаясь набрать за смену достаточно чаевых, чтобы оплатить счет за телефон. И прошлую ночь практически не спала: у Ричи болела спина, так что к концу смены Мэгги более всего напоминала лунатика. Она смотрела на седеющие завитки волос на груди, над расстегнутой пуговицкой пурпурной рубашки, на мешки под глазами, более темные, чем загорелое лицо, на искусственную улыбку.

— Конечно, — ответила Мэгги с присущей официанткам этого заведения игривостью. — Коктейль. Какой желаете?

Когда она принесла "диварс" со льдом, он читал спортивные новости, но при ее приближении отложил газету и вновь улыбнулся.

— Благодарю. — А после короткой паузы добавил: — Вы знаете, кто я?

Ее поразили прозвучавшие в вопросе грусть и нерешительность. Словно он уже много раз слышал в ответ "нет", и осознание того, что все больше и больше

людей ничего не знают о его славном прошлом, добавляло морщин на стареющее лицо. Ей стало жаль его. Если бы они встретились раньше, в прежней жизни. Что ж, не получилось.

— Да. — Мэгги разгладила салфетку, прежде чем поставить на нее высокий стакан. — Да, знаю. Вы — Делвин Роби. Однажды я была на вашем концерте.

Морщины разгладились, глаза засияли. Перед ней словно опять ожил молодежный идол.

— Правда? — Делвин облегченно рассмеялся. — Что ж, тогда... — Похоже, раскошелится на двадцатку, подумала Мэгги, но Делвин Роби вытащил из-под стакана салфетку и широко на нее расписался.

— Премного вам благодарна. — Она сунула салфетку в карман с чаевыми. Может, двадцатка последует позже? По крайней мере, ей будет что сказать Кэти Райнан, если она когда-нибудь увидит ее.

Мэгги уже двинулась к другому столику, когда Делвин коснулся ее руки.

— Не уходите. А где вы меня слушали? В "Парадиз элли"?

Она назвала зал, в котором проходил концерт, и уже хотела упомянуть о письме, которое написала ему, но двое мужчин в деловых костюмах за столиком девять отчаянно замахали руками, показывая, что сейчас умрут от жажды.

— Я к вам еще подойду, — пообещала она и понесла улыбку к жаждущим костюмам.

Остаток смены Мэгги металась между настоящими клиентами, пришедшими в бар, чтобы выпить, и задумчивой физиономией Делвина Роби, заказывавшим коктейли лишь для того, чтобы перекинуться с ней несколькими словами.

— Какая из моих песен нравилась вам больше всего?

— "Я боюсь возвращаться домой", — без запинки ответила Мэгги, а заметив недоумение на его лице, напомнила: — На стороне би "Тигровой лилии".

— Да! Да! Она еще попала в номинацию "Лучшая песня года". — Он аж захмурился от удовольствия.

После следующего стакана Делвин пожелал знать, видела ли она его в фильме, в котором он снимался. Фильм она помнила, а вот его — нет. Роль у него была маленькая, в каком-то ничего не значащем эпизоде. Потом он снова вернулся на сцену. Пел в Вегасе. Теперь перебрался в Атлантик-сити.

— В казино меня любят, — говорил Делвин. — Жители пригородов без ума от меня. Они говорят, что я помогаю им вспомнить лучшие годы.

Мэгги попыталась вспомнить эти годы, но на ум шли только разговоры с Кэти, когда они слушали пластинки и мечтали о будущем. Она собиралась податься в манекенщицы и жить в Париже. Кэти же хотела стать ветеринаром и работать в заповеднике африканского животного мира. А свои отпуска они намеревались проводить на Багамах.

— Не хотите к коктейлю орешков? — спросила Мэгги.

В два часа ночи "Красный лев" закрывался, но Делвин словно об этом и не подозревал. Он продолжал вертеть в руках стакан с "диварсом", в котором было больше воды, чем шотландского, неуловимо напоминавшего бездомного пса, пригревшегося у очага и очень уж не хотелшего, чтобы его вновь вышвырнули на улицу. Мэгги оставалось лишь гадать, что же не заладилось у этого парня. Он же был богатым и знаменитым...

— Допивать будете? Босс говорит, что пора закрываться.

— Да, да. Я сова, знаете ли. В казино выступления начинаются в одиннадцать. Так что для меня вечер только начинается. — Он посмотрел на часы, потом на Мэг-

ги: короткая красная юбочка, сетчатые чулки, большой вырез на груди. — Вы тоже заканчиваете работу?

Улыбка не поблекла ни на йоту, но в душе она застонала. Сегодняшняя смена шла за две, ее поддерживала лишь мысль о горячей ванне, в которой она как следует отмокнет, прежде чем забраться под чистую шелковистую простыню и отключиться. И вот теперь, словно в ответ на ее девичьи молитвы, Делвин Роби приглашает ее составить ему компанию. Где он был, когда ей так этого хотелось?

— Извините, — ответила она. — Спасибо большое, но только сегодня не смогу. Десять лет тому назад обязательно пошла бы с вами, но не сегодня.

Как это ни странно, ответ, который он никогда бы не услышал от нее в те годы, когда у нее перехватывало дыхание при мысли о том, что сам Делвин Роби может обратить на нее свое царственное внимание, только побудил нынешнего Делвина усилить напор.

— Скажу тебе откровенно, — он перешел на "ты", глаза его странно засияли. — У меня сегодня так муторно на душе. Вот я и подумал, что хорошо бы провести время с добрыми друзьями.

А были ли мы друзьями? На концерте я сидела в двадцать первом ряду. А когда Козин Брюси, ведущий музыкальной программы радиостанции WABC, проигрывал твои пластинки, я находилась по другую сторону радиоприемника. Пока ты сиял на сцене, я мазала лицо клеросилом и любовалась твоими фотографиями в журналах. Так были мы друзьями?

От озвучивания своих мыслей Мэгги, однако, воздержалась. Чему научили ее семь лет, проведенные в официантках, так это не отвечать на самые удивительные заявления. Она пожала плечами. "Извините", — полагая, что на том все и закончится. Подумала, а расскажет ли кому об этой встрече. Другим официанткам, совсем девочкам, вряд ли. Им пришло бы объяснять, кто такой Делвин Роби.

— По крайней мере, дай мне свой телефон, э-э, Мэгги. — Ее имя кассир написал на чеке ("Благодарю Вас, Мэгги"). — В городе я бываю часто. Может, позвоню заранее, чтобы не сваливаться, как снег на голову. Может, чего-нибудь придумаем. Ты права. Никогда не задумывалась насчет того, чтобы самой выступить на сцене?

Нет. Она же не умела ни петь, ни танцевать. Но Лану Тернер открыли в аптечном магазине, так что, возможно. В конце концов, кто такая Мэгги Холтц, чтобы отталкивать руку судьбы? Она оторвала пустой чек, нацарапала на нем свое имя и телефон.

— Конечно. Почему нет? Позвоните, когда сможете. — И похлопала по карману, где лежали чаевые и сложенная салфетка с автографом Роби.

Отдать ее Ричи, чтобы он положил салфетку в шкатулку с сокровищами. А может, вложить в альбом с младенческими фотографиями? Все-таки я представляла себе, что сплю с этим мужчиной, когда тебя зачали, подумала Мэгги. Два клочка бумаги теперь связывали ее и Роби. Выбросить которые не составляло труда. Она решила, что так оно и будет.

Но ошиблась. Четыре ночи спустя, в четыре утра, когда "адвил" наконец-то сработал, погрузив ее в сон, телефон вырвал Мэгги из объятий Морфея: она забыла переключить его в режим автоответчика. Она схватила трубку, не произнося ни слова, но с другой стороны провода донеслись слова песни "Я боюсь возвращаться домой", и Мэгги поняла, что это Роби.

— Делвин Роби, — произнесла она вслух, не переставая удивляться, почему желания исполняются в тот самый момент, когда от них ни тепло, ни холодно.

— Мэгги, куколка, — язык у него заплетался. — Я просто хотел услышать дружеский голос. У меня ужасное настроение.

— Похмелье?

— Нет. Похмелье начнется, когда я проснусь. Если, конечно, засну. Подумал о том, что мы сможем поговорить о прежних временах, знаешь ли.

— Прежних временах...

— Я сегодня крепко проигрался. Дюжину раз ставил на семнадцать, и все зря. А ведь семнадцать — мое число!

Она поймала себя на том, что кивает, цифра семнадцать всплыла в памяти.

— "Где мои семнадцать лет", — пробормотала она. — То был ваш хит, не так ли?

— Конечно, ее признали самой кассовой песней года. Выдали мне диплом. Он украшает стену в моем доме в Вегасе. Может, я как-нибудь покажу его тебе.

— А жена не будет возражать?

Мэгги услышала тяжелый вздох.

— Трина-то? Господи, ну и корова. Я женился на ней, когда она танцевала в кордебалете. Девяносто пять фунтов блондинистых волос. Хорошо хоть дома было нечасто. Много езжу по другим городам.

— Да. Это тяжелая жизнь. — Она попыталась представить себе его номер, со спальней размером с ее квартиру. Может, с ванной из черного мрамора.

— Впрочем, домой я не так уж и рвусь, знаешь ли. У меня есть дочь, Клавдия, и я чуть не плачу, когда смотрю на нее. Она родилась недоношенной. Возможно, потому, что Трина всегда старалась выблевывать обед, чтобы не поправиться. Девочка так и осталась умственно отсталой. Родовая травма. Но она всегда улыбается, когда видит меня, и обнимает за шею.

— Сколько ей лет?

— Кажется, двенадцать. Я всегда представляю ее себе маленькой. В три годика она была такой красоткой. Но ум у нее так и застыл на трех годах. Родилась семнадцатого июня. Мое счастливое число. Семнадцать.

— Но не сегодня, не так ли?

— Не сегодня. Эта ночь дорого обошлась мне. Не следовало играть, набравшись. Я только пью, знаешь ли, никаких наркотиков. Но мне нравится быть с людьми. Я хотел бы побывать с тобой. Ты ведь не такая, как эти шлюхи в блестящих платьях, которые не помнят, что было вчера. Ты — хороший человек, Мэгги. Слушай, могу я к тебе как-нибудь заглянуть?

— Я уверена, что от поклонниц у вас нет отбоя, — ответила Мэгги, надеясь, что Роби переключится на кого-то еще.

— Ты мне нравишься. Ты — настоящая. Не то, что хористки с пепсодентовой улыбкой. Ими я сыт по горло.

Напрасно она позволила ему рассказать о дочери. Его слова напомнили ей о Ричи, она подумала, что и у Делвина Роби есть проблемы. Внезапно из парня на глянцевом постере, который она могла выбросить в любой момент, он превратился в реальную личность с человеческими чувствами. И потом, может, она у него в долг. В конце концов, столько лет он заполнял ее фантазии. Может, пришло время платить по старым счетам.

— Как насчет вторника? В этот день я не работаю.

Они продолжали говорить, пока ее не сморил сон.

— Твой дружок уже здесь, — бармен кивнул в сторону столика номер семь.

— Знаю, — ответила Мэгги.

Она видела, как Делвин Роби вошел в зал, стараясь не отличаться от обычного посетителя. Теперь он появлялся в "Красном льве" три раза в месяц, когда не выступал в казино. Иногда это случалось в ее выходные, если нет, он просиживал

до закрытия за столиком семья, пил "диверсы" и перекидывался с Мэгги парой-тройкой слов, когда она спешила мимо его столика к другим клиентам.

На ее выходные они ели в итальянском ресторанчике, то есть она ела, а Делвин Роби пил вино, после шли к ней, заниматься любовью. Больше чем на один раз за ночь Роби не хватало, поэтому он обожал любовные игры, стриптиз и неприличности, срывающиеся с языка Мэгги. Она неожиданно для себя обнаружила, что может все это проделывать, обдумывая список продуктов, которые необходимо закупить на следующую неделю или перечень вещей, которые пора отнести в химчистку. Она жалела Роби, потому что когда-то тот был звездой, а теперь жестоко страдал, не получая привычной порции обожания. Он никак не мог привыкнуть к тому, что любое его желание перестало быть законом для остальных, что его игнорировали те, кто когда-то ему завидовал. Мэгги, та привыкла к безразличию окружающего ее мира. Но Роби был ее идолом, а однажды соблаговолил заметить ее обиду, прислав ей искреннее, написанное от руки письмо. Теперь он нуждался в дружеской поддержке, участии, и она платила ему той же monetой. Когда он пыхтел на ней, Мэгги думала о том, каким он был знаменитым. И перед ее мысленным взором возникал постер, что украшал стену ее комнаты в родительском доме.

— Может, тебе стоит брать с него деньги? — спросил бармен, прежде чем она отошла от стойки.

— Я не по этой части.

— Я и не говорил, что по этой.

Делвин Роби уже надевал пальто, когда она подошла к его столику.

— Слушай, как я рад, что мы можем уйти отсюда! Я боялся, что меня тут могут найти. — Его лицо побледнело больше обычного, а мешки под глазами, наоборот, потемнели.

— Кто это мог тебя найти? — Мэгги непроизвольно посмотрела на дверь.

— Потом расскажу.

Они пошли в другой итальянский ресторан, однако с такими же клеенчатыми скатертями на столах и с тем же вином, которое он поглощал в тех же количествах. Но пасту подали более воздушную, менее похожую на резину, чем в первом ресторане. О том, кто может к нему прийти, пока они ели, Роби не говорил, но продолжал оглядываться по сторонам и разговаривал шепотом, даже когда у столика никого не было. Домой она повезла его на такси, пешком он идти боялся, и всплыла в него две чашки черного, правда, без кофеина, кофе, прежде чем он объяснил ей, что к чему.

— Говори, — потребовала Мэгги.

— Все нормально. — Роби достал толстый конверт из нагрудного кармана пиджака и положил его на стопку "Редлука" и "Энкуайера". — Мне есть, чем отдать долг. Практически полностью. Я думаю, на какое-то время они угомонятся.

— Ты опять играл, — вздохнула она.

— Рано или поздно число "семнадцать" мне улыбнется.

— Как я понимаю, ты задолжал крутым парням.

Он пожал плечами, вскинул руки.

— Это Атлантик-сити. Бойскаутов там нет. Мы договорились встретиться этим вечером, я пообещал принести деньги, но нужной суммы не набрал. Пришлось приехать сюда, что-то продать, у кого-то занять, и я надеялся покончить с этим до того, как они меня найдут. Теперь все нормально. Я готов к встрече с ними. Весь долг пока отдать не могу, но то, что у меня есть, их устроит. Я написал им расписку с обещанием выплатить остальное на следующей неделе. Должен получить гонорар за переиздание диска.

Мэгги прищурилась.

— И чего ты пришел ко мне?

— Не за деньгами! — Роби хохотнул. — Мэгги, куколка, там идут другие игры. Пусть твоя заначка лежит спокойно, с этими господами я разберусь сам. Я пришел к тебе только потому, что люблю тебя.

Возможно, и любит, с грустью подумала Мэгги, увлекая его в спальню. Он может видеть в моих глазах отражение его рекламного постера.

Она поднялась в начале третьего, Роби давно спал, утолив страсть, и увидела конверт, лежащий на кофейном столике. Взяла в руки, проходя мимо. Интересно знать, какие у него долги. Может, ее долг — спасти падшего идола? Может, она должна уговорить его отказаться от азартных игр. Удивительно, почему некоторые люди выбирают только между славой и смертью, не признавая промежуточных вариантов?

В постель Мэгги не вернулась.

Когда Роби проснулся в девять утра, она дала ему таблетку аспирина и "Кровавую Мэри", налила на дорогу чашку черного кофе, но не поцеловала на прощание. Он уехал в Атлантик-сити, еще окончательно не проснувшись. По утрам Делвин Роби более всего напоминал весеннюю мууху. Как, впрочем, и Мэгги Холтц, только в это утро сна у нее не было ни в одном глазу. Она сидела перед телевизором, смотрела викторины, но ждала телефонного звонка. И телефон зазвонил, в пять минут первого. Включился автоответчик, произнес стандартные фразы о том, что дома никого нет, но можно оставить сообщение, а потом она услышала голос Делвина Роби, не тот бархатный, обволакивающий голос, который лился из динамиков радиоприемника или проигрывателя, а пронзительный, переполненный страхом вопль.

— Мэгги! Ты дома? Возьми трубку! Это я. Послушай, ты же видела конверт, о котором я тебе говорил? Том самом, с деньгами. Слушай, я, должно быть, оставил его у тебя. Тут пришли господа, которым надо сказать, что конверт у меня был. Ты можешь взять трубку, Мэгги? Можешь сказать им о том, что в конверте были деньги? Пожалуйста, это очень важно.

— Действительно важно, — добавил другой голос.

Мэгги взяла трубку.

— Я не видела никакого конверта, Делвин. Разве ты не можешь попросить этих парней подождать еще немного? Ты же говорил, что деньги будут у тебя через несколько дней.

Мэгги услышала его крик, прежде чем трубка легла на рычаг. Коричневый конверт застыл на кофейном столике. Набитый сотенными, но причина была не в этом. Не все измеряется деньгами. Последней каплей стало письмо, которое он подготовил ростовщикам, с просьбой перенести окончательный расчет на следующую неделю. Написанное совсем не тем почерком, что письмо с извинениями, которое она получила от "Делвина Роби". И получалось, что она ему ничего не должна. Получалось, что ей не было нужды расплачиваться с ним. Мэгги задалась вопросом, в какую сумму обойдется обучение в профессиональном училище? Хватит ли на учебу денег, что лежали на кофейном столике в бумажном конверте? Мэгги всегда хотелось научиться чинить автомобили. ■

Перевод с английского Виктора ВЕБЕРА.

¹ Настоящее имя Консетта Энн Игнолия (р. 1938), певица и актриса. В шоу-бизнесе с 1959 г.

² Группа, выпустившая несколько альбомов в конце 80-х.

³ То есть Нью-Йорк.

Хочу маньяка...

...Я хочу его вот уже полгода. Да, именно — полгода, совершенно точно. Но сначала, прежде чем рассказать, что же там стряслось полгода назад, все же объясню, чтобы кто-нибудь, грешным делом, не подумал обо мне ничего худого: почему я так желаю, так страстно хочу какого-то там маньяка? И чтобы никому не пришло в голову, что я сам точно такой же, как и тот, кого желаю.

Да нет, не больной я. И не какой-то там моральный урод. И не псих, хотя последнее со мной как раз иногда случается.

Я — мент.

А хочу я "своего" маньяка не для каких-то там "тайных" целей. Но — все же для целей совершенно определенных.

Я хочу его взять.

Желательно, конечно, с поличным. Но, впрочем, соглашусь и на волю случая; однако, здесь уж как карты лягут, тут — сами понимаете — крайне необходимо редкое сочетание озарения и удачи.

Словом, я хочу его взять. Лучше, конечно, живым. Но если и мертвым, — я тоже не откажусь. Правда, в этом случае предстоит извести литры чернил и тонну бумаги: почему да зачем стрелял на поражение, а не мог ли иначе, как-нибудь поделикатнее да профессиональнее?..

Но мне уже все равно: подставит башку — получит дырку в лоб. А варианты будем искать потом!

Но сначала его надо все же взять.

Найти и обезвредить, как обожает выражаться высоким литературным "шифром" большой поклонник детективного ширпотреба подполковник Савельев. Мой

непосредственный начальник, кстати. Или — шеф, тут уж кому как нравится. При виде меня у него вот уже полгода портится настроение. Вовсе не потому, что я ему антипатичен! Просто вот уже полгода мы с ним хотим одного и того же — маньяка. Разница лишь в том, что его, то есть шефа, чаще "вспоминают" по поводу нашего общего с ним желания на разных высоких начальственных разборках, а меня — только один он, лично подполковник Савельев.

Потому что ни с кого другого он спросить и не может. Только с меня и моей группы. Такая вот суровая объективность.

Скажете, а как же Корыто?.. Простите, старлей Александр Корытов. Ну, так ведь это совсем уж несерьезно! Корыто у нас как фантом, его шеф видит крайне редко — по причине почти постоянного отсутствия последнего в нашем прокурорском кабинете.

А со стажера Митяя и вовсе — какой спрос?

Вот и выходит, что весь спрос — с меня. Старая истина: была бы шея! А шея как раз — вот она. И потому...

— Капитан Кравцов, — это он мне, вплывая в кабинет, заполненный клубами сигаретного дыма.

— Я, — это я ему в ответ, вскакивая из-за стола и поедая, как положено (начальство, как-никак!), глазами.

— Как спалось? — это он опять мне. — Кошмары не снились? По поводу — сам знаешь, какому.

— Премного благодарен за заботу. Спал. Никак нет. Искали, ищем и будем искасть. Чтобы каленым железом. И — навсегда!

— А ведь только позавчера... И опять — практически никаких следов, — обреченно роняет Савельев. — Что же это получается? Снова без зацепок?

Он прав, мой шеф. Как всегда — прав.

Именно позавчера наш с ним маньяк снова "громко заявил о себе".

Очередной труп, и, разумеется, снова блондинка: 20 лет, студентка, даже можно сказать, красавица, живет (нет, уже жила) в общежитии по улице маршала Жукова, дом 16, комната 312.

В лесополосе на окраине города, неподалеку от железной дороги (и зачем ее туда понесло, студентку — блондинку — красавицу?).

Признаки насилия? Ну, естественно, — маньяк же!

И, как всегда, крохотный след от "тонкого, узкого колючего предмета" (как положено записывать в официальной бумаге) на спине, под лопаткой, прямо в области сердца: он, урод, всегда бьет сзади, и всегда — в сердце. Насмерть, с одного — единственного удара.

Это уже седьмой "мой" труп. За полгода. По одному в месяц. По строгому графику работает, гад!

— Ну, и?.. — прерывает шеф мое красноречивое молчание. — Что скажешь, Кравцов?

— Печально или как? — взрываюсь я с полоборота. — Что, интересно, ты хочешь от меня услышать, Игорь Матвеич? — На "ты", чтобы вы знали, я зову Савельева только когда мы остаемся наедине, при ребятах — ни-ни: начальство надо читать. — А не желает ли господин подполковник вручить мне кулечек конкретных ценных указаний по поводу — что делать, где, когда, как и скоро ли? Я имею в виду...

— Остынь, Никита. С Ириной, часом, не поругался в очередной раз?

Ох, уж эта его привычка переворачивать тему плодотворной рабочей беседы на 180°!

С Ириной-то я как раз и не поругался. Потому что не видел ее три... Нет, уже четыре дня.

Когда у меня очередная запарка (а она, надо признать, случается почти всегда), я ночую в своей берлоге. А Ирка, соответственно, — в своей.

И хотя начальник Савельев ждет не дождется того торжественного момента, когда его подчиненный капитан Кравцов поставит штампик в паспорт и узаконит, наконец, свои отношения с гражданкой Смирновой, что-то у нас никак эти самые "узаконенные отношения" не срастаются. Потому что "и так хорошо".

...Однако я, кажется, обещал рассказать, с чего же, собственно, все началось, и что произошло ровно полгода назад...

— Кравцов, на выход. С вещами! — Капитан Полуянов, рыхлый, болезненного обличия судмедэксперт с печальными глазами замотанного бытовухой отца-одиночки, появился в проеме двери, как привидение.

В тот день дежурной машины отдела "в наличии" не оказалось. То ли кто-то из особо шустройших коллег воспользовался непомерной отзывчивостью нашего "кота Леопольда" (вообще-то, настоящая "кликуха" сержанта-водителя Петрунин, но из-за своей постоянной прибаутки "Давайте жить дружно" он был удостоен почетного имечка Леопольд), то ли сам Савельев наш кероГАЗ куда-то на дело угнал, однако на "сигнал" нам со старлеем Корытом и печальным от семейных безнадег Полуяновым пришлось реагировать пешим ходом.

Правда, недалеко, топать пришлось всего-то с полкилометра. До комплекса гаражей, что раскинулись за Центральным рынком.

А местечко это, надо сказать, то еще! Хоть и практически центр города, однако же, известно — рынок, он и в Африке — базар. А у нас и подавно! Если в трех словах: грязюка, бардак и полнейший развал.

А тут еще — гаражи! Бардак в квадрате.

"Сигнал" поступил тот еще... Неприятный!

Кто-то (естественно, неизвестный) позвонил в "дежурку":

— Э, слушай, мертвый!

— Да пошел ты, козел! — мирно отреагировал в телефонную трубку прапорщик Киреев. — Ты хоть знаешь, темный человек, куда звонишь?

— Зачем так абижаешь, а? Я сигнал даю, а ты — казель. Мертвый, я тебе говорю. Савсэм мертвый, труп по-вашему. Дэвушка — труп, понял, да?

— Где труп? — выдохнул в трубку Кирей.

— Где-где... — обиженно протянуло неизвестное лицо кавказской национальности. — Тут, канэшно.

— А где "тут-то"? — начал терять терпение прапорщик.

— У гаражей, за рынком, — ответствовало "лицо" и положило трубку.

На "сигнал", тем более такой, с трупным запахом, требовалось реагировать незамедлительно. Что мы и сделали, хотя, если честно, душа противилась и ноги не шли: понятно же — новое дело придется оформлять по всем правилам, и по тем же правилам его непременно повесят на мою убойную группу. А на кого же еще?

...У гаражей неприкаянно бродили сомнамбулические личности в телогрейках и заплатанных пиджаках. Во фраках или с галстуком не было ни души. Бичи и бомжи, облюбовавшие этот район по причине виртуальной возможности заработать на рынке на пузырь портвейна и кусок хлеба, а вечером укрыться от непогоды в недостроенных машинных боксах, парадную форму игнорировали начисто.

Наблюдались, правда, среди далеко не стройных рядов завсегдатаев этого темного райончика еще пять-шесть личностей, которые к коренным обитателям отношения не имели ни малейшего, но, по всей видимости, фраков тоже не признавали.

Скорее по привычке, чем для какой-то там конкретной цели, автоматически отметил про себя, что в свите сопровождения присутствовали: два шалопая-школьника, прогуливающих, скорее всего, очередной урок истории или математики, парочка вполне прилично одетых молодых людей: один — в джинсах и кожаной куртке, наброшенной поверх черной водолазки, с модным "конским" хвостиком на затылке и даже с дипломатом в руке, другой — без оного, имеющий "прикид" куда как попроще — черные брюки, коричневый свитер, в правой руке — огромных размеров хозяйственная сумка, из которой торчала рассада то ли помидоров, то ли еще какой диковинной дачной живности. Вероятнее всего, припозднившиеся владельцы столующихся здесь автомастантов приготовились, было, рвануть на "фазенду", да задержались по причине ожидаемого бесплатного зрелица.

В свите, а вернее — около свиты, присутствовал и хорошо знакомый нам Стас Наум, имеющий, впрочем, по паспорту фамилию самую обычную — Наумов, чересчур самонадеянный и бойкий репортер местной газеты "Городские хроники".

Личности старательно делали вид, что не обращают на нас ровно никакого внимания. И правильно, кстати, делали: одетые "по гражданске", мы и не должны были привлекать внимания. Все ж, как-никак, "на дело" шли...

А куда шли, к какому гаражу, — и сами не знали. Этот кавказский "осведомитель", обидевшийся на Киреева за "козла", точного ориентира — где он обнаружил "савсэм мертвый труп", понятное дело, не назвал. Больно нужна ему головная морока в форме плотного знакомства с органами. Этак, по доверчивости, вполне можно из одной "категории" в другую перескочить; например, из обнаружившего труп — в подозреваемого в убийстве переродиться. Да если и нет, то все едино — автографы оставлять пришлось бы в немалом количестве, опять же — на вопросы отвечать, беседы беседовать... Позвонил, и на том спасибо!

Однако, кажется, пришли. И, опять же, кажется, — совсем уже недалеко то угромное место, где положено быть "савсэм мертвому" телу. Бомжи начали стягиваться к проему между гаражами, к которому мы уверенно и направились.

Похмельные мужики, а также разгильдяи-школьяры и лучший друг Наум близко не подтянулись. И вовсе не из чувства врожденной деликатности: наученные горьким практическим опытом, что нет ничего лучше и безопаснее, чем отсутствие милиции на горизонте, они бы и вовсе покинули близлежащий ко мне, Корытову и Полуянову горизонт, но наличие ментов предвещало хоть какое, но все же — развлечение в их суроевой, неприкаянной жизни.

Если можно назвать развлечением лицезрение мертвой полуобнаженной юной блондинки, лежащей прямо на стылой земле между гаражами...

А дальше уж было все привычно. Ползал, почти что на коленях, между гаражей в поисках вещественных доказательств Полуянов. Конечно же, не нашел ничего. Осторожно перевернув убиенную, он надолго застыл над ней в позе шамана. Потом повернулся и, поймав мой взгляд, молча ткнул указательным пальцем под левую лопатку лежащей перед ним блондинки.

Впрочем, я и без его подсказки уже увидел небольшой запекшийся след крови на юном, но, увы, давно уже остывшем девичьем теле.

Морщась и шмыгая, Полуянов несколько раз нажал на затвор фотоагрегата, направляя объектив своего "кормильца" на труп, а потом на живописную группу застывших в отдалении зрителей. Бомжи при этом старательно сморкались на

землю, прикрывая сизые носы грязными ладонями, кашляли, деликатно отворачиваясь, прикуривали бычки, укрывая спички от ветра, а свои физиономии — от всплохов фотовспышки. Примеру обитателей гаражной ночлежки невольно последовали и два вполне цивильных мужика. Дачник поспешно и старательно прикрывал газетой свою рассаду, а щеголеватый владелец дипломата суетливо помогал ему. Наум — тот вообще шнурки схватился завязывать. Морским узлом, наверное.

И только двоечники стояли, по-прежнему раскрыв рты...

Потом, как водится, понеходу предупрежденное прaporщиком Киреем начальство. Отметился в этой живописной руководящее-начальственной группе один седовласый подполковник (естественно, Савельев, а куда ж ему было деться?), и даже генерал Татарцев молча хмурил брови, а уж майоров было аж сразу два.

Потом они укатили восвояси. Зато приехала труповозка.

А мы со старлеем Корытовым, оформив все необходимые формальности с "предачей тела", принялись за работу.

Но, естественно, опрос возможных свидетелей-бомжей ничегошеньки не дал.

— Не видел, не участвовал, не привлекался...

По словам этих "потенциальных" свидетелей выходило так, что каждый из них, "прописанных" в районе рынка-гаража уже не первый месяц, именно вчера и, конечно же, с 21-00 вечера и до 6-00 утра, был чрезмерно занят неотложными делами.

Школьников опрашивать мы не стали, — чего с них взять, а "дачники", увидав, что "представление" окончено, умудрились раствориться в неизвестном направлении прежде, чем до них добрался опер Корытов. Ну, и правильно, я бы на их месте тоже растворился.

Обход возможных свидетелей из дома напротив также никаких результатов не принес. Потому что, во-первых, дома напротив комплекса гаражей не было вовсе, а, во-вторых, если бы он и был, то с 21-00 до 6-00 едва ли кто-то из живущих в нем что-то сумел бы здесь выглядеть — ночь и тьма вокруг.

... А что было потом — это совсем уж сухая проза.

Под вечер к нам в кабинет ввалился отец-одиночка Полуянов. Извлек из своего сморщенного, как прошлогодний огурец, портфеля тонкую стопку листов — заключение о насильственной смерти гражданки... (вместо фамилии — имени — отчества временный пропуск). Оглядел всех по очереди — благо оглядывать пришлось немногих; всего-то было нас в кабинете четверо: Савельев, я, старлей Корытов и Мицкий, шмыгнул привычно:

— Читать подробно и с выражением, или как?

— Или как, — приказало начальство, и Полуянов покорно согласился.

— Приблизительно с полуночи и до 4-00, — произнес он без всякого чувства и потянулся к стакану, прикрытому вчерашними "Известиями".

— Отставить! — гаркнул Савельев, закрывая своим телом бутыль "Пшеничной". — Не заслужил пока что...

— А вы, можно подумать, заслужили? — возмутился судмедэксперт. — Я там, по-намаешь, пилью-режу, внутренности исследую, умные мысли в заключение втишинаю, а они — водку пьяняствуют. Да еще — на рабочем месте. Да в присутствии начальства! И со стажером еще. Позор родной милиции!

— А за позор ответишь, — смилостивился Савельев, отступая от стола на исходную позицию.

Проглотив полстакана "микстуры от простуды" и шумно выдохнув, Полуянов, теперь уже с чувством и толком, повторил:

— Смерть нашей юной гражданки наступила с 24-00 до 4-00 утра. Как да почemu — наверное, уже догадались и сами, чай, не первый год фуражки носите. Острым колющим предметом — похоже, что длинным шилом — под левую лопатку, то есть прямо в сердце. Причем, удар мощный. Она, бедняга, долго не мучилась: смерть наступила мгновенно. Зато раньше помучилась изрядно... — Полуянов взял второй стакан, и на этот раз не встретил никакого начальственного сопротивления. Молча выпил, поморщился, зажевал хлебом и помотал головой: — Этот подонок девчонку изнасиловал. С собой, подчеркну, жестокостью. Ежели желаете знать подробности, господа офицеры, могу доложить...

— Да пошел ты, Федорыч, со своими подробностями! — Савельев потянулся к бутылке и, увидев, что она пуста, огорченно крякнул: — Ну, вот, Полуянов, всю песню испортил!

... Потом (прошло несколько дней) мы узнали, как звали ту девушки. Варвара Устинова. И было ей всего-то девятнадцать. Замужем. Даже дочку успела родить, Яночку. Родители, само собой, даже дед еще жив.

Как оказалась у гаражей? Да очень просто. И даже буднично. Поссорилась по пустякам с муженьком, в расстроенных чувствах сбежала к папе-маме вместе с дочкой (все неоднократно проверено: в 19-30 она уже была у родителей). А в 20-30 ее раскаявшийся салажонок позвонил: "Возвращайся, жить без тебя не могу!" В 22-00, убаюкав дочку, она пошла домой. Муж с приятелем вышли навстречу, но не встретили.

Потому что встретил ее, по всей видимости, тот самый подонок...

Это случилось полгода назад, а через 28 дней нас вызвали на точно такое же ЧП, и так — каждый месяц! Гаражи, заброшенный старый дом на городской окраине, подсобка овощного магазина, подвал девятиэтажки, коттедж на дачном участке... Теперь вот — лесополоса.

И каждый раз его жертвой становились молодые блондинки, девчонки-симпатяги, которым бы жить и жить, рожать да любить!

Он не оставлял следов. Ну, или почти не оставлял... Но за эти полгода мы тщательно изучили его "почерк"; знали, какой размер обуви носит этот подонок, его примерный рост и вес, могли догадываться, что он — молод, коммунист, кабелен и, вероятнее всего, достаточно смазлив. Твердо знали, что он любит блондинок. Непременно юных и, желательно, с хорошей фигурой, чтобы, как говорится, все при ней. Почти наверняка могли утверждать, что этот "эстет" ни за что не подойдет к раскрашенной проститутке, да и вообще — к любой особе дамского пола, пользующейся косметикой, — ни одна из его жертв косметику не жаловала.

Мы многое о нем знали. А еще о большем догадывались. Кроме одного. Мы не знали — кто он.

— Будем брать, господин подполковник? — обратился я вполголоса к Савельеву, старательно прикрывая ладонью топорщащийся под гражданским пиджаком пистолет.

— Решительно и непременно! — сурово ответило начальство, жарко дыша мне в затылок.

— Тогда — водичку. Пожалуй, "Смирнофф", если не возражаете. Что вы на это скажете, вашблагородие?..

— А, может, коньячку? — довольно робко попыталось давить погонами начальство.

— Ну, что вы, сэр! Водочка премного полезительнее, опять же — своя, родная, местного посола. А вот предложенный вами, Игорь Матвеич, коньяк — хоть армянский, хоть французский, сами прекрасно ведаете, где и как его гонят. От вашего коньяка крыша назавтра непременно будет ехать, и ехать, уж поверьте моему опыту, болезненно. А назавтра, если вы помните, вашблагородие, у вас вызов. На ковер. К генерал-губернатору. С отчетом о совершенных подвигах и за очередным суровым вытиком. Так что, коньячку, Игорь Матвеич, нам никак нельзя...

— Ну, и черт с тобой, — коротко, зато по-русски и от души сдалось начальство. — Поддержим отечественного производителя.

Отечественного производителя мы поддержали еще кружочком Краковской, куском Пошехонского, буханкой хлеба и пачкой пельменей. А потом отправились ко мне.

... Уже во дворе дома, привычно задрав голову к окнам моей однокомнатной берлоги на шестом этаже стандартной хрущевки, я с некоторым недоумением обнаружил, что в ней кто-то определенно есть — на плотно задернутых шторах промелькнула и тут же исчезла чья-то тень.

Нашествия родителей, живущих в доброй тысяче верст от нашей дремучей провинции, вроде бы, не намечалось. Они, зная о характере моей поистине непредсказуемой и практически круглосуточной деятельности на передовом рубеже праведной борьбы с социальным злом, как правило, вызывали о своем визите за месяц до намеченного посещения. У сестры, поднимающей науку в одном из известных центров Сибири, планов навестить братца тоже не предвиделось.

Тогда, может, Ирка? Но она прекрасно знает, что я "в деле", как она могла здесь оказаться? Нет, вряд ли это Ирка.

— Спокойно, гусар, — услышал я голос Матвеича. — Береги авоську, капитан, в ней наша истина! Идем пешком и без удобств, то есть без лифта, не напрягаясь попусту и поплевывая через левое плечо.

Именно так мы дотопали до шестого этажа. И даже достали пистолеты, грозно оглядевшись, прежде, чем приникнуть к двери. Однако прислушаться не успели, ибо были застигнуты врасплох, что, естественно, нас, подполковника и капитана, никак не красило.

Дверь распахнулась, и мы увидели Ирку. Собственной, как говорится, персоны: шальная улыбка в пол лица, в моем халате, с мокрой головой, — только что из ванны.

— А что это вы туточки с наганами делаете? Да еще такие суровые? А, мальчики?

— Детка, — это так Савельев выразился (а уж я знаю, когда он кого-то называет "деткой" — добра не жди!). — Слушай сюда внимательно. Поскольку, я подозреваю, субъект Кравцов тебе, вероятно, этого никогда почему-то не внушил, занимаясь наедине с тобой неизвестно чем, то, стало быть, донести до ваших прелестных ушек данную информацию вынужден буду я. Внимай и запоминай. Крепко-накрепко! Никогда, спышишь — никогда! — не вламывайся без предупреждения в комнату мента-ищейки, находящегося в режиме активного боевого поиска. Особенно, когда тот, кого он ищет, возможно, знает, что его уже ищут. Сама догадайся — почему. Второе "никогда", — Савельев загнул еще один палец. — Вломившись все ж-таки, по своей наивности, но без особого приглашения, никогда не включай свет на упомянутом уже "объекте" и не подходи к окнам. И, наконец, "никогда" номер три, — скрипуче продолжил Матвеич, вторгаясь на кухню. — Впрочем, это "никогда" тебе должны были вбить в сознание родители: не открывать дверь, пока не удостоверьшься, кто стоит за ней: твой Кравцов с букетом или Жора-жареный с кастетом?

— А я же в "глазок" глянула! — заюлила Ирка, играя глазищами.

— И не ври старшим, а то выпорю, — грозно пообещало начальство. — Не ври! Я "глазок" тот сам прикрыл. Вот этим вот "маузером". Поставь лучше воду на плитку, сейчас пельмени трескать будем.

— Под водочку? — оживилась "боевая подруга", углядев литровую банку "Смирнофф". — Ой, какая прелесть!

— Кто под водочку, а кто — под кефирчик, — обрезал Матвеич. — Перекусишь, а затем... Уж извини, краса-девица, разговор с твоим суперменом у нас предстоит страсть какой серьезный. И даже, что вполне вероятно, с применением далеко не нормативной лексики...

— А кто же против? — вскинула голову, прищурившись, глаза пылают. — Я ведь тоже не хуже вас могу базар вести, есть с кого пример брать, у кого ума-разума набираться.

— И разговор у нас с твоим дорогим во всех отношениях ментом будет острым, — сбить с толку господина подполковника горящими взглядами было практически невозможно. — А посему приношу очередное нижайшее извинение.

— Значит, выпроваживаете? Значит, желаете устроить элементарный мальчишник без какого-то там дамского присутствия? Да ну вас, скучные вы люди, господа, хоть и в погонах. Супермены с авоськами... — Ирка развернулась, сбросила халат, ничуть не смущаясь высокого начальства, втиснулась в тесные джинсы, набросила курточку, сумку в руки, и так хлопнула дверью, что моя "берлога" аж задрожала.

Значит, все же обиделась.

— Воду на плитку ставь сам, — даже не дрогнув, приказал начальник. — Жизнь продолжается, несмотря на потери личного состава. Сейчас нарежем колбаски, сырка накрошим, а там и Полуянов с Корытовым подтянутся. И — поговорим...

Корытов "подтянулся" первым.

— А что это, господа, от вас девушки в гневном расположении духа и сверкая очами выпархивают? — осведомился он грозно. — Или чем не угодили? Может, холостяцкий конфликт наметился? Ась?

— Вопрос с повестки дня снимаю, — решительно отреагировал подполковник, сосредоточенно скручивая пробку с бутылки. — Выпархивают именно потому что — девушки. А у нас разговор серьезный намечается. С перестуком кулаками об стол. Еще вопросы имеются?

— Пока нет, но позже будут, — пообещал Сашка и двинул на кухню. Там, на правах младшего, он первым делом украл приличный кусман хлеба. — С утра росинки маковой во рту не держал!

— Ну-ну, — хмыкнул подполковник, озирая своего любимца. — Когда руки мыть перед едой будешь?

— А я мыл, чес-слово, гражданин начальник...

— Ага, мыл он... Вчера?

— Да нет, могу даже показать. — И растопырил ладони перед носом команда.

Потом появился наш рыцарь печального образа. То есть — Полуянов. Шмыгая и морщась, обвел носом все углы, подошел к окну, задернул плотнее шторы, поправил свесившуюся с журнального столика скатерть, переложил с дивана на тот же столик стопку книг, поднял с кресла халат, покружился по комнате. Ищейка, а не эксперт!

— Хорошими духами твоя Ирина пользуется, Кравцов, балуешь даму. Да и шампунь у нее — не сравнить с твоим. Халатик-то, который ты dame арендуешь, уж не знаю за какие услуги, вон как волнительно благоухает. Так, мужики — коллеги и от-

цы-командиры, — поменял он тему, — долго я засиживаться в вашем солдафонском обществе не намерен. У меня, в отличие от некоторых, дети хотя и накормлены, но спать еще не уложены, так что выводы делайте сами.

— Неужто соседку Катерину не попросил за отпрысками приглядеть? — ехидно поинтересовался всезнающий Матвеич.

— Попросил. Но это, господин подполковник, как говорится, совсем другая история. Которая, кстати, вас не очень-то и касается...

— А, ну тогда ладно, — улыбаясь, согласился подполковник. — Тогда, раз другая история, и раз Катерину все же попросил, сидеть в обществе солдафонов будешь. Причем сидеть столько, сколько понадобится. Отказники пойдут под арест. И, как верно вы заметили, господин судмедэксперт Полуянов — "кстати" меня ВСЕ касается!

— Ну, тогда наливай, — согласился Полуянов.

— А ты руки сегодня мыл? — неожиданно встрял Корытов. — Мы вот мыли, а подполковник — аж четыре раза.

...Полуянов в нашей группе на совершенно особом положении. Потому что действительно отец-одиночка. С двумя пацанами на шее — Артемом и Дениской, шести и восьми лет соответственно. А Татьяна Сергеевна, жена капитана-судмедэксперта и мать двоих сыновей, из семейного "гнезда" улетучилась в непонятном бывшему мужу направлении. Правда, с кем — прекрасно известно. С молодцеватым майором Романом Тургеневым,

Короче, остался Полуянов один, хотя и с детьми. И поначалу крепко запил от удивления и осознания столь явной женской непредсказуемости и даже подлости. Но вовремя остановился. Потому что Артем и Дениска, опять же...

— Мужики! — начал подполковник. — Разговор у нас сегодня непростой. Я бы даже сказал — серьезный...

— За это и выпьем? — непозволительно перебил его старлей.

— Так! Корытов получает штрафную. Но не в том смысле, что лишнюю чарку, а совсем даже наоборот. Пропускает уже напитую. Значит так. Для тех, кто готов слушать, продолжаю: разговор пойдет о том, как нам на этого Гаражника выйти да взять его, желательно поскорее. Причем желательно не только для начальства. С нас спрос и до сего дня был, а теперь уже и вовсе будет — по полной программе. Меня, не далее, как сегодня, — он мельком глянул на будильник, стоящий на холдильнике. — Не далее, как три часа тому спустя, — вызывали на ковер... И решило наше начальство создать, наконец-то, специальную группу с особыми, но вместе с тем и конкретными полномочиями для непременного задержания известного нам Гаражника. Естественно, в группу вошли все те, кто ведет и вел это дело с самого начала. То есть — мы да прикрепленный к нам Полуянов. А итог будет, уж поверье, по самой полной программе. Не установим этого гада-маньяка, не возьмем его, голода у каждого в кустах окажется. Выйдет все удачно — грудь в крестах, а на погонах новые звездочки засияют. — Матвеич поднял, наконец, рюмку: — Черт, аж рука держать устала... Давайте выпьем, что ли, за нашу ментовскую удачу. А потом я вас еще кое-чем порадую...

Выпили. Закусили. Помолчали.

Каждый мог высказаться, но все ждали обещанной Савельевым "радости".

Он и продолжил.

— И отмерено нам, братцы, на все про все не больше двух недель! Время прошло, господа офицеры.

Вот так. Хоть стой, хоть сиди, хоть падай: в две недели возьми да и достань им Гаражника, и все тут. И никаких прав качать не будешь. Известно же: у служивых прав всегда тот, у кого больше прав.

Если кто-то полагает, что уже на утро следующего дня мы сразу же бросились в большой поиск, то это — не ко мне. Это — к господину подполковнику.

Мы же завалились в кабинет, распахнули настежь окна, сели за столы, отключили все телефоны, кроме одного — "тревожного", и стали думать, как жить дальше.

Даже Митя, сбежавший с занятий в школе милиции, и тот, раскрыв свою потрепанную амбарную тетрадицу, опустил в нее нос и стал хмуро и сосредоточенно чертить только одному ему понятные загогулины.

Думали мы, надо сказать, очень продуктивно: Корытов, первым делом, поставил чайник и пошел мыть стаканы, я раскрыл газету "Городские хроники", Митя побежал в магазин — за бараками.

Мы ждали Савельева, который, как всегда поутру, был занят делом сколь необходимым, столь же, однако, и бесполковым — совещался у генерала Татарцева.

...Раскрыв четвертую страницу наумовских "Хроник", я тут же увидел крупный, бросающийся в глаза заголовок: "По городу бродит серийный маньяк". И — подзаголовок, в стиле родного нашего щелкопер: "Седьмое убийство. Куда же смотрит милиция?".

Пробежав глазами статью, переполненную праведной ненавистью не только к маньяку-насильнику и убийце, но и к "нерасторопной, растерявшейся и, похоже, ни на что не способной милиции", я уже готов был скомкать "Хроники" да забросить их куда подальше, но вдруг наткнулся на набранный курсивом текст под подписью автора.

Это был постскриптум, которые так обожал Стас Наум, завершая очередные свои творения. Дескать, материал уже был сдан в печать, и тут выяснились новые неожиданные обстоятельства...

На этот раз, правда, постскриптум Стас "добыл" не в редакции, а не отходя, так сказать, от кассы, — то есть у мосточка через железнодорожные пути, когда он спешил на работу.

Якобы разговорил Стас "по горячим следам" случайного... свидетеля убийства Татьяны Коваленко, произошедшего у лесополосы. То есть, конечно же, не самого убийства непосредственно, а — событий, произошедших спустя несколько минут после убийства. Но Стасу было не до таких "тонкостей". Встретил на мосточке, у лесополосы, мужика, и стал он у Наума свидетелем-очевидцем.

И далее, опять же "якобы", поведал ему этот свидетель, что, прогуливаясь по мосточку с девушкиной, он в 21-00 увидел, как со стороны лесополосы вышел одинокий мужчина среднего роста, лет 40 — 45 от роду, брюнет с небольшими залысинами, одет просто — серые брюки, серый свитер, правда, ботинки модные, из хорошей кожи, на толстой "платформе".

Увидев молодого человека и его даму, вышеназванный в ботинках резко развернулся и торопливо пошел по тропинке в глубь лесополосы. Все...

Вот такой у Стаса получился постскриптум.

Что ж, придется со Стасом всерьез побеседовать...

Долистав "Хроники" и подчеркнув наумовский постскриптум, я выпил остывший уже кофе и двинул к высокому начальству, к генералу Татарцеву — выручать припозднившегося "на ковре" Савельева.

— Начальство просили не беспокоить, — подняла от бумаг глаза секретарша Алена-неприступная. — Предупредили даже: ежели Кравцов личной персоной заявится и с шоколадкой, моей любимой, с крупным миндалем, — все одно: ждать под дверьми. А еще лучше — идти и работать. Никуда твой Савельев не денется, — добавила она уже от себя, а не от имени и по поручению. — Из Москвы, Никита, с утра назывались. Интересовались. Ну и ругались, понятное де-

ло. Правда, пока что не очень, но настойчиво. Брать, спрашивают, когда станете? Про вас, говорят, уже вся Россия знает, какие ужасы творятся в вашем городе. А еще интересовались, кто дело ведет. Толковый ли, или — так себе? И знаешь, что САМ ответил? Мы, говорит, дураков не держим! Гордись, Кравцов, — щебетала Алена, — не дурак, значит.

— Товарищ капитан, Никита Владимирович, — прервал наш разговор неожиданно появившийся Митяй, — вас срочно к телефону требуют. Ирина требует, — почему-то вполголоса, оглядываясь на дверь в генеральскую приемную, закончил он свой рапорт уже в коридоре.

Переговорив с гражданкой Смирновой, а также дождавшись подполковника, который, старательно доложив обо всем, что решило начальство, тут же умчался на очередное вече, на этот раз в прокуратуру, я решительно взялся за дело.

Сашу Корытова отправил к родителям девчат, которых по "милости" Гаражника уже нет в живых, — порасспрашивать.

Митяя погнал в "Городские хроники". Мне со Стасом встречаться не очень-то хотелось, а Митяй — пускай потихоньку привыкает. Проинструктировал его подробно: что да как спрашивать, как вести себя с репортером, чтобы потом он же факт этой встречи не переврал да в свою пользу не обратил.

— Про того свидетеля, что на мосточке с девицей прохаживался, — сказал, — все, что сумеешь, выведай. Портрет его постараися ухватить, а, может, Наум и не все в своем постскриптуме выплеснул, может, он больше знает? Может, и фамилия этого молодого в его блокноте начертана? А еще, как хочешь, но постараися выведать, что этот свидетель про мужика с залысинами рассказывал. Все понял?

— Все, — ответил Митяй.

Вот так. Я всех разогнал, а сам взялся за "бумаги". Но тоненькую папку с последним делом, от позавчерашнего дня, отложил. А взял ту, где был записан второй случай. Тогда мы еще не думали и не знали, что это — маньяк, который повторно пошел на убийство, надругавшись прежде над гражданкой М. Е. Липатовой.

...То, что ее, Марины Липатовой, тело обнаружили, вообще случайность. А что вы хотите? Кого, скажите, понесет в старый, заброшенный и полуразвалившийся дом на городской окраине? И лежала бы там убиенная девочка до весны, а, может, и дольше, пока в хибару эту какой-нибудь бомж в поисках пристанища не заглянул бы.

Но вот, поди ты, занесло в эту сараюху школьников-восьмиклассников вместе с классной дамой. Они как раз перед Новым годом в лыжный поход собрались. Рюкзаки наготовили, термоса чаем залили, бутербродов понаделали. И — пошли.

Но перед тем, как в лес углубиться, заметили этот разрушенный дом, и решили девчата там нужду свою малую справить. Ну, правильно, чего в лесу от мальчишек прятаться да морозиться?

Короче, забежали они в эту развалюху со смехом и визгом, а назад вылетели с ревом и воем.

А потом уж и мы прикатили. С мигалками.

Полуянов сразу же, как только повернул девчушку, как ей на спину глянул, так и поморщился и одними глазами показал мне уже знакомый след под левой лопаткой. Снова в сердце, одним ударом.

...До обеда я успел перелопатить великое множество дел. Позвонил Ирке, просмотрел записи в своем рабочем блокноте, особенно внимательно за последние дни каждого месяца, когда мы на очередное ЧП выезжали, дважды попил кофе и дважды — чай. Заглянул к ребятам из смежного отдела: не "засветилась" ли случайно где-нибудь в подведомственных им "точках" золотая цепочка с крестьи-

ком турецкого производства, исчезнувшая с шеи убитой блондинки после ее "свидания" с Гаражником? Не засветилась... Спалил почти пачку сигарет, просмотрел еще раз "Хроники".

После 15-00, нарушив мои очередные глубокомысленные размышления, в кабинет, разгребая руками клубы дыма, ввалился печальный Полуянов.

— Корпишь, страдалец? — обратился он ко мне. — Ну, ну. А я вот уже и в морге успел побывать. Какую-то девицу туда недавно доставили, блондинку, кстати. Так я, перехватив весточку, в это заведение и рванул, опасаясь, как бы не нашей "клиенткой" она оказалась.

— И? — прервал я словесный поток Полуянова.

— А что "и"? Слава Богу, не наша. Хотя хорошего, конечно, тут мало — все равно смерть приняла, но — не наша. Ее машина сбила, джип какой-то. Крутой, наверное, потому что с места происшествия рванул так, что никто даже номеров не заметил. Видели, что черный, да что бампер маленько повредился от удара, а номеров не приметили.

— Это проще, чем наш случай, — пробормотал я, закрывая папку с делом Марины Липатовой. — Этого крутого найти — раз плюнуть при желании.

— Вот именно — при желании. А если его не у всех хватает, тогда что делать? — задал очередной вопрос Полуянов и тут же сменил тему: — Новости имеются? Новостей нема, — ответил он сам себе, увидев мою кислую физиономию. — Это плохо.

— Чего уж хорошего?

— Слушай, Кравцов, — вновь начал приставать Полуянов. — Раз новостей никаких, раз я одно задание уже выполнил, побывав по собственному, подчеркиваю, желанию в морге, раз дежурство мое закончилось и я тебе не нужен, может, я домой тогда отправлюсь? У Дениски что-то ухо разболелось. Заодно и Катерину отпушу, она с утра у меня хозяйничает. Телефон ты мой знаешь, ежели что...

— Иди, Федорыч, иди. И не каркай: "Ежели что..." Привет Катерине Иванне. И детям!

Полуянов ушел, косолапя и шмыгая, а я отправился перекусить. Не голодать же, на самом-то деле, со вчерашнего дня!

Двинул в сторону "Кармен" — заведение практически подшрафное, и Ашот шашлыки, опять же, фирменные готовит.

Перешел улицу, дотопал до кафешки, глянул в окно и — повернулся в обратную сторону. Встал за газетный киоск...

В "Кармен", прямо напротив того места, где я обосновал свой "наблюдательный пункт", сидели за столиком две хорошо известные и одна совершенно не знакомая мне личности. Знакомыми были Митяй и Стас Наум. Третью личность я видел впервые в жизни.

Это была девушка. Брюнетка с длинными, до пояса, локонами, с пухлыми губками на юном, не тронутом косметикой лице, с потрясающими глазами какого-то совершенно необычайного, скорее азиатского, разреза. Лет, этак, семнадцати. Может быть, школьница, а может, уже студентка — поди, разберись в нынешних акселератах!

Две знакомые мне личности глушили коньяк и лопали Ашотовы фирменные шашлыки. Они о чем-то горячо спорили, посекундно обращаясь к обладательнице прекрасных глаз, но было видно, что не буйствовали и не ссорились. Словом, беседовали, отыскав консенсус. Наверное — за жизнь.

Незнакомка пила апельсиновый сок, ломала шоколад и смеялась время от времени, небрежно поправляя прическу.

Однако стоять бесконечно и плятиться в окна кафе было как-то не с руки, и поэтому, сожалея и внутренне страдая — а отчего, я еще не знал и сам, мне пришлось таки ретироваться.

И я двинул снова в свой прокуренный кабинет. К чаю с баранками и к напряженному мыслительному процессу...

Ближе к вечеру, когда буковки в деле Марины Липатовой уже стали сливатся, а блокнот оказался переполненный мудрыми версиями и наставлениями подчиненным, стали подтягиваться мои немногочисленные помощники.

Первым явился — злой и нервный — Саня Корытов. Прошел к своему столу, налил в стакан горячего еще чаю, схватил самую большую баранку. И тут же закурил — быстро и жадно.

— Ну, подонок! Да я его собственными руками, без суда и следствия. Урод! — И еще добавил, вовсе уж непечатное.

— Водки будешь? — спросил я, доставая из сейфа Н3. — Выпей, Санек, поможет...

Он выпил и даже не поморщился, только выдохнул шумно и помотал головой.

— Знаешь, Никита, еще пару таких твоих заданий, и я, кажется, созрею для того, чтобы уйти куда-нибудь в охранники. Или в сторожа. Или машины чинить... Еще не плеснешь?

— Не плесну, старший лейтенант. Отчитайся сначала, а потом подумаем. А насчет того, чтобы в сторожа, — мысль хорошая. А главное — свежая очень. Я только вчера об этом же думал.

— Ну, и что надумал?

— Как видишь. Пока — при исполнении.

— Ну, ладно, капитан, извини.

И рассказал мне Сашок много чего поистине жуткого и страшного: о том, как и сегодня воют в голос матери и отцы убитых Гаражником девчат, о том, как мечтают младшие их братишки встретить где-нибудь этого подонка, о том, как...

Впрочем, не стану я вам всего этого рассказывать. Жутко. Не по-людски.

А каких-то там зацепок или непоняток, что могли бы по-настоящему, всерьез привлечь Сашкино внимание, по сути, и не оказалось.

Кроме одной, пожалуй.

Наташе Мамонтовой, третьей жертве Гаражника, накануне дня, когда она встретила свою смерть, был звонок. Мама Наташи вспомнила: дочь еще проронила, что назавтра, дескать, ей назначено очень перспективное свидание. Вроде бы, какой-то то ли коммерсант, то ли даже бизнесмен предложил ей поужинать в кафе, чтобы обговорить там весьма заманчивые варианты перехода в его фирму. На хорошую зарплату и все такое прочее.

— Галина Петровна, так мать Наташи зовут, — говорил Саша, прихлебывая остывший чай, — поначалу сильно засомневалась: не обман ли? Дочка — из себя очень даже ничего, мало ли? Спросила: давно ли ты его знаешь? А дочь отшутилась: век нынче стремительный — день, как месяц, неделя — как год. Давно знаю. Почти год...

— А после свидания домой она не вернулась. Так?

— Какой ты умный, — все еще зло буркнул в ответ Корытов.

Про фирмача мы знали. Разрабатывали уже эту версию — увы, впустую. А вот про возможное свидание в кафе — нет.

— Телефон фирмача, приметы? Он еще звонил? Может, Галина Петровна вспомнила: домой приходил, интересовался? — засыпал я старлея вопросами.

— Нет, пропал, будто его и не было.

— Тогда, как и прежде, море вариантов, — услышали мы голос Савельева. И не заметили, как он зашел! — Первый: не было никакого фирмача, Наташа все выдумала. Второй: фирмач был, но, узнав о том, что стряслось, элементарно струсили и — залег. Третий: этот фирмач и есть Гаражник. Но это очень уж просто. И — рискованно. Для Гаражника. Он, конечно, подонок, но — не тупой. Вернее, не настолько тупой, — поправился Савельев, — чтобы так неосторожно себя светить: звонок домой, приглашение работать в фирму. А если б девочка или ее матушка не поверили и проверили? Вариант четвертый... И так далее!

— Кстати, Сань, — беспардонно прервал я начальство. — А кем Наташа работает, что ее так вот с лету приглашали в какую-то престижную фирму?

— В хорошем месте она работала, — разрушил мои подозрения Корытов. — Только в низкооплачиваемом. В школе. Английский и французский языки преподавала. Прекрасно, говорят, знала их. И компьютер освоила, до сих пор он в ее комнате стоит. Так что вполне могли девчонку в фирму сосватать, тем более, что она отнюдь не уродиной была.

— В кафе был? — продолжил перекрестный допрос Савельев. — В том самом, где свидание намечалось?

— Когда? — восхликал Санек. — Еле ноги волочу, весь день только и делал, что допросы устраивал, да еще, как "Скорая помощь", — кому валидол, кому нитроглицерин подавал. Да и кто теперь скажет, в какое кафе фирмач Наташу называл?

— Надо узнать, — жестко приказал подполковник. — Вот этим завтра и займешься, прямо с утра. Фотография в деле есть, и не одна. Так что — с Богом. И радуйтесь, господа офицеры, что маховик возмездия сдвинулся, наконец, с мертвоточки.

Ну, сказали, начальник! И где такое вычитал?

...Митя приплелся около 19-00. Поздновато, но зато на своих ногах. Правда, покачиваясь.

Поведал заметно заплетающимся языком о своих подвигах.

Вроде, ничего такого не напридумывал на этот раз наш Наумчик. Действительно, если не врет, встретил он на мосточке того парня в кепке...

— Так, отсюда подробнее, — распорядился подполковник. — И желательно бы дословно. Почему "в кепке"? Стас такого в своих "Хрониках" не указывал!

— Потому что "в кепке", — попытался обидеться Митя. Но, вспомнив, что на начальство обижаться — себе дороже, продолжил: — Так Наум сказал, не я придумал. А не написал почему? Кто знает...

— Дальше, не отвлекайся, стажер, — подстегнул Митя Савельев.

— Ну, что дальше... В кепке, весь в джинсе, брюнет. Ну, кейс еще в руках. Наколок никаких нет — Наум уверяет, что первым делом всегда на руки смотрит, привычка у него, видите ли, такая. А, вот еще что: парень слегка заикался, почти незаметно, но заикался. Поэтому говорил медленно, вроде бы как с достоинством. Вот и все, кажется.

— Как — все? — тут уж моя очередь пришла возмущаться.

— Ну, про другого мужика мы тоже, конечно, поговорили, но по нему ничего нового: лысый, старый...

— 40 лет и — старый, — поперхнулся чаем Савельев, которому как раз месяц назад сороковник стукнул.

— Вот, вспомнил, — оживился Митя. — Расспрашивая того парня в джинсовке, Стас умолчал почему-то, что он в газете работает. Болтали, говорит, как случайные прохожие. Вот теперь — все...

— Мало! Ну, да ладно, курсантам простительно. Придешь к нам — обучим.

— А возьмете?

— Подумаем, — проворчал Савельев и повернулся ко мне. — Слушай, Кравцов, а чего это у тебя подчиненные оба-двою с запашком, а мы, командиры, чай холодные глотаем? Доставай НЗ из сейфа!

Пришлось подчиниться...

Уже потом, расходясь по домам, не удержался-таки, спросил у Митяя: что за мадонна присутствовала с ним в кафешке, когда он Наума "раскалывал"? Его, стажера, что ли, девушка?

— А, это Ленка, — ничуть не удивился стажер моему вопросу. — Группа моральной поддержки, так сказать. Моя соседка по лестничной площадке. Просто соседка, — уточнил он почему-то. — Я ее попросил прибежать в "Кармен" в качестве отвлекающего субъекта, чтобы Наум больше на нее плялся, чем в мои вопросы вникал. И чтоб отвечал "на автомате", красуясь перед прекрасной неизвестной. Хорошо я придумал?

— Прекрасно придумал, — ответил я.

На том и расстались.

А утром, часиков, этак, в десять, случилась гроза. С криками, грохотом, градом и, как полагается, — с лозунгами.

Человек сорок, из которых больше половины было зевак да штатных демонстрантов — бабок и стариков, собрались у парадного нашего управления с тем, чтобы в очередной раз заклеймить родную милицию и призвать к ответу.

А поскольку в первейших, но редких рядах бунтующих недовольных сограждан наблюдался красный от перевозбуждения и потный от усердия Наум, то и лозунги (а было их всего четыре) в руках протестующих выглядели соответствующе: "Кто ответит за убийство наших детей?", "Куда смотришь, милиция?", "Виновных — к ответу!" И еще почему-то: "Мы — не рабы!"

Сашка Корытов, высунувшись в окно, погрозил Науму кулаком, а затем доложил:

— Владимирович, зуб даю — никого из родителей убитых девчат на митинге не наблюдалось, я их всех знаю, вычислил бы...

— А кто бы сомневался, — бросил торопливо Савельев, убегая на генеральский ковер. — Никита, скажи Полуянову, — спохватился он уже у дверей, — пускай это шествие поподробнее, во всех ракурсах, заснимет. Может, пригодится, когда оправдываться будем?

Но Полуянова на месте не оказалось — снова, видать, рванул на вызов с какой-нибудь "смежной" группой, или в морг — очередного жмурика судмедэкспертизовать.

Однако горевать особо по поводу отсутствия печально шмыгающего капитана мы не стали. Ну, нет — так нет! Вон, уже и местное телевидение к нашему парадному подъехало, Женька Пряничников из "Криминальных вестей" руками машет. Ежели что — попрошу у него пленочку.

Довольно скоро, потоптив асфальт да покричав, митингующие бабульки с авоськами отправились на рынок, старики — в пивную. Телевидение тоже укатило вовсю. Ретировался и Наумчик, торопливо дописывая что-то в свой глянцевый блокнот.

Можно было начинать. Работать.

Старший лейтенант Корытов, прихватив из дела фотографии гражданки Мамонтовой, убыл в неизвестном направлении: искать кафе или ресторан, где, может быть, ужинали, а также, вполне вероятно, вели "перспективные переговоры" какой-то там загадочный фирмач (или коммерсант, или пройдоха-ловелас, или

Гаражник) и Наташа. Ни я, ни Митяй, растерянно листавший очередной учебный конспект, ему не завидовали: дело предстояло Саньку муторное, беспокойное и бестолковое. Все ноги истопчешь, язык до мозолей отбьешь бесконечными распросами, а будет ли толк — это еще не известно.

Однако надо!

Помаявшись над конспектом минут сорок, в хорошо известном направлении — сдавать зачет, охая и ахая от предчувствия суровой неизбежности, исчез Митрий.

— Ни пуха, — бросил я ему в спину. — Чтоб сдал, и чтоб стипендии не лишили.

— Ага, к черту, — с удовольствием ответил он.

А я открыл папку, которую некоторое время назад распотрошил, извлекая фотографии, Корытов.

Но не тут-то было! Неожиданно прозвучал телефонный звонок.

— Извините, а Дмитрия Викентьевича можно? — прощебетал в трубке девичий голос.

— Какого еще такого Викентьевича? — не сразу сообразил я.

— Ну, Митяя.

— Ах, Митяя Кудрявцева? Генерала в курсантских погонах? Не могу, девушка, я вам подать Митяя Викентьевича. Он, видите ли, отсутствует. По причине сдачи зачета в своей школе-академии. Придет — передам, что звонили. Только — кто?

— Это Лена, — услышал я в трубке. И сразу почему-то понял — какая Лена. Конечно, та самая, из кафе. Митяева группа моральной поддержки, или — "отвлекающий субъект", так он, кажется, ее обозвал.

— А вы, наверное, и есть тот самый супермен Кравцов, о котором мне Митяй все уши прожужжал, и который преступников ловит?

— Ловят, девушка, бабочек, как говорил один из классиков нашего жанра. Мы — задерживаем... — И запнулся. Потому что совершенно не представляя, о чем еще можно говорить с этой юной мадонной. А еще потому что оробел. Но бросать трубку не хотелось. — Так что вашему Митяю передать прикажете?

— И никакой он не мой, — возмутилась мадонна, и у меня, честное слово, отчего-то потеплело на душе. — Никакой не мой, — повторила она решительно. — Сосед просто. Сказал: позвони с утра, и телефон дал. Вот я и позвонила... Но раз его нет, пускай теперь он меня ищет. Запишите мой телефон. — И номер продиктовала. Очень простой, кстати, я его сразу и накрепко запомнил — 24-14-14.

— Спасибо вам, Лена! — нашелся я наконец.

— За что спасибо-то? — удивилась она.

— За вчерашнюю подмогу. В кафе, — уточнил я. — Если бы не вы, Митяй Викентьевич с заданием не справился бы!

— Ага, хорошее задание: коньяк пить! — возмутилась Лена. — А я вас, Никита Владимирович, в окне видела. Вчера. Вы еще из-за киоска выглядывали.

Ничего себе! Хорош конспиратор. Профессионал! А я-то думал...

— Но никому не сказала, — торопливо продолжила разоблачения Лена, — ни Митье, ни репортеру этому. Просто посмотрела: вы стоите, и давай Митяя со Стасом отвлекать, разговоры разговаривать, чтобы они вас не заметили. Я же понимаю, вы совсем не понарошку там прятались!

— Тогда — еще раз спасибо. Нет, я совершенно серьезно говорю, без шуток. Только вот мне что любопытно, Лена, откуда вы меня знаете? Неужто Митяй специально показывал? Как бегемота в зоопарке?

— Да нет, ну что вы, Никита Владимирович! Специально не показывал. И вообще — никак не показывал. Только говорил о вас часто. Но... Вы же в нашей школе учились, верно?

— Ну-у-у, так это когда было! — чуть не завыл я в трубку от огорчения — так давно это было. — Сто лет прошло...

— Ага! Сто не сто, а фотография ваша на стенде медалистов и сегодня висит. Да и на вечер встречи выпускников — помните? — вы зимой приходили. С какой-то очень красивой девушкой танцевали. И в кабинете химии со своими бывшими одноклассниками закрывались, нам химичка рассказала — шампанское пили. А потом ушли. По-английски.

— А ты, Лена, — как-то совершенно неожиданно перешел я на "ты", — что, и там за мной наблюдала? Как в кафе?

Она помолчала. А потом срезала наполовину.

— А, может, вы мне понравились очень? — И положила трубку.

Я тоже, в совершенно растрепанных чувствах, медленно и осторожно опустил трубку...

Для того, чтобы как-то прийти в себя, пришлось срочно, не мешкая, выпить кофе и закурить. Потом немедленно заняться сеансом аутотренинга.

— Спокойно, Кравцов, спокойно, — уговаривал я себя. — Твое дыхание ровное, сердце бьется ритмично, как швейцарский хронометр. Тебе предстоят великие и важные дела. Ты можешь, ты должен, ты — обязан...

Уговорил!

Подвинул к себе папку: Наташа Мамонтова... Та самая, которой позвонил и пригласил в кафе фирмач, и которую сейчас разрабатывает старлей Корытов.

Ее тело обнаружил хозяин коттеджа в дачном обществе "Полянка" в 15 километрах от города. Почти через неделю после того, как она ушла на деловое, "перспективное" свидание.

Родители Наташи забили тревогу уже на следующий день, как только дочь не вернулась домой. Обзвонили и обошли ее подруг, знакомых — все надеялись, что, быть может, у кого-то из них задержалась.

Затем, когда оказалось, что к знакомым она не наведывалась, забеспокоились всерьез. Холода от дурных предчувствий, отправились в милицию.

Там поначалу встретили их с недоверчивыми улыбками: бывает! Особенно в наше время. Ну, загуляла ваша дочка, сами же говорите, что на свидание упорхнула, да еще — с каким-то крутым бизнесменом. Вот он ее и вводит в курс дела. Где-нибудь на даче...

— Вернется, вот увидите, — обнадеживали.

— А если нет? — комкая мокрый от слез платок, проронила Галина Петровна. — А если не вернется?

— Тогда через три дня — так положено, раньше, по закону, начинать поиск не имеем права, — просим снова к нам в гости, — бодро произнес принявший Мамонтовых капитан. И, осознав, что брякнул явную глупость, поправился: — Не дай Бог, конечно.

Но Наташа через три дня домой не вернулась. И через четыре. И через пять.

Тот же капитан, оформляя поисковые "бумаги" да выспрашивая Мамонтовых все, что ему требовалось знать об их дочери, на этот раз был угрюм, деловит и неулыбчив.

— Будем искать. И надеяться на лучшее. А может, он, фирмач этот, в Москву или еще куда на экскурсию вашу дочь повез? А может?.. — И опять понял, что промахнулся. Куда — в Москву, когда в школе занятия. Какая экскурсия, когда родители — все в слезах. Да если бы так — позвонила бы наверняка.

А через пару дней января в нашем кабинете появился Савельев. Злой, а оттого — решительный.

— Все в сборе? Тогда — вперед. На дачу поедем.

— А чего будем праздновать? У кого именины наметились? — совсем некстати встрял Корытов. — И с чем поедем? С водочкой?

— С пистолетами, — отрезал подполковник. — И с Полуяновым.

Все стало ясно, раз с Полуяновым. Если с судмедэкспертом, это — всерьез и на долго, с большой головной болью.

Минут двадцать назад у Савельева раздался звонок, он поднял трубку и услышал ссылающийся от волнения голос:

— В моем доме — труп. Девушка, молодая, красивая... Я не был на даче уже недели три, а сегодня, занесло: в выходные хотел с друзьями попразновать, продукты кое-какие привез. А тут...

Приехали. Домик этот "дачный" нашли сразу: точные ориентиры дал хозяин, хоть и не совсем в себе был, когда адрес Савельеву диктовал. Да и невозможно, пожалуй, было его не отыскать. Домище этот среди прочих мы сразу же приметили, как только к этой самой "Полянке" подъехали.

Ничего себе строеньице! Кирпичный замок в два этажа, с невысоким, но добрым забором, с какими-то еще постройками на обширной дворовой территории, — банька, наверное, летняя кухня, игровая детская комната, может, еще даже и "лайская"... Словом, то, что обитает здесь весьма богатенький Буратино, мы поняли сразу.

И напряглись: знали уже по оперативным данным, что неделю назад при совершенно не выясненных обстоятельствах пропала некая девочка по имени Наташа, по фамилии Мамонтова, которую, якобы, какой-то совершенно крутой бизнесмен обхаживал. А тут... Если владельцем представшего перед нами "домишкы" является не фирмач, а, скажем, слесарь Иван Петрович, — значит, мы что-то не понимаем в нашем свете.

Словом, мысль заработала четко, не блуждая попусту в лабиринтах извилин. А посему сразу же вызрела версия: а ну, как он, именно владелец этого коттеджа о двенадцати комнатах, четырех ванн и стольких же, извиняясь, туалетов, и порешил гражданку Мамонтову?

Ага! — тотчас же с недоверием отозвалась мысль вторая: порешил, потом неделю думал — сообщать ли о своем невинном подвиге органам, а сегодня, вот, дозрел!

Но тут и третья мысль поспела, самая верная: а чего гадать-то впустую? Прoverять надо. Все, как всегда: как в дом вошел, как тело обнаружил, где и с кем был неделю назад, пальчики проверить, терем осмотреть самым тщательным образом.

Работенка — та еще, надолго! А мы даже бутербродов не взяли, не то, что водочки...

Подкатив к дому, с немалым облегчением отметили: слава Богу, никаких зевак-созерцателей, обычно слетающихся на подобные "мероприятия", как пчелы на мед, поблизости не наблюдается.

А в самом тереме пошла уже привычная, к сожалению, и довольно муторная работа.

Полуянов, как только увидел обнаженное тело блондинки, так сразу же и напрягся. И я напрягся. И Савельев. И все остальные. А уж когда след под лопаткой увидели, и вовсе всем стало понятно: влипли! Потому что маньяк наш снова "отметился", совершенно точно и определенно, без всяких посторонних версий. И потому еще, что спрос теперь с нас будет вообще запредельный: третий случай за три месяца — это уже больше, чем серьезно!

А дальше... Ну, конечно, след Бобик не взял — зря лохматый прокатился, лучше бы в своей конуре кости грязь. Пальчиков было повсюду великое множество, а вот чьи, поди, догадайся, если у хозяина терема гостей бывает десятками, и все, понятное дело, не в перчатках по комнатам шастают, вещдоков насилиник нам никаких не оставил. Кругом — плохо!

А когда выяснилось, что и Крутойров Николай Григорьевич, генеральный директор ОАО "Сервис-центр" и, естественно, владелец данного поместья, не имеет отношения к произошедшему в его владениях ЧП, то стало худо в квадрате.

Потому что снова — тупик...

И еще потому, что вопросы как были, так и остались, если их еще больше не набежало.

Как, например, добрались Гаражник и Наташа до "Полянки"? Рейсовый автобус до этого дачного общества зимой не ходит. На такси или "частнике" — вряд ли. Не такой же, в самом-то деле, Гаражник идиот, чтобы подобным образом светиться? Хоть городок наш и не столь велик — несколько сотен тысяч жителей, но, все ж, таксопарки и частников опросить можно. Тягомотная, конечно, работенка, но на след, если водила узнает фотографию Наташи и кое-что вспомнит, выйти вполне можно. Неужели на своей машине? Тогда — сложнее. Зато круг подозреваемых сужался.

— Впрочем, — вспомнил я, закрывая папку, — еще в первый раз все эти версии мы "пропахали" основательно. И таксопарки обежали, и "частников" расспросили. Да все — зря. Опять в тупик забрели.

А через месяц — новое убийство. Четвертое по счету.

Переписав кое-что внезапно пришедшее мне в голову в блокнот, чтобы очередная светлая мысль в бурном мелькании будней никуда не затерялась, я направился к подполковнику, отчитаться о проделанном мыслительном процессе, посоветоваться по поводу озарившей меня светлой идеи, да и просто потрепаться за очередной чашкой кофе.

Направился, да не дошел. На пути к двери меня подловил звонок.

— Да, — гаркнул я в трубку. — Кравцов у аппарата! Слушаю вас внимательно.

— Привет, капитан, — услышал я знакомый голос. — Пресса тебя беспокоит. Узнал? Стас Наум...

— Как же, как же, — чертыхнулся я. — Захочешь — не забудешь. Чего изволите, пресса? Вам как — под сладким соусом или с горчичкой?

— Рад, что ты в здравом уме, капитан, — донесся из трубы негромкий смех, — и даже адекватен. Дело у меня к тебе, Никита Владимирович.

— Да неужели? Какое счастье, Стас Васильевич. А как уж я рад это слышать! А уж как рад тебе помочь!..

— Ну, это, пожалуй, врачи, знаю я твою помощь, не дождешься. Но дело, и вправду, есть. Слушаешь?

— И очень внимательно.

— Тогда так... — На другом конце провода послышался легкий шорох, затем — негромкий щелчок. Диктофон включила пресса, догадался я. — Тогда я попрошу вас прокомментировать произошедшее сегодня поутру событие.

— А именно? — валял я дурака. — Ежели то, что я встал ровно в 7-00 и, не завтракая, но тщательно почистив зубы и побравшись, отправился на работу — событие, то можете зафиксировать мой комментарий. Некогда было, дела государственной безотлагательной важности требовали моего присутствия на боевом посту.

— Я о другом событии, — несколько обескураженно отозвался Наумчик и выразительно, выделяя каждое слово, продолжил: — Сегодня утром перед парадным зданием управления...

— Ага, вспомнил, наконец, — радостно вскричал я. — Совершенно точно: именно сегодня, и именно — утром! Но ты-то откуда знаешь? Кто настучал, что именно сегодня утром старлей Корытов, споткнувшись о ступеньку, оторвал каблук своего сравнительно еще нового ботинка. Причем, должен заметить, правого. Как полагаешь, Стас Васильевич, это — к премии или к западному ветру?

— Ага, — начал потихоньку закипать Стас. — Это ты так издеваешься. Да?

— Ну, что вы, что вы, как могли даже подумать подобное? Просто пытаюсь догадаться: какое же такое событие мне следует прокомментировать? Если очередной, но уже — вчерашний указ Президента, то это не ко мне, я в политику не играю по принципиальным соображениям, если качество продовольственных товаров на нашем славном Центральном рынке, могу, но на уровне дилетанта, если...

— Ну, все, тогда я пишу, что в ответ на просьбу "Городских хроник" капитан Кравцов ответил отказом, — прервал меня Наум.

— Каким таким отказом! — всерьез возмутился я. — А что я делаю вот уже второй десяток минут? Комментирую. Как ты и просил.

— Меня интересует многолюдный митинг у парадной вашего управления, — едва не взвыл Наум. — И ваше к этому событию отношение!

— И всего-то? — вполне искренне удивился я. — А я уж подумал... Ну, тогда ладно — фиксируй, включай свои кнопочки. Право каждого свободного в своих воззрениях здравомыслящего россиянина, — понесло меня, — принимать или отрицать демократию, которая, несомненно, стала настоящим достоянием проводимых руководством нашего государства реформ. Действительно, еще совсем недавно, еще каких-то полтора десятилетия назад, нельзя было себе и представить, что перед парадным управления милиции города могли собраться с плакатами и лозунгами четыре десятка человек, из которых три десятка — зрители. Причем никаких заявок на данный митинг-демонстрацию никто в мэрию не подавал. Демократия достигла у нас в стране и в нашем городе поистине невиданных размахов: все стало можно, и никто ни за что не отвечает. И это — хорошо, товарищи! Хорошо, в первую очередь, потому что мы теперь ясно осознаем свою личную роль в истории...

Я говорил еще минут десять. Наум старательно писал, надеясь, по всей видимости, на то, что вот сейчас я что-то определенное и вполне конкретное и выдам. Не дождался.

— Ну, а по митингу чего скажешь? — потерянно прервал меня Наумчик, когда я закашлялся.

— Не понял, — возмутился я в ответ. — А что я тебе только что так старательно и по твоей же просьбе надиктовывал? Ты что, не записал, что ли? Тогда включай свою машинку снова. Могу повторить.

В трубке раздались короткие гудки.

Славно поговорили!

...На обед я не пошел. Какой обед, когда — сплошные звонки и комментарии? Когда-то ведь и поработать надо! Не все же время разговоры разговаривать, бумаги деловые изучать да об стул известным местом мозоли натирать?

И, заглянув на пару минут к своему непосредственному начальству и получив его высочайшее благословение, отправился к Храпу...

Но сначала постараюсь, как смогу, обрисовать эту достопримечательность нашего славного города.

Храп, он же — Храповицкий Сергей Геннадьевич, он же — Терентьев Сергей Викторович, он же — Осташов Сергей Григорьевич, он же — известный в известных же кругах авторитет Сорока пяти лет от роду. Крепкий, широченный в кости, невероятной силици мужик, не знаю, как сейчас, а раньше — сам видел — соперников от-

ключал с одного удара, и подковы гнули — как вилки алюминиевые. Имеет шесть командировок в места не столь от Воркуты и Вологодской губернии отдаленные. Работал только в далекой молодости. Месяца четыре. На мясокомбинате. Вроде бы, разнорабочим. Потом, продемонстрировав завидную предприимчивость и нахальство, спрятав вышеназванного завода два фургона говядины самого высшего сорта, выгодно загнал обозначенный продукт и... угодил на первый свой длительный отъезд, под Воркуту.

С тех пор не работал принципиально. Зато — матерел, не только год от года, но, пожалуй, месяц от месяца. В тридцать семь его "короновали".

В настоящее время от активных действий отошел, город в руках держит крепко. Живет на окраине в добротном доме с огородом, где, впрочем, никогда ничего не высаживает. По этой причине огород густо зарос травой и используется исключительно для приема братвы. Хозяин, а точнее, его верные подручные наставили на огороде беседки, скамейки, столы да мангали и по выходным да по праздникам, случается, пьют-едят с немалым удовольствием. При этом сам Храп не пьет. Практически совсем. Теоретически — может. Полстопки за "ты меня уважаешь". Но больше — никогда!

Что еще? Позади дома — лес, мелкая речушка Кряка. В доме Храп живет не один. При нем практически постоянно три "быка", выполняющие роль не столько охранников, сколько помощников, а заодно — поваров, порученцев, курьеров, водителей, садовников и Бог весть еще кого...

Вот к нему-то я и отправился.

Но сначала все же кое-кому позвонил. Чтобы удостовериться...

Во-первых, в том, что Сергей Геннадьевич в настоящий момент отсутствует, но скоро будет. Во-вторых, что в доме сейчас находятся Кувауда и Матрос. И в-третьих, прибудет Сергей Геннадьевич без эскорта сопровождения, а только лишь с составляющим ему в данное время компанию водителем по "имени" Прус.

Все это меня устраивало. И даже очень.

До городской окраины я добрался на обычном рейсовом автобусе, а затем, прошагав прогулочным шагом с полкилометра, вышел к речке Кряке, на берегу которой посидел минут пятнадцать, старательно изображая отдыхающего от трудовых забот интеллигента-романтика. На самом же деле, склонившись за кусточки, оглядывал окрестности, а особенно — "поместье" авторитетного Храпа.

"Поместье" пустовало. Лишь один раз из дверей дома вышла на крыльце квадратная личность в тельняшке, но, постояв там пару минут да аккуратно затушив сигарету в консервную банку из-под селедки, зашла обратно.

Из окна дома, где, насколько я помнил, располагалась у Храпа кухня, доносились громкая музыка: мужики, как водится, слушали "Радио Шансон". Стало быть, Матрос обед шефу готовит — самое время. И там же, на кухне, скорее всего у окна, Кувауда любимым делом занят — кроссворды безуспешно разгадывает.

— Кажется, пора, — скомандовал я сам себе. — Вставайте, граф, вас ждут великие дела...

Обойдя дом с тыла, осторожно — не дай Бог шумнуть! — заглянул в окно комнаты, где располагались покой хозяеких помощников. Комната, как я и надеялся, была пуста. Тогда я взял в руки нож и поддел им раму окна. Створки распахнулись без стука и скрипа — молодцы, помощнички, в добром порядке дом содержат!

Я снял кроссовки, натянул на голову шерстяную шапку с прорезями для глаз и, подтянувшись на руках, в прыгун в комнату, молясь про себя о том, чтобы именно в это время ни Кувауда, ни Матрос в светелку свою не нагрянули. Но — обошлось!

Подошел к двери. Приоткрыл ее осторожно и в три прыжка достиг кухни.

Но и там я задерживаться не стал. Вздохнув поглубже, внедрился со всей приобретенной в прихожей скоростью в пищеблок и, мгновенно оценив ситуацию, устроился к мающемуся над сковородом Кувалде.

Никаких угрызений совести в том, что вырубаю сидящего за столом человека, у меня не было и в помине. Однако быть почти голой, хоть и в носке, пяткой до полного и длительного отключения я все же не стал. Мне достаточно было и того, чтобы Кувалда потерял ориентацию в пространстве и возможность махать руками минут, хотя бы, на пять.

Добавившись желаемого, я повернулся к Матросу. И увидел перед собой... приличных размеров кухонный нож. Сие орудие Матрос, разом вспотев, держал в правой руке. В левой же — огромную сковороду.

Повар-любитель медленно, поводя из стороны в сторону своей секирой, двинул ко мне. Однако тут же споткнулся, ударившись о врезавшуюся в колени табуретку, которая оказалась на его пути с моей непосредственной помощью. И совершенно зря споткнулся! Потому что тотчас же оказался на полу. Без ножа и без сковородки. Зато и без памяти — вырубил я его нежно и культурно, как и Кувалду, — не очень надолго.

Потом...

А что — потом? Отволок обмякшие тяжеленные тела охранников в какую-то темную комнатушку с полками по стенам (кладовку, что ли?), скоренько связал им руки за спиной, залепил рты приготовленным загодя скотчем и вернулся на кухню. Содрал с головы шапочку — теперь уже можно.

И стал ждать хозяина.

...Храп появился минут через пятнадцать. Его иномарка, урча довольно и съто, вкатилась во двор усадьбы, и Храп, дав какие-то распоряжения сопровождающему его Прусу, направился в дом, ведомый густым манящим запахом борща.

Появившись через несколько секунд в проеме кухни, Сергей Геннадьевич Храпович оценил ситуацию вмиг.

— Здорово, Кравцов! Зачем босиком-то сидишь? — А уж затем, оглядевшись, продолжил: — Это ты моих разгильдяев вырубил?

— Извини, Сергей Геннадьевич, так надо было, — сказал я, поднимаясь из-за стола. — Но я легонечко, они в кладовке сейчас отдыхают, чтоб нашей встрече не помешали. Сам, наверное, понимаешь, зачем я их туда отправил... Чтобы себя не засветить, да и тебя ненароком не скомпрометировать, у вас же — известное дело — с ментами встречаться западло, никак нельзя. А никто и не узнает.

— Так мы, вроде, о встрече не договаривались, капитан? Или ты уже таким крутым стал, что и не спрашиваешь, приму ли?

— А я как раз того и боялся, — честно признался я, — что не примешь. Однако разговор у меня серьезный, поэтому, извини, и нагрянул без приглашения.

— Да знаю я, Кравцов, какое у тебя ко мне дело, — удивил меня Храп. — Об этом твоем деле сегодня весь город с утра до вечера судачит. Обедать будешь? — неожиданно предложил он. — Если будешь, придется самому за собой ухаживать. Мне, вроде как, не с руки, а "официантов" моих ты сам отыскать отправил. И не косись в окно. Прус здесь не появится. Пока я не позову...

Борщ оказался очень даже ничего, съедобный. И картошка с селедкой — тоже.

— Проблема твоя, капитан, мне известна, — продолжил, между тем, хлебосольный хозяин. — В маньяке дело, в Гаражнике, как вы его меж собой называете. Верно? Угадал? Была бы какая другая твоя проблема, капитан, уж поверь, ни слова бы от меня не дождался. А эта... Психолог ты, Кравцов, однако. Признайся: просчитал ведь, что настоящая братва маньяков-насильников на дух

не переносит? Именно поэтому и отвечаю тебе, как на духу: то, что сотворил твой "клиент" — к братве никаким боком. Имей это в виду, и версии свои в данном направлении не строй — лишнее, не туда забредешь и время попусту потеряешь. Понял?

— Сергей Геннадьевич, раз уж такое дело, что Гаражник твоим хлопцам — совсем чужак, раз даже на зонах вы таких давите, не договоримся ли...

— Не договоримся! — отрубил Храп. Однако, постыдившись, продолжил: — Нехорошее слово ты сказал, Владимирыч. Потому как никогда мы с тобой, вор в законе и мент, хотя и честный, не договоримся. Но... Если узнает кто из наших, кто именно в городе девок портит-убивает, да если "пришьет" его ненароком, ты первый узнаешь.

— А если узнаете да "пришить" не сумеете?

— Тогда все равно узнаешь, — сдался Храп, — Все выведал, что хотел? — встал он из-за стола. — Тогда давай прощаться. Назад пойдешь по той же тропке, что и сюда залазил, незачем, чтобы тебя Прус приметил, вдруг палить начнет с перепугу да от усердия? Да, супермен, тапочки свои не забудь, а то босиком насморк еще подхватишь... — И вдруг, совершенно неожиданно, ляпнул: — Слыши, Кравцов? А не пойдешь ко мне в помощники?

— Тебе денег не хватит меня содержать, Сергей Геннадьевич.

— Ага, можно подумать, что в ментовке тебе много платят...

— Мне хватает, — философски соврал я. — Да и зачем я тебе, Храп? Не сработаемся мы, пожалуй. Я оборотней не жалую, да и ты, знаю, предателей — тоже.

— Ну-ну, — только и сказал Храп на прощание.

— Да, — вспомнил я, — Сергей Геннадьевич, ты своим ребяткам веревки на руках не развязывай, там узел хитрый — только туже затянем. Ножом разрежь. Извинись перед ними за меня, что ли? Ну, и придумай что-нибудь: кто это их повязал...

— Давай, учи ученого, капитан, — хмыкнул Храп. — Иди, не тревожься, гуманист хренов.

И я ушел. Через окошко.

...Вернувшись в кабинет уже под вечер, я застал там всю свою группу, в полном, так сказать, наличии. И даже во главе с подполковником.

Группа была занята делом весьма содержательным. Группа — разливалась. Но — не подумайте чего худого, — отнюдь не водку. Чай в стаканы...

— О, как кстати! — радостно закричал Митяй. — А я вот зачет сдал! По этому поводу угощаю. Английским чаем, "Ахмат" называется. С пончиками.

— Я вижу, — ответил я, принимая стакан. — Поздравляю.

Санек Корытов сидел, по обыкновению, у окна. Устало дымил и давил окурки в консервную банку-пепельницу. Поймав мой взгляд, отрицательно покачал головой, и я понял, что все его многочасовые походы и заходы в кафе и рестораны города оказались безрезультатными. Наташу Мамонтову и ее загадочного фирмача в вышеобозначенных злачных заведениях никто не наблюдал. Или не вспомнил. Может, по причине давности случившегося, что весьма вероятно, а может, потому что Наташа ни в каком кафе и не была в тот день или вечер.

— Зачет сдал — это хорошо. Но это — единственная добрая новость за весь день, — печально изрек Полуянов. — Может, у вас имеется что сообщить более оптимистичного, капитан? Не зря же вы, рискуя головой и незапятнанной до сего дня репутацией, самого Храпа обхаживали? Не зря же и я, покинув детей своих несовершеннолетних, вас тут ожидаюсь?

Увы! Порадовать Полуянова мне было решительно нечего.

А посему, допив "Ахмат" с пончиками, мы разошлись. Грустно и неприкаянно.

Уже на улице меня перехватил стажер-счастливчик.

— Мне тут никто не называл, Никита Владимирович? — спросил он, глядя куда-то в сторону.

— А что, должны были?

— Ну да, вообще-то... Может быть, Ленка, та самая, с которой я вчера в "Кармен" с Наумом встречался.

— Вот она-то как раз и звонила, — признался я, почувствовав нежданную досаду где-то в области сердца. — Интересовалась: что это Митрий Кудрявцев, поручив девушке непременно найти его прямо с утра по служебному и не всем доступному, скажем так, телефону, прямо же с утра, не дождавшись звонка, умчался в неизвестном вышеназванной девушке направлении?

— А вы чего ей ответили? — бестолково спросил стажер, старательно оглядывая окрестности.

— Ответил прямо, как есть: дескать, задание выполняет совершенно секретное. Экзамен сдает.

— Зачет, — поправил меня Митяй, перестав разглядывать пустынную улицу. — И больше не звонила?

— А затем, уж извини, Митрий Викентьевич, — не знаю. Поскольку в кабинете отсутствовал по причине тебе прекрасно известной.

И совсем уже сорвался распрощаться с расстроившимся отчего-то стажером и отправиться в свою берлогу, да вспомнил: телефон она свой оставила. И как не хотелось выдавать стажеру не известному ему шесть циферок, а пришлось, однако. Ну, не враг же я Митяю, на самом деле?

— Запиши: 24-14-14; это твоя Лена телефон оставила. Или так запомнишь?

Он часто закивал, глупо улыбаясь: запомню. А вот что "никакая она не моя", как еще вчера рекомендовал ее, или "просто соседка", — не сказал почему-то. Попрощался торопливо и исчез. С прекрасно известными мне намерениями и в известном же направлении.

... Дома я, прежде всего, поставил на плиту чайник и заварил кофе покрепче. Потом — еще одну чашку. Затем, проглотив густой ароматный напиток, закурил, тупо уставившись в экран телевизора, где шла очередная, Бог весть какая уже по счету, серия "Ментов". Мысли, особенно свежие и толковые, посещать уставшую за суматошный день голову явно не торопились. Их вообще не шевелилось в извилинах ни одной, кроме, пожалуй, наипростейшей: "А не вырубить ли всю эту киношную лабуду, да не провалиться ли в сон — до утра?"

Однако провалиться в сон помешала трель телефонного звонка.

Я не хотел брать трубку, потому что звонить, в общем-то, мне было некому: с начальством в лице Савельева и с ребятами в лице всех прочих членов группы мы расстались почти только что, и едва ли что-то у кого-то из них могло стрястись чрезвычайного, что потребовало бы выдергивать из наваливающейся дремы их друга-капитана. Но рука сработала на автомате: раз звонят — значит, надо ответить, мало ли что...

— Это я, — донесся из трубки голос Ирки. — Не спиши?

— Бодрствуешь, но с трудом, — честно признался я.

— А что делаешь?

— Бодрствуешь, но с трудом, — повторил я.

— А что собираешься делать? — продолжала пытать подруга. — Только не говори, что будешь бодрствовать, но с трудом...

— Не скажу.

— Ничего-ничего не скажешь? — Мазохистские наклонности Ирки проявились во всей красе.

— А что ты хочешь услышать?

— Я многое хочу от тебя услышать, — не поняла меня Ирка. И, не дав опомниться, продолжила: — Только лучше не по телефону. Слушай, Никита, может, мне прийти к тебе? Прямо сейчас? Давай, приду?

— А вот этого — не надо! — чуть не воскликнул я в полный голос. Однако, во время сообразив, что столь решительным отказом обижу ее насмерть, пустился в объяснения: устал, дескать, воюя с утра до ночи с бандюганами, спасу нет, а завтра с утра снова на эту проклятую борьбу, да пораньше, еще и солнце из-за горизонта не высокочит. Да и уговор у нас был такой, если вы помните, Ирина Александровна, подполковник вас об этом предупреждал: когда ищетика в активном поиске, лучше к ней не подходить и ее не тревожить.

— Вспомнила?

— А у тебя почти всегда этот самый режим активного поиска, — похоже, решила обидеться Ирка. — И что ж теперь? Не встречаться, не звонить, и планов никаких не строить?

— Ну, зачем же так-то, — промямлил я, но она уже повесила трубку.
Я снова пошел на кухню и заварил кофе.

Взглянул на часы — 23-00.

— Поздно уже, — отметил я и тут же набрал номер — 24-14-14.
Она отозвалась сразу же, будто ждала:

— Слушаю...

— Извини, Лена, поздно уже, наверное. Это...

— А я поняла, кто. И николечко не поздно, одиннадцать всего лишь. Я вот Пушкина читаю. Александра Сергеевича. К сочинению готовлюсь. Выпускные экзамены на носу, вот ведь незадача... А вы хорошо знаете Пушкина?

— Ну, кое-что еще помню. А какие экзамены?

— Как какие? Школьные. Сочинение... А у вас, Никита Владимирович, ко мне какое-то дело, да?

— Тут Митяй про тебя спрашивал, — брякнул я только для того, чтобы не молчать.

— Да, я знаю. Он уже мне звонил. Целых три раза.

“Три раза”... Я внезапно почувствовал себя на свои тридцать с гаком.

— Приглашал выйти, прогуляться. Говорил: в кафешку сходим...

“Приглашал”... Я почувствовал себя на пятьдесят.

— И очень настойчиво, — продолжал добивать меня девичий голос.

Я почувствовал себя почти что стариком и потерянно спросил:

— А ты?

— А я отказалась — экзамен...

Я помолодел и поглувел — сразу до восемнадцати.

— Так это ж хорошо, что отказалась!

— А что ж тут хорошего?

— Так экзамен же, — сказал я первое, что пришло в голову.

— Ага, экзамен. Русский язык. Письменно. Буду писать по Пушкину; разведка долнесла, что Александр Сергеевич личной персоной в темах непременно присутствовать будет.

— А-а-а! — протянул я, не зная, что еще сказать. — Ну, тогда не буду тебе мешать.

— А вы ничуточки не мешаете. И даже — вовсе наоборот...

Тогда я решился.

— Лен, а у тебя родители очень строгие?

— А что? — спросила она. И тут же скороговоркой выпалила: — Они у меня вовсе не строгие, а к тому же в отпуске оба — на даче, чтобы мне не мешать. Послезавтра, перед экзаменом, подъедут, как группа моральной поддержки. А что?

— Да, понимаешь ли... Я тебя не очень разочарую, если, как Митяй, приглашу прогуляться? Прямо сейчас. Только кафешку не гарантирую, потому что... Ну, потому что есть на то причины.

— Совсем даже вовсе и нет, — с обрадовавшей меня готовностью согласилась Лена. — И никакая кафешка мне вовсе не нужна. Хорошо, что прямо сейчас. А где?

— Я тебя у подъезда встречу.

— У моего?

— Ну, не у своего же!

— А как вы его найдете? А если не там встречать будете?

— Так, — пришел, наконец, я в сознание. — Во-первых, давай на "ты", а то я, честное офицерское, себя чуть ли не долгожителем чувствую. А во-вторых, я прекрасно знаю, где ты живешь.

— Откуда? — услышал я в трубке.

— От верблюда, — хмыкнул я. — Ты живешь там же, где Митяй. А Митяй — там же, где и ты. Теперь поняла?

— Очень доступно растолковал, товарищ капитан. — Похоже, что она тоже пришла в себя. — Через полчаса устроит? Тогда я одеваюсь, Никита...

Я топал по вечернему, да что там — почти по ночному городу, не чуя, как непременно сказал бы Савельев, ног. Я — почти бежал, слегка стыдясь накатившего на меня чувства и удивляясь этому чувству и самому себе, я почти летел и до Митяева — Ленкиного дома №16 домчал, не притормаживая на крутых поворотах, очень быстро, — за каких-то десять минут. Запыхавшись, притормозил у чугунной скамьи, прямо у подъезда.

Через несколько минут в дверях появилась тоненькая, стройная фигурка и замыкала на пару секунд, оглядываясь. Увидев меня, шагнула навстречу, и я понял, что погиб окончательно.

Я проснулся ровно в пять ноль-ноль. Без будильника и готовый к самым великим подвигам. Глянул на себя в зеркало, и от избытка посетивших меня чувств пропел вполголоса что-то вроде гимна: "Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля..."

Затем состряпал ранний завтрак, свое фирменное блюдо — яичницу с ветчиной. Выпил две чашки кофе и закурил.

Очень хотелось, если честно, позвонить. Куда и кому — понятно. Так хотелось, аж заныли от нетерпения подушечки пальцев. Однако сдержался: пять утра, как-никак. Мы же расстались в два. То есть, выходит, всего три часа назад.

Мы сидели в ее комнате, смотрели друг на друга и не могли оторваться. Мы пили чай с прошлогодним рябиновым вареньем и разговаривали. Ленка, улыбаясь и привыкая, говорила мне "ты" и "Никита". А я, замирая от переполняющего меня восторга, утопал в ее раскосых азиатских глазицах и беспрестанно и занудно вспоминал отчего-то о предстоящем ей экзамене. Об Александре Сергеевиче Пушкине, из которого на память приходило только одно: "Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты..."

— Как мимолетное виденье, — смеялась Ленка в ответ.

— Как гений чистой красоты, — утверждал я.

Я ушел от нее в два ночи.

Поцеловал на прощание, стараясь запомнить свежий запах волос и губ. Сказал: "До завтра". И услышал в ответ:

"Я люблю тебя..."

Очень хотелось позвонить. А позвонили мне.

— Кому это там не спится? — рявкнул я громко, но весело, держа в уме Савельева, потому что только Матвеич мог так неинтеллигентно и беспардонно потревожить подчиненного в столь дремотное время.

— Мне, — выдохнула трубка Ленкиным голосом. — Ты уже проснулся? А я не спала. Но не волнуйся, все будет в порядке. И экзамен я сдам, а, может, даже на пятерку. Мы же так славно, — брызнул в трубке ее смех, — Александра Сергеевича повторили...

— Я помню чудное мгновенье, — глупо улыбаясь, проговорил я.

Все были в сбое, даже Полуянов, которому, похоже, наконец-то крупно повезло, поскольку никаких тревожных вызовов по его душу с утра не поступило. Даже Митяй, который после сдачи зачета имел полное право пофилонить, но не желал категорически, а потому уже мыл стаканы и гнал старшего по званию Корытова в туалет, за водой для чайника.

Ну, а то, что подполковник, присев, по обыкновению, за мой стол, раскуривал первую за день "стрелянную" сигаретину (Савельев вот уже месяц бросал курить — безуспешно, естественно, а посему, смущаясь и отворачиваясь, скороговоркой клянчил сигареты то у меня, то у Корытова), это уж и вовсе было не удивительно. Кому, как не начальству, пример служебного рвения подчиненным демонстрировать?

— Вольно, господа офицеры, — бросил я младшим и старшим по званию, вплывая в кабинет сквозь клубы дыма, — расслабьтесь. Что там у нас на первое? Чай, как всегда? А если кофе?

— Задохнешься от счастья, начальник, — мрачно изрек Полуянов. — Кофе давно уже сам вылакал, на месяц вперед. Так что извольте отведать вчерашний фирменный подарок Митяя, чай "Ахмат" аглицкий.

— Подарок — да, — уточнил я. — А чай, надеюсь, не вчерашний?

— Как можно, господин капитан, — поддержал утренний треп-разминку стажер. — Лично и специально, только за ради вас, — нонешний. Только что из-под крана да самовара. Не изволите ли откусить?

Стараясь не встречаться с Митяем взглядом, я изволил. Отпил глоток дымящегося "Ахмата" и даже похвалил:

— Где, стажер, так чай заваривать научились? В родной альма матер милиции?

— Именно там, господин капитан. Желаете — научу... Рецепт прост, как все гениальное: кидай заварки побольше, да лей кипяток покруче.

— Все! Треп в сторону, — обрезал наметившуюся дискуссию Савельев. — Начинаем работать...

И, опровергая себя, потянулся к "внутреннему" телефону, потому как этот доисторический агрегат мог трещать диким треском безостановочно. Выслушав дежурного, выдал что-то уж вовсе не по уставу, разухабисто-непечатное, аж желваки ходуном заходили. Швырнул трубку на место, ссгутился. Потом грохнул кулаком по столу — так, что чайник с "Ахматом" подпрыгнул.

— Сигнал поступил, мужики: нашего Наумчика только что серьезно порезали. В подъезде его же дома, поутру. Он на работу, в свои "Хроники", направлялся. Но жом — в спину. Сдается мне, тяжелый день у нас сегодня будет...

Савельев, Корытов, Полуянов и Митяй рванули к дому, где жил Наум. Я — в больницу, втайне сильно надеясь на то, что все же его не насмерть, что поговорить удастся.

Не удалось.

Необычайных размеров доктор — хирург, заведующий отделением центральной больницы города, тщательно изучив мое удостоверение, поначалу обнадежил:

— Повезло клиенту вашему, и повезло редкостно! В спину его ударили, в область сердца. Но не насмерть, к счастью. То ли повернуться ваш Наумов успел, то ли помешал кто-то нападавшему. Но это уж по вашей, капитан, части...

— А когда, в таком случае, если он жив остался, поговорить с ним можно будет? — спросил я хирурга, загораясь надеждой.

— Ага, щас я вам его и подам, на каталке и без сознания! И не надейтесь на скрую беседу. Он, похоже, в коме. А это, знаете ли, бывает надолго... Молите вашего бога ментовского, чтобы жив клиент остался!

Единственное, что разрешил доктор после настойчивых уговоров, так это взглянуть на Наума.

... Я не эксперт, конечно, не Полуянов, но даже мне, как только увидел рану на спине репортера, под левой лопаткой, сразу стало ясно: Гаражник постарался! Прочел, все же таки, репортаж про встречу Наума со случайным свидетелем на мосточке у лесополосы. А раз так, то вполне возможно ожидать и нового ЧП. Теперь Гаражник, если это и на самом деле он постарался, за тем самым свидетелем охоту начнет.

И почти тут же, спускаясь по лестнице из хирургического отделения к машине, получил подтверждение своей версии.

Запел мобильник, и я на ходу ответил:

— У аппарата...

— Не отвлекайся по пустякам, Кравцов, — услышал я в трубке голос Храпа. — Мои мальчики журналиста не трогали. Имей это в виду. Хоть и с гнильцой он был репортеришкой, но нам вреда никакого не приносил, так что версии в моем направлении не строй, пустое...

— И откуда ты уже все знаешь, Сергей Геннадьевич? — спросил я, выслушав его совет. — И откуда мой телефон узнал? Вроде бы, ни в каких справочных он не значится...

— От верблюда, — лаконично ответил Храп. — А про телефон твой засекреченный... Ну, так это — не проблема, — коротко хохотнул он. — Сам, поди, уже догадался, откуда твой номер мне известен... Прав ты, капитан: не люблю я предателей, однако информацией их пользуюсь исправно. А куда денешься? Надо...

— Из нашей конторы стукачок?

— Ага, сейчас я тебе и имя его назову, и звание. Я же тебя не спрашиваю, Кравцов, кто из наших тебе настукивает? Знаю — не скажешь. Вот и я так же, уж прости... Да, Владимирович, разговор наш с тобой, что у меня на хате случился, остается в силяе. Что прознает моя братва про Гаражника, об этом ты тоже в курсе будешь. Не люблю, когда на моей территории подонки гадят.

— Тут мы с тобой в консенсусе, Сергей Геннадьевич, — ответил я и отключился.

А у подъезда дома Наумчика, где его жизни лишить пытались, суетился милиционерский люд. Да и не только милиционерский, кстати. Народу набежало в количестве очень даже изрядном! Коллеги Стаса из "Хроник" во главе с главным редактором бестолково суетились, наскакивая на Савельева за объяснениями. Разных бабок-дедок и молодых мамаш с детскими колясками — полный двор, как водится. Стайка любопытствующих старшеклассников, мужиков человек несколько. Все это беспо-

рядочное броуновское движение шелестело вполголоса, оттесненное бравыми сержантами, выстраивая свои версии случившегося.

А моим "орлам" было не до версий пока что. Они — работали. С лету с ходу и я в этот процесс включился.

Но сначала, отозвав в сторонку Савельева, доложил ему о визите в больницу и о разговоре с доктором. Потом и про содержательную беседу с Храпом.

— А у нас — сам видишь, — сказал Матвеич. — Начальство вот только что перед тобой, поглязев да народу показавшись, восвояси укатило. К вечеру, уж будь на все сто уверен, сурово с нас за все это безобразие спросят, стружку снимут и результаты потребуют. А про Гаражника ты прав, Никита. Вероятно, прав. Стало быть, замандражил парниша, почувствовал, что наследил где-то. Но вот — где? Разгадаем кроссворд этот — будем знать, как его выследить.

Однако сначала его еще разгадать надо было!

Опрос случайных свидетелей особых восторгов ни у меня, ни у Савельева не вызвал.

Мальчишка лет тринадцати, обнаруживший лежащего на первом этаже Стаса, успел заметить спину быстрым шагом выходящего из подъезда человека, однако подробно описать его не сумел. Потому что наклонился над Стасом, пытаясь разобрать, о чем это дядька с утреека пораньше стонет? А еще потому что заметить какие-то "особые приметы" из темного подъезда на фоне пылающего в лучах солнца проема двери — совершенно невозможно. Один силуэт увидишь, и ничего больше.

— Ну, здоровый такой мужик, в натуре, — млея от внимания Савельева, восторженно простонал пацан. — Вот как он примерно... — И ткнул в меня пальцем.

А во мне почти сто восемьдесят пять росту да вес — под те же восемьдесят пять. Если так, то и впрямь Гаражник не доходяга.

— А вот пенсионер с восьмого этажа, которого я опрашивал, — встрял Митяй, — утверждает, что из подъезда вышел кто-то низкорослый. В джинсе, и то ль в берете, то ли в кепке...

— Он что, прямо из окна смотрел? — насторожился подполковник. — И видел, куда мужик тот дальше двинул?

— Да он покурить на балкон вышел. Вижу, говорит, парень какой-то незнакомый из подъезда выскоцил. Чисто автоматически, уже затушив сигарету, отметил: к кому, интересно, с утра алкаши повадились?

— А он, что, тот, кто из подъезда вышел, на пьяного был чем-то похож? — вклинился я в переговоры с Митяем. — Что по этому поводу твой старик выложил?

— Да, говорит, показалось так: очень уж быстро парень от подъезда сиганул, заиняясь даже. Вот мужик и подумал: не иначе, как за водкой. Или за пивом. Но в одном он точно уверен — тот парень невысокого роста.

— С какого этажа, напомни, твой пенсионер табаком сорил?

— С восьмого, — повторил Митяй. И тут же сам догадался, без подсказки. — Только с такой высоты любой, даже капитан Кравцов, невысоким покажется...

Ничего толкового не добавили к уже нам известному две пенсионерки, возвращавшиеся домой из булочной. Парня, что спешил из их подъезда, они приметили, отметив про себя чужака, но описать толком не сумели. Припомнили только, что был он в джинсах и черном свитере. Да еще то, что пакет в одной руке нес, очень пестрый и легкий, потому как на ветру болтался. Описать же подробнее ни одна, ни вторая не сумели.

— Он был лысым, этот парень? — спросил их Савельев, и я понял, почему он это спросил. — И было ему лет, этак, под сорок или чуток с гаком?

— Нет, ну что вы, — почти одновременно воскликнули старушки. — Уж никак не сорок, поменьше, точно! А вот лысый ли, кудрявый — не скажем. На голове у него было что-то, кажется, шапочонка вязаная. Но мы особо и не приглядывались...

Полуянов, использав весь первый этаж, отыскал на полу несколько окурков и один кривой гвоздь неизвестного происхождения, которые к делу пришить едва ли удастся. Правда, обнаружил он еще и довольно четкий отпечаток ботинка, что уже было очень даже неплохо. То есть, не всего даже ботинка, а лишь его половины, но и то хлеб, потому как эти самые полботинка как раз у самого тела Наумова, размазав чуток кровь репортерскую, и отпечатались.

Это уже было что-то существенное и в нашем деле весьма полезное, а потому Полуянов сиял не совсем к месту и рыскал по подъезду дальше, исследуя самые дальние его закоулки.

Собака след поначалу взяла очень даже активно, аж зарычала от удовольствия, однако, дотащив своего хозяина до проезжей части улицы, беспомощно и обреченно закружилась на месте. А потом села, грустно понурив лохматую голову.

Оставив Полуянова принюхиваться к асфальту, где стоял, по всей видимости, автомобиль напавшего на Наума маньяка, мы двинули в управление. Строить версии да зализывать раны.

— Ну, и что мы имеем, господа офицеры? — Савельев сидел за моим столом и с наслаждением смолил свою же сигарету. — Очень мало. Имеем крайне противоречивые показания пенсионерок, старика с верхотуры да ребенка, которые меж собой никак не вяжутся. Имеем мужика: то ли лысого, то ли кудрявого, то ли высокого, то ли совсем наоборот, в кепке-шапочке-берете, да еще в джинсах, с пакетом. Но явно не сорокалетнего... Стало быть, не того, на которого Стасу его "свидетель" указывал, — подвел итог Савельев.

— А может, и не было вовсе никакого у Наума "свидетеля", — задумчиво проговорил Санек Корытов. — Ну, написал он для красного словца да для убедительности. За Стасом такое водилось...

— А может, был все-таки, — перебил его я.

— Так-так, — поддержал меня подполковник. — Давай, Кравцов, рисуй версию.

— Может, и был, — повторил я. — И именно потому так складно и правдоподобно плел Стасу, там, на мосточке у лесополосы, про того самого мужичка в башмаках на платформе и с залысинами, чтобы Наум, поверив, всем растрезвонил.

— Зачем? — недоуменно хмыкнул Митяй.

— Учись думать молча, стажер, — зыркнул на него Полуянов. — И не перебивай без разрешения старших.

— А затем, чтобы с толку нас сбить да по другому азимуту поиска послать, — закончил за меня Савельев.

— Но тогда наиболее вероятным киллером-самоучкой, который со Стасом решил поквитаться, как раз и должен быть этот самый "свидетель" с мосточка...

— Не должен, а может быть, — поправил меня Савельев, однако по его тону и довольному прищуром глаз было понятно, что он эту версию очень даже одобряет.

— Если предположить, что это так, — продолжал я, — то вполне можно предложить и другое. Например, что неизвестный, напавший на Стаса, как раз и является искомым маньяком, который, проколовшись на Науме, решил "исправиться", убрав Стаса — единственного человека, кто его видел в лицо.

— А вот тут мне что-то не совсем понятно, — поднял руку старлей Корытов. — Ежели тот, кто порезал Стаса, и есть его "свидетель" и одновременно — маньяк-на-

сильник, то какого черта прохаживался он у лесополосы, зачем на мосточек залазил? Специально, чтобы Стаса встретить?

— Вопрос, конечно, интересный, — отозвался Савельев, — но ответов на него может быть с десяток, если не больше. Точно скажет сам маньяк, когда вот в этом кабинете напротив нас сидеть будет. А мы пока лишь предполагаем. Может, например, пришел поглазеть, со стороны и незаметно, как менты поганые на карачках по лесополосе ползать будут? А заодно послушать, о чем народ сбежавшийся судачит, какие версии капитан Кравцов выстраивать станет.

— И тут его, совсем некстати, Стас и застал — нечаянно. И пристал: дайте, мил человек, свой комментарий к происходящему в городе беспределу. Что оставалось делать Наумову "свидетелю"? Наврать, но чтоб складно было, в три короба. Что он и сделал, надо признать — толково.

— Теперь так, — веско произнес Савельев. — Надо бы, мужики, постараться еще раз вспомнить все, что происходило сразу же после убийств девчонок. В тот ли день, на следующий... Кто показания давал, кто в числе зевак стоял...

— А кого искать-то? — недовольно буркнул Митяй. — Что не старого и не лысого — понятно...

— Я же тебе говорил: сначала думай, и только потом, спросив разрешение, перебивай старших, — перебил стажера Полуянов. — Кого-кого... "Молодой человек с грустными синими глазами на мужественном лице, в модном джинсовом костюме", — почти дословно повторил он описание "свидетеля" из "Хроник". — И с кейсом, как ты сам же в "Кармен" выяснил, и без наколок.

— Ага, и в кепке, а заодно также в берете и в шапочке, но с пакетом в руках, — не преминул огрызнувшись Митяй.

— Будем искать, — обреченно согласился Корытов.

— А еще больше — думать, — сердито взглянув на стажера, приказал Савельев. — Хорошо еще, что этот киллер не знает, что Наум жив остался, хотя и в коме. По крайней мере, на пару дней успокоится: убрал, мол, того, кто его описать может. Но все равно — не забывайте, господа офицеры и примкнувшие к ним стажеры: если маньяк намерен твердо придерживаться своего черного графика, то тогда через несколько дней он снова порешит кого-то. А уж этого нам допустить никак нельзя. Опередить его надо...

Опередить — это он хорошо сказал.

Вот только как?

Решать, как опередить, предстояло мне с Корытовым, Полуяновым и добровольцем Митяем. Потому как по "внутреннему" позвонила Алена из генеральской приемной и приказала Савельеву "прибыть незамедлительно". К кому — известно. А зачем — мы и сами догадались...

Выгнав Митяя в булочную за кофе и традиционными бараками, я полез в сейф и достал семь далеко не пухлых, но уже изрядно потрепанных папок. Каждому из нас — по две, а Митяю, учитывая его неопытную молодость, — одну оставшуюся.

На первой была приклеена бумажка, на ней моей же рукой начертано: Варвара Устинова. И — в скобках: комплекс гаражей.

На второй значилось: Марина Липатова. Заброшенный дом на окраине города. На третьей: Наташа Мамонтова. Коттедж в "Полянке".

На четвертой: Нина Пантелеева. Овощной магазин, подсобное помещение.

На пятой: Дарья Смолина. Городской центральный парк, склад аттракционов.

На шестой: Татьяна Тимакова. Подвал девятиэтажки.

И, наконец, на седьмой, на последней: Полина Черняева. Лесополоса...

Полистал папки. По четырем из них мы работали достаточно плотно, и фактов самых разных собрали поболее, чем по другим. Отложил эти папки в сторонку. Остались еще три...

— Ага! — услышал я восторженный вопль вернувшегося с бараками стажера. — Людям домой пора, а капитан пасьянс раскладывает. Не иначе, как сверхурочной работенкой спешит нас порадовать. Неужели и мне такое счастье обломится?

— Непременно, — успокоил его Полуянов. — Чай, не рыхий. Так что готовься.

Папки с "бумагами" я распределил так... Сане Корытову вручил дело, с которым он больше других маялся, — по Наташе Мамонтовой. Отцу-одиночке дал папку, на которой имя первой жертвы маньяка, Вари Устиновой, значилось. Митяю достался заброшенный дом и Марина Липатова.

Себе пока что оставил последнее дело — по Полине Черняевой.

— А остальные кому всучишь? — поинтересовался Полуянов.

— Вам и всучу, кому же еще? Завтра, прямо с утрецка, и получите. А пока что я их хотя бы глазами пробегу, вспомнить кое-что надобно...

— Значит что? — спросил Корытов. — Читаем самым тщательным образом, в случае непоняток задаем себе вопросы и сами же на них отвечаем. Так, капитан?

— Именно, — ответил я. — А в случае, когда сам на свой вопрос дать ответ не сумеешь, все вместе его обмозговываем.

— Цели ясны, задачи поставлены, — пробурчал Полуянов, углубляясь в бумаги. — За работу, товарищи!

В кабинете повисла редкая для него тишина.

А я подвинул к себе первую отложенную папку, ту самую, на которой значилось: Нина Пантелеева. Овощной магазин, подсобное помещение.

...Нас выдернули из кабинета прямо с утра. Потому что в восемь этот самый овощной магазин открылся, а уже минут через несколько оттуда нашему начальству и позвонили: младший продавец Ольга Терентьевна, зайдя в подсобное помещение за халатом, там же, практически на пороге, погрузилась в глубокий обморок. По причине того, что увидела.

А увидела она картину для восемнадцатилетней девицы страшную: ее давняя, со школы еще, подруга Нина Пантелеева, вся совершенно обнаженная и в страшных синяках, лежала на полу навзничь в луже застывшей уже давно крови.

Сунувшаяся в подсобку следом за Ольгой Терентьевной завмагазином Таисия Суровова, побледнев и охнув, в обморок, однако, не рухнула. А побежала в свой кабинет и трясущимися руками набрала известный всем номер — 02.

Вот мы и приехали.

Достаточно быстро установили, что Нина Пантелеева вчера уходила из магазина последней. И, видимо, уже на крылечке, когда она замки замыкала, ее наш Гаражник и прихватил. А дальше... То ли уговорил задержаться на минутку — капусточки, дескать, страсть как захотелось, или силой обратно в магазин заволок. Потом, скорее всего, вырубив сигнализацию, закрыл замки изнутри, затащил девчонку в подсобку...

Ну, а дальше я рассказывать не буду. И так все ясно!

"Теперь соберись, — приказал я себе. — Вспомни, много ли народу к магазину набежало. И были ли среди этого народу любопытствующего люди молодые, крупногабаритные, с мужественным лицом?"

Сколько ни пытался — не мог вспомнить. Очень уж большая толпа у овощного собралась! Словно на цирковое представление.

"Ладно, — сказал я себе, — отбой. Пускай это дело завтра, на свежую голову, Корытов глянет. Может, он что вспомнит?"

И я раскрыл папку номер пять.

Студентку местного педагогического Дашу Смолину мы отыскали, если честно, почти случайно. Через восемь дней после того, как она пропала. Подруги ее забеспокоились: вроде бы никуда не планировала уезжать Дашуля, тем более посреди семестра, а тут — день ее нет, второй, третий...

А на восьмой мы Дашу Смолину и нашли. Как я уже сказал — случайно.

Псы-дворняги, что в Центральном парке у склада, где летние качели-карусели зиму зимуют, себе лежбище облюбовали, лаем исходить начали, народ близживущий покоя напрочь лишив. А когда, отогнав псов, в карусельный склад представители отдела культуры мэрии сунулись, они и увидели.

Потом уж, понятное дело, и мы...

"Это дело завтра Полянову, пожалуй, всучу", — решил я, припомнив, что судмедэксперт получил новенькую фотокамеру и, наверняка, поснимал в парке по полной программе.

Последнюю отложенную папку, самую тоненькую, подвигать к себе, честно говоря, не хотелось. Потому что воспоминания о том дне, когда она была заведена, остались у меня самые тяжелые. Но пришлось.

Школьница Таня Тимакова, девятиклассница. Лицо которой мы сразу же, как в подвал проникли да ее увидели, прикрыли чьим-то платком. Потому что разбито оно было так, как и злейшему врагу не пожелаешь. Видимо, изо всех силенок сопротивлялась она убийце-насильнику, затачившему ее в темный и вонючий подвал свечи-девятиэтажки, да куда там!..

"Это дело себе оставлю, — подумал я. — Вот им с утра пораньше и займусь, пожалуй".

А память, включив сознание, высветила картину того дня: толпа собралась тогда у девятиэтажки, человек в двести, никак не меньше. Кто-то угрюмо молчал, кто-то шепотом матерился, а кто-то и кричал в голос, потрясая кулаками.

Припомнить кого-то из толпы конкретного — пустое, конечно, дело...

И все же я вспомнил, кажется! Может быть, именно потому что убийство Тани Тимаковой меня совершенно потрясло.

Он, привлекший мое внимание молодой мужчина, стоял в толпе молча и напряженно. Застигшие глаза, крепкие плечи. Джинсы, кепка, приспущенная на глаза, дипломат... А еще его взгляд запомнился, которым он окинул меня и тут же отвел в сторону, — острый, пытливый...

Бросил взгляд на часы: батюшки — восемь вечера! Ничего себе, засиделись.

А тут и Савельев в кабинет ввалился.

— По домам не собираетесь, гвардейцы? — спросил, закуривая. — Пора бы. Вы мне завтра живыми и бодрыми понадобитесь.

А сам сел за стол. И к папкам с делами потянулся.

Ну, что ж, раз начальство приказало, так тому и быть. Завершим этот нелегкий день и побредем по домам. Зализывай раны.

Однако, прежде, чем уйти зализывать раны, я позвонил в больницу, заведующему отделением. Петр Михайлович, доктор, отозвался почти сразу.

— Кравцов? Какой еще Кравцов? А, это ты, капитан... Ну, что, жив еще твой клиент. В отдельной палате и под охраной. Насколько я догадываюсь, по твоей милости репортера в личные хоромы упрятали? Ну, что ж, может быть, и верно сделали, вам виднее. Но порадовать особенно пока нечем: не приходил в сознание твой Наумов, и, полагаю, что долго еще он принять тебя для беседы не сможет. Уж извини...

На ужин я соорудил себе фирменную яичницу и позвонил Лене. Телефон отозвался долгими издавающимися гудками. Трубку никто не взял.

По телевизору опять показывали "Ментов". На экране, в похожем на наш кабинете, сстроив морду тупым топориком, кого-то активно и настырно "колол" Дукалис. Сидящий неподалеку Ларин улыбался осторожно и многозначительно.

По другой программе бесновались Киркоров и Распутина. Он — в ярком балахоне и с выпученными глазами, она — в узкой юбочке, в которую с трудом помещалось главное достояние популярной поп-дивы.

Мечущиеся по экрану Филя энд Маша меня интересовали еще меньше, чем Дукалис энд Ларин, поэтому я переключился на следующий канал и попал на какую-то оперу, что уж и вовсе показалось издевательством, и я выключил телевизор.

И снова позвонил по простому номеру — 24-14-14.

И снова нарвался на длинные гудки.

Тогда я заварил кофе.

А проклятые ментовские мысли тотчас же завернули в известное направление.

Итак, что же мы, собственно, имеем, и что из этого "имеем" можем занести в актив?

А ничего, по сути. Одни догадки, и то весьма условные и приблизительные. Как говорит Полуянов, из которых дело ни почем не сошьешь.

Имеем мы семь убийств с насилием и одно покушение. Имеем подозрение, что натворил все эти безобразия некто Гаражник. Правда, подозрения эти, зародившиеся почти случайно, но отнюдь не вдруг, за день сегодняшний окрепли весьма значительно и переросли почти в уверенность.

Стало быть, теперь надо вычислить этого самого Гаражника. А как его вычислить, если мы о нем практически ничего не знаем? Как вычислить, если даже портрет — и тот "срисовать" никак не удается: высокий (вероятно), синеглазый (скорее всего), очень сильный (это уж точно), говорит медленно, с паузами (но его только Наум и слышал). В остальном — сплошные прочерки. Ну, не станешь же объявлять поиск по приметам: кепка-шапочка-берет? А, вот кейс еще в руках. Или — пакет.

Есть, правда, отпечаток башмака, который Полуянов весь день исследовал, потея от усердия. Однако ж, чтобы по такой "улике" Гаражника взять, надо, чтобы он этим самым башмаком еще где-нибудь наследил, причем, желательно — прямо при нашем непосредственном присутствии след оставил. В скверике напротив управления, к примеру, а еще лучше — прямо в нашем же кабинете. Вот тогда...

А что тогда? Да опять ничего! Отбредется: только что у бомжа на рынке по слухам задешево ботиночки приобрел, а у кого — не помню. И — все. Ищи того бомжа хоть год, хоть столетие, доказывай, что Гаражник и есть тот самый дядька с шилом, что девчонок сначала насищает, а потом на тот свет безжалостно отправляет.

Вот если б его с шилом этим самым и прихватить!

Ну, капитан, разметчался...

Однако как-то на Гаражника выходить все равно надо. Знать бы только — как!

Можно было бы, конечно, использовать для задержания Гаражника "подсадных" блондинок. Тем более, что, судя по его "графику", скоро он на очередной свой промысел выйдет. Только — где ж найдешь их, столько добровольно отважных блондинистых девчат, чтобы на каждом перекрестке и в подворотне они, призываю улыбаясь, Гаражника дожидались? А ежели что не срастется в намеченных планах? Если вместо блистательного задержания с фейерверком и раздачей премий и благодарностей выйдет все не так, а боком? Если получится очередной труп в каком-нибудь подвале?

Бред все это. А посему никакой подобный "план" Савельев утверждать в качестве операции не станет, хоть и зачитывается о подобных "операциях" в своих романах. Да и я предлагать не стану.

...Но тут раздался — звонко и победно — долгожданный звонок, и я, поднимая трубку, уже точно знал, кто звонит. И не ошибся.

— Это мой капитан? — услышал я сквозь помехи.

— Здравствуй, солнышко, — сказал я в ответ. — Хотя "мой генерал" звучало бы лучше.

— Ты дослужишься — я дождусь, — многозначительно пообещало солнышко. — Я вовсе не против. А ты?

— А уж я как не против, ты и представить себе не можешь!

— Не могу, — согласилась Ленка.

— Хочешь, докажу? Хоть сейчас, — с готовностью предложил я.

— Ух-ж-жасно! — прожужжала она в трубку.

— Тогда — одевайся, бегом и сию же минуту, — приказал я. — Приглашаю вас отужинать, моя ля фам.

— Как романтично! — засмеялась она. — Мне, право, надо выбрать платье, пожалуй, в полчаса уложитьсь не сумею...

— А вот уж нет, — приказал я. — Ждать долго вас я не намерен, леди. Другие, знаете ли, поклонницы рвут на части.

— Это правда? — забеспокоилась Ленка.

— Совершенное вранье. Но даю тебе на сборы пять... нет, десять минут — это самый крайний срок. Дольше не вытерплю!

— И что же будет, если все же опоздаю?

— Умру, — серьезно признался я. — А посему бальные платья отменяются. Форма одежды — запоминай: джинсы, футболка, куртка, кроссовки — на ноги. Все!

— А если умру я? — огорчила меня Ленка.

— Это еще почему?

— Да потому что я и так уже в джинсах-футболке-куртке, и даже в кроссовках; я же только от Светки пришла, мы с ней к сочинению вместе готовились. Так что спуститься вниз, к подъезду, мне — полминуты. Выйду, а тебя нет. И умру от тоски.

— Я тебя спасу, — пообещал я.

— Поцелую? — хитро полюбопытствовало солнышко...

Перекусив в уютном кафе и налюбовавшись на мою юную красавицу, я отвел ее домой.

Потом вернулся в свою берлогу и долго не мог уснуть, хотя прекрасно представлял, каким нелегким ожидается завтрашний день.

Заснуть я не мог, потому что мучительно пытался вспомнить: что это так напрягло меня в какой-то момент в кафешке, где мы с Ленкой пили легкое белое вино и апельсиновый сок и поглощали мороженое?

Пожалуй, не сразу, как мы зашли в кафе и сели за столик в глубине зала. Пожалуй, позже... Но — когда же? И — почему?

Так, мы заказываем вино и сок.

На небольшую эстраду вываливается небольшой оркестрик, весь из себя в стиле ретро: рояль, контрабас, ударные, саксофон, гитара. Ребята лохматые и небритые, но играли хорошо, душевно и складно.

Мы вышли танцевать. Я обнимал Ленку и таял от счастья, словно мороженое, оставленное нами на столике.

Стоп!

Именно тогда, кажется, я и почувствовал — кожей, спиной, затылком — чей-то напряженный чужой взгляд. Но не обернулся.

А когда танец закончился, и мы вернулись за свой столик, когда я, наконец, осторожно оглядел зал, этот "кто-то" уже исчез.

Итак: он (вполне возможно, что Гаражник) срисовал меня достаточноочно прочно. Но если это действительно был Гаражник, то он знал меня уже давно, наверняка интересовался, кто идет по его следу.

Гораздо хуже, что он Ленку увидел...

— Если он меня вчера так дотошно высматривал, тогда, стало быть, он всех нас наверняка знает, — делился я в кабинете поутру со своими коллегами. — А вот мы до сих пор его так и не вычислили. И это плохо.

— Вычислим, — самонадеянно пробурчал Корытов. — Хуже то, Никита, что Гаражник даму твою теперь в лицо знает. И потому ты у тебя, старик, обнажен — думать будешь да опасаться, как бы чего не вышло. А, впрочем, может, это вовсе и не он тебя разглядывал? Мало ли: бывший ухажер твоей пассии, или кто еще...

Но я прекрасно видел, что он не верит и сам тому, что говорит.

Напившись чаю, мы углубились в изучение папок, которые и так, вроде бы, прохахали от корки до корки неоднократно, и все же надеялись в них что-нибудь ранее не замеченное выловить. А скорее, надеялись, что освеженная память какую-нибудь зацепку из дела выловит, что-то вспомнится, что в суматохе да гонке нашей ежедневной, бесконечной и выматывающей пустяком раньше казалось.

Все знали, что искать-вспоминать. Перелистывая дела, рисовать в своем воображении портрет — образ Гаражника, пропуская сквозь сито воспоминаний свидетелей происшествий, зевак, просто прохожих, кто случайно рядом с нашей группой оказался, когда мы все эти папочки заводили.

Уже через пару часов дружного сопения над бумагами и высыпанной пачки сигарет мы поняли, что так дело не пойдет. Никак не пойдет, если не придет в чью-то голову светлая, а желательно бы и свежая мысль. И хотя головы было три — моя, Корытова и Полуяновская (Митяй где-то шлялся, разгильдяй), а мысль требовалась всего-то одна на всех, посещать нас она почему-то не торопилась. Тем более — свежая.

И тут, прерывая глубокомысленную "цепь" моих тоскливых размышлений, запел мобильник.

— Корпиши на службе, Кравцов? — услышал я глуховатый голос Храпа. — Что-то часто мы с тобой стали разговоры разговаривать, капитан. Не хотелось бы, если честно, но приходится: дело у меня к тебе...

— А я знаю, что так бы, без дела, ты и не позвонил, Сергей Геннадьевич, — откликнулся я. — И на рюмку чая не пригласил бы, и на что-нибудь покрепче — тоже...

— Ага, размечтался. — Храп, похоже, был чем-то озабочен. — Сам такой, Кравцов!

— Это ты про то, Сергей Геннадьевич, что давненько я тебя к себе на чай не приглашал? Так заходи, хоть сию же минуту.

— Еще раз — размечтался, — хохотнул Храп. — Не дождешься! А уж к тебе, в казенные хоромы, — тем более. Все своего Гаражника вычисляешь?

— А ты звонишь, чтобы в очередной раз предостеречь меня, что это не твои хлопцы город на уши поставили? Так это я уже знаю, Сергей Геннадьевич, об этом ты мне уже докладывал...

— Не хами, капитан, не люблю! — Храп помолчал, будто ждал извинений. Но не дождался и продолжил: — А дело у меня к тебе такое, Кравцов. Тут ре-

бята мои на рынке мужичка одного прихватили, который из моей лавки кое-какой товар намеревался вынести да перепродать для своей бомжовской выгоды... Мои орлы хотели с ним по-свойски разобраться, да решили поначалу, что следует ему передо мной ответ держать. Ну, принял я его, там же, в лавке. Так себе, мужичок, ничего интересного: пиджачишко потертый, штаны с заплатами, три дня не евший, но зато с утра уже опохмелившийся. Ну, да ладно, не в этом дело.

— А в чем же, Сергей Геннадьевич? — напрягся я.

— Много чего любопытного мужичок этот рассказывает.

— Про то, как товар стянул да какую выгоду от него поиметь хотел?

— Ага! Именно по этому поводу я тебе и звоню, чтобы совета твоего спросить — что с ним дальше делать: Кувалде с Матросом отдать на воспитание или тебе вручить? Сам же знаешь, капитан, что звоню тебе не за этим.

— Так говори, Сергей Геннадьевич!

— Ладно, Кравцов, слушай. Не стал я мужичонку этого своим орлам отдавать на воспитание потому лишь, что брякнул он по неосторожности, что видел полгода назад, как кто-то совершенно ему не знакомый к гаражам тем памятным девицам молодую да блондинистую нежно, то ли шилом, то ли ножиком в бок покальвая, волок. Увидав такую картину, понятное дело, на подмогу девице не кинулся, а склонился поскорее, телом своим, можно сказать, товар уворованный прикрыл. А поскольку товар он прикрывал метрах в тридцати, то довольно подробно описал произошедшее. Стонов женских, говорит, не слышал, а вот хрюпы — да. И возню слышал, и то, как мужик тот потом ухнул, как филин. А еще видел, как через пару минут мужик тот выполз из проема гаражного, озираясь и пряча то ли шило, то ли нож, и убрался восвояси.

— А твой мужик чего? — спросил я, уже зная ответ.

— Он такой же твой, как и мой. А скоро и вовсе полностью твоим будет, — пообещал Храп. Однако на вопрос ответил: — А что — он? Поди, и сам уже догадался? К гаражам, к тому проему, конечно, ни ногой; не хватало, говорит, чтобы мои следы там остались. Товар под мышку и — ходу. Ну, а почему в ментовку не заявил, у него сам спросишь, хотя ответ и так ясен. Так что забирай у меня своего свидетеля, Кравцов. И поскорее, пока я не передумал.

— Спасибо, Сергей Геннадьевич. Я — твой должник...

— Ладно, сочтемся, — усмехнулся Храп. — Лишь бы на одной тропке нам с тобой не сойтись, тогда мы ее не поделим, а так — почему бы не займеть капитана в должники? Я — согласен, и даже очень... Так что — приезжай. Прямо ко мне. Только сам приезжай, без охраны, слышь, Кравцов! А то знаю я ваши шуточки.

— Обижаешь, Храп, — ответил я. — Один приеду, предупреди там своих — машину на повороте, у Кряки, оставлю, чтоб попусту не зарились.

— Обижаешь, начальник, — засмеялся в ответ Храп. — Да и кто из моих на твой "Жигуль" семилетний позарится!

На этом и расстались.

Мужичок оказался точно таким, каким описал его Храп: низкорослый, в драном пиджаке, надетом на пыльную футболку неопределенного цвета, в заплатанных широченных штанах. Серый лицом, с густым запахом вчерашнего портвейна и, о чем Храп умолчал, с приличных размеров фингалом под левым глазом. Видимо, Кувалда да Матрос все же немножко обидчику Храпова повоспитывали. Для порядка...

Держался мужичок смиро и обреченно. И даже поначалу сильно обрадовался тому обстоятельству, что из рук Храпа выскользнул, однако, узнав, куда "выскользнул", приуныл немного, но затем, почти тут же, освоился и на беседу согласился с явной готовностью.

Да, именно так, как описал Храп, все и было.

Увел Петр Комаров из магазина Храпа кое-какие вещички да решил на время "укрыть" в закоулочках гаражного комплекса. Почти бегом, торопясь да прикидывая, сколько он с этой удачи своей нечаянной бутылок с хорошей закуской употребит, дотопал до гаражей... А там "это самое" и увидел!

Повторив все, что мне и так было известно со слов Храпа, Петр Комаров попросил сигарету. Получив ее, выкурил жадно — до самого фильтра. А затем, воодушевляясь от того, что его внимательнейшим образом слушают сразу три мента, выдал такое, отчего я, честно говоря, едва не потерял дар речи...

— Еще бы одну сигаретку, — поклянчив Комаров для начала. А, прикурив, и выдал: — Вообще-то, гражданин начальник, я этого парня еще раз там же видел, на следующий день, когда вы к гаражам подошли, а потом начальство ваше высокое на машинах с мигалками подкатило. Мы же там все, местные "жители", при этом присутствовали, интересовались... Да и вы тоже наверняка его видели...

Санек Корытов застыл над листами бумаги. Полуянов, поперхнувшись дымом, согнулся крючком в кашле.

— Кого видели? Гаражника?

— Ну, не знаю, как уж вы его там величаете. Того самого, кто девицу — это... Ну, изнасилыничал и убил затем.

— Узнать его сможешь? Кто он? Как выглядит? — один за другим посыпались вопросы. А Полуянов, распрямившись, вскочил со стула и, не говоря ни слова, выбежал за дверь.

— Смогу, запросто, — ответил Петр Комаров. — Да и вы его должны вспомнить, гражданин начальник. Потому что там, кроме нас, постоянных обитателей гаражного комплекса, только несколько человек чужих было.

— Два школьника-разгильдяя, — припомнил я, — журналист и еще парочка молодых парней, мы подумали — дачники за машинами своими примчались да на нечаянный "цирк" засмотрелись...

— Ага! — с готовностью откликнулся Комаров. — Вот один из них и был вашим Гаражником. Я его как увидел, сразу морду отвернул. Знал, что заметить накануне он меня никак не мог, а все равно поостерегся.

— И что ж ты, гад, сразу нам там же все не сказал? — вскипал Саня Корытов.

— А так вот. Получилось... — ответил Петр.

— Кто из них? — Мы и не заметили, как в кабинет, держа пачку фотографий, вошел Полуянов. — Кто?

— Вот этот, — грязный палец нечаянного помощника указал на обладателя дипломата и модного "конского хвоста" на затылке. И я, не глядя на фотографию, вспомнил даже то, во что он был одет: кажется, в джинсы и кожаную куртку, небрежно наброшенную поверх черной водолазки. Вспомнил и то, как суетливо прятался он от объектива полуяновского аппарата, помогая какому-то дачнику укрыть рассаду то ли помидоров, то ли еще чего растительного в большой хозяйственной сумке. А потом оба исчезли, за что не снявший с них показания Корытов получил от меня втык...

— Точно — он? — спросил я на всякий случай, вглядываясь в фотографию.

— Абсолютно, — важно ответил Петр Комаров. И попросил очередную сигарету.

Отправив Комарова туда, где ему быть следовало, мы накинулись на другие пачки фотографий Полуянова. И практически на всех — где в фас, где в профиль, где в полный рост, а где нагнувшись, где в кепке, а где без оной, где в куртке, а где в свитере — заприметили этого человека.

— Вот это я снимал, — пояснял Полуянов, — когда мы нашли Марину Липатову.

На снимках был четко виден тот самый заброшенный дом на окраине города, сугробы снега, зеваки чуть поодаль милицейского оцепления, Савельев — сосредоточенный и сердитый, Митя... А вот и он, Гаражник. В дубленке. Делает вид, что прикуривает, или прикуривает на самом деле — старательно укрывает лицо в ладонях, но все равно видно, что — он. Тем более, что следующий снимок у Полуянова вышел получше да почетче, и руки в это время Гаражник уже опустил, определенно — он!

А Полуянов тем временем бросил на стол очередную пачку фотографий.

— Это мы у овощного магазина, а это — в парке. Это — у подвала девятыэтажки...

Всего только в одной стопке фотографий не было Гаражника, в той самой, когда наш эксперт снимал "округу" у дачного коттеджа. Но это и понятно: появиться у этого дома любому чужому человеку — себя засветить накрепко. Там вообще никого, кроме нашей группы, в тот день не было.

...А спустя час нам и вовсе крупно повезло. Мы получили четкий, прекрасно пропечатанный портрет нашего насилиника. Вспомнив, что всего пару дней назад у парадного нашего управления Наум устроил немногочисленный, но все же достаточно шумный пикет, который благополучно засняла, а затем и показала наша городская телестудия, я позвонил своему давнему приятелю Женьке Пряничникову. Пленку с этого самодеятельного митинга он привез сам, без долгих препирательств: надо — так надо. И уже скоро мы уткнулись в экран телевизора.

На экране, бегая с диктофоном от одной старушки к другой, суетился Наум. Камера бесстрастно зафиксировала его привычную скороговорку — все плохо, все плохо, все плохо — в адрес "бестолковой и беспомощной милиции", затем — крико и небрежно написанные лозунги, среди которых особенно выделялся тот, что на все времена: "Мы — не рабы!"

— Теперь смотрите внимательнее, — предупредил нас Пряник, которому я под его "честное пионерское" рассказал о нашей проблеме. — Сейчас пойдет panorama сострадающих...

Сострадающие, то есть те, кто непосредственно в митинге не участвовали, а пришли к парадному только ради спортивного интереса, в основном те же старики да старушки, глазели на происходящее во все глаза, однако от комментариев вежливо отказывались, стесняясь камеры и самого Женьки Пряника с его микрофоном. Кто просто отворачивался, кто пожимал плечами, а кто-то, заметив направленную на него камеру, и вовсе отходил в сторону.

— Вот он! — Санек Корытов сорвался со стула и едва не проткнул экран пальцем. Однако мы и сами уже видели, что на экране, уставившись напряженно на Стаса, застыл молодой, крепкий парень в джинсовке, с "конским хвостом" на голове. Наш Гаражник.

Затем, заметив наведенную на него камеру, он досадливо поморщился, отвернулся и — бочком, расталкивая старушек, почти бегом кинулся прочь.

— Сумеешь сделать хороший портрет? — спросил я Полуянова. — Только побыстрее, и чтоб фотографий побольше.

— Да нет проблем! — Эксперт по-хозяйски выключил видеодвойку, достал касету. — Через полчаса все получишь, начальник. Жди! — И исчез за дверью.

Поблагодарив Пряника за "бесценную помощь", а заодно пообещав всяческое содействие его "Криминальным вестям" в настоящем и будущем, мы с Корытом выпроводили его и снова заняли места за столами.

Итак, фотографии Гаражника у нас уже есть, об этом Полуянов позаботится. А что дальше?

Известно, что — искать надо.

Но не вывесишь же эту морду с хвостом на каждом углу, на известном всем горожанам стенде — вот именно его, дескать, разыскивает доблестная милиция?

Никак нельзя Гаражника на стенд вывешивать! Спугнуть можно.

Выкурив по очередной сигарете, мы с Саньком двинули к Полуянову и застали в кабинете эксперта Савельева со стажером.

Оба уже были в курсе последних наших событий: Полуянов не удержался, рассказал. Оба пожирали глазами фотографии Гаражника и злорадно улыбались. Наверное, предчувствовали, как добрые гончие, хорошую охоту. Ну, дай-то Бог...

Я ввалился в свою берлогу совершенно замотанный, разбитый и усталый. Чтобы хоть немного взбодриться, заварил и выхлебал четыре большие чашки крепчайшего кофе. К исходу последней в затылке и у висков просветлевало.

Просветлево настолько, что я сел в любимое кресло у окна, блаженно вытянул ноги и закурил.

Для полного счастья не хватало одного — звонка Ленке. Однако, помня о том, что завтра ей предстоит встреча с Александром Сергеевичем, который Пушкин, я старательно сдерживал себя — изо всех последних сил, чтобы не набрать ставший таким родным номер — 24-14-14. Еще вчера мы договорились: не звонить! Но как это, оказывается, трудно...

И тут, в самый разгар моих героических мучений, раздалась победная трель телефона.

— Мой капитан? — услышал я ее шепот. — Я больше не могу...

— Зубрить?

— Без тебя не могу, — чуть слышно произнесла Ленка. — Ни минутки больше, ни даже меньше.

— А как же уговор? — радостно воскликнула моя измученная душа. — И почему — шепотом?

— Родители в соседней комнате. Но я уже им сказала, что мне без воздуха — никак, и что я ухожу на полчасика дышать со Светкой.

— А я, стало быть, должен предстать перед тобой через десяток минут как раз в образе лучшей подруги Светки, — догадался я. — Тогда жди. На том же месте, в тот же час.

— Никак не получится на том же месте, — сокрушенно проговорила Ленка. — Родители могут увидеть и поймут, что я все вру...

— Тогда в кафе, — предложил я. — В том самом.

— Но только на полчасика, — согласилось мое сокровище. — Или, может быть, на часок. Мне бы только увидеть тебя...

— А мне — тебя, — с радостью признался я, натягивая рубаху. — До встречи!

... В кафе, запивая слабенько сухое вино крепким кофе по-турецки и любясь при этом своим юным сокровищем, я снова почувствовал чей-то напряженный взгляд.

Сначала только почувствовал, а когда понял, что за мной исподтишка, осторожно кто-то следит, закурил и, стараясь выглядеть как можно естественней, потянулся к Ленкиной косметичке.

— Что, губы решил подкрасить, Кравцов? — засмеялась она. Но тут же, заметив, видимо, напряженное выражение моего лица, осеклась. И продолжила, уже заговорщицким шепотом, заметив, что я взял ее миниатюрное зеркальце: — Что, за кем-то следить будем? Ой, как интересно...

— Смейся. Или разговаривай. О чём угодно. О пустяках. О Пушкине, например. Или о своей Светке, — приказал я. — Только не суетись, пожалуйста. И не оглядывай зал, замри! — едва не вскрикнул я, обводя зеркальцем кафе.

И я увидел его! Но не вскочил и не кинулся вслед. Потому что успел заметить, как парень в джинсах и кокетливым "конским" хвостом на голове торопливо вышел на улицу и сразу же заскочил в подошедший автобус.

Значит, следит. Что-то задумал, подонок!

... Позже я, незаметно оглядываясь по сторонам, проводил Ленку домой. Спросил, когда у нее экзамен, и попытался напроситься в провожатые. Она, конечно, не поняла: с чего это я воспыпал вдруг желанием довести ее до школы.

— Я бы совсем даже "за", но группа поддержки уже сформирована и утверждена — мама, папа...

— Они точно будут с тобой? — удивил я Ленку очередным вопросом. — Доведут до школы и будут ждать там?

— Ну, конечно же! Хотя мне было бы приятнее заявиться в школу с тобой. Чтоб девчонки увидели и ахнули, — размечталась Ленка.

А я, успокоившись, что "группа поддержки" обеспечена, взял с нее обещание — сразу же, как только вернется с экзамена, как только переступит порог дома, позвонить мне. Не мешкая ни секунды!

— И что, — расплылось в счастливой улыбке сокровище, — снова в кафе пойдем? Или к экзамену по математике готовиться будем?

— Все проще, — ошарашил я Ленку. — Заявлюсь к твоим родителям просить руки их дочери.

— Ой, хорошо-то как, — вздохнула она. — А я согласная! — И скрылась за дверью.

...Весь вечер меня не покидало предчувствие приближающейся "охоты".

Что ни говори, а гончим-сыщиком я был уже поопытнее и поудачливее, пожалуй, чем даже Савельев, который, как ни крути, в начальственных апартаментах несколько поутратил свой знаменитый прежде нюх. Но — не хватку, впрочем! Она осталась при нем, как у матерого, много повидавшего бультьера: прихватит — не вырвешься, даже не пытайся.

И почти как гончая, которая берет след, я этот след почувствовал.

Не взял еще, а вот именно — почувствовал. Пока что поверху, по воздуху, по колебанию напряжения, которое сгущалось вокруг меня все плотнее и плотнее и становилось уже почти осязаемым.

Поэтому пришла уверенность: скоро, совсем скоро я его возьму, этого Гаражника. Со всеми его тухлыми, вонючими потрохами. Живым или мертвым, но — возьму!

...Уже почти засыпая, я позвонил, Савельеву. Так уж у нас принято — ничего не скрывать.

Доложился: как да что. Про поход в кафе рассказал. Про Ленку чуток. А про Гаражника — подробнее, в красках и с выражениями.

Он выслушал.

Потом покряхтел.

Потом помолчал.

Потом сказал:

— Хреново!

— Поэтому и звоню, что хреново, — согласился я. — Что делать будем?

— А ты будто сам не знаешь, что делать, — рассердился отчего-то подполковник. — Брать будем! Не кисни, гусар! Прикроем мы твою ля фам. И тебя подстрахуем на всякий случай.

— И долго ты в одиночку страховать да прикрывать собираешься, интересно? — не удержался я. — Неделю, может быть, месяц? Силенок-то хватит?

— Не груби старшим по званию, не нарывайся на гнев начальственний, — пробурчал Матвеич. — Осерчаю — разжалую в сержанты. Лучше приказ слушай: сейчас спать, а утром, как только глаза проснутся, сразу ко мне. Кофе будет заварен. Потолкую, что да как...

— Ага, я — спать, а ты сейчас ребят будешь обзванивать, — догадался я, — общий сбор наутро трубить и всех кофием соблазнять?

— На то я и начальство, — обрезал Савельев. — Однако всех звать не стану, только Саньку. От Полуянова невелик толк, он в своем деле дока, а на задержание едва ли сгодится, разве что в качестве свидетеля. Ну, и Митяю пока что рановато в серьезные игры играть, пускай учится. Мы эксперта и стажера только в общих чертах с твоей проблемой познакомим. На всякий случай.

— А если?..

— А вот когда случится это твое "если", тогда и будем думать, — снова рассердился Матвеич. — Спи спокойно, дорогой товарищ, и пусть постель тебе будет пухом. Ты мне утром свеженьkim нужен! — И положил трубку. Но через полминуты перезвонил: — Когда, говоришь, у твоей девочки экзамен начинается? И в какой школе?

— Да с ней мама и папа будут, Матвеич. Вряд ли Гаражник решится...

— Решение принимаю я! И изволь отвечать четко и по существу: когда и где? Пришлось подчиниться.

Чтоб не разжаловал...

Пробнулся я рано, еще не было и семи.

Бежать, повинуясь грозному приказу, к Матвеичу в семь ноль-ноль было нелепо и даже смешно, поэтому я забрался в ванную и, поорав от души во весь голос, принял ледяной душ. Потом врубил музыкальный центр и исполнил свои законные разминочные пятьдесят отжиманий, а затем схватился за гантеля. Через сорок минут я был готов. К любым подвигам.

Как раз в тот момент, когда я направился в кухню, чтобы заварить кофе, раздался звонок.

— Готов? — услышал я бодрый голос Савельева.

— Как пионер, — ответил я.

— И даже, наверное, себя гирями с утра пораньше успел понасиловать? — как всегда угадал Матвеич.

— И даже умылся и почистил зубы, — радостно отрапортовал я. — А что, уже и нельзя?

— Ну-ну, — неопределенно пробурчал начальник. — Ты там развлекаешься, а мы все-двое уже в сборе.

— И даже Санек? — усомнился я, зная неистребимую детдомовскую привычку Корытова в воскресенье дрыхнуть до обеда.

— И даже он, — хмыкнул Матвеич. — Вот как раз кофий господину капитану, своему любимчику, тебе то есть, готовит и мой холодильник опустошает. Так что уж поспешите, мистер, а то к завтраку припоздаеете. Вам что подать-приготовить: заливную осетрину, котлету по-киевски или, может, ножки молодого по-росеночку жареного жалеает?

— Мне бы овсяночки, сэр, если позволите, — поддержал я его треп. — Да чтоб побольше!

— Будет тебе хлеб с сыром. Хлеб — черствый, — уточнил зачем-то Савельев. — Так что выдвигайся. И проверься, когда из подъезда выходить будешь, на всякий случай...

— Учите ученого, господин подполковник? — слегка обиделся я.

— Напоминаю некоторым чересчур грамотным и самоуверенным, — жестко ответил Матвеич, — чтоб голова целее была.

План был таков: уговорить, убедить, не раскрывая причин такого вынужденного затворничества, заставить, в конце концов, Ленку не выходить попусту из дома, а если и выходить, то только предупредив меня. Далее: по возможности каждый вечер — этот "пункт" плана мне понравился более всех остальных! — мы с ней проводим вместе. В кафе, в парке, в сквере, в моей берлоге, просто на улице...

В случае если я замечаю слежку, если увижу — хоть за сто метров, хоть за пять, хоть за километр — Гаражника, набираю на мобильнике номер Савельева и произношу единственную фразу: "Мы у памятника Пушкину (или у главпочтамта, или в парке у каруселей), но скоро придем". И все.

— Дальше, — рисовал план Матвеич, — уже не твоя забота, как и скоро ли мы рядом окажемся. Я с ребятами вм极其 свяжусь, да и еще, кого надобно, подключу. А твоя забота — старательно и талантливо изображать потерявшего голову влюбленного, осторожно, чтоб себя не выдать, присматривать за "клиентом". Но за ним не бросайся — не мне тебя учить, не теряй башку и не пытайся взять Гаражника непременно самостоятельно. Не геройствуй, лишнее. На таких геройствах многие, бывало, что и тебя покруче, "горели". А мне б не хотелось цветы на могилу друга таскать...

— Не дождешься! — упокоил я Матвеича. А потом задал совершенно глупый вопрос: — А если он не засветится больше?

— Появится — засветится, — потер кулаком подбородок Матвеич, — печенкой чувствую, что появится. Сам же знаешь: не успокоится наш Гаражник, пока не попытается проблему свою раз и навсегда разрешить: тебя, а заодно, не дай Господь, Ленку твою устранить. Вы его видели, и он это знает! С катушек сошел клиент, неужели тебе это не понятно? Не зря же он паникует и мечется. Наума вот хотел на тот свет оформить, порезал. Раньше только дамы его интересовали, а теперь, когда он понял, что нам многое известно, что мы след взяли, этот подонок решил, похоже, со всеми подряд "разбираться". И начнет он с тебя, Никита.

Мы обо всем подробно поговорили, и я побрел домой. А Савельев с Санькой — в управление. Готовиться...

Вечером, с радостью и надеждой исполняя задумку Матвеича, я повел Ленку в кафе.

Правда, предварительно пришлось выслушать суровые наставления подполковника, затолкать в наплечную кобуру "маузер", а по этой причине обла-

читься в ненавистный пиджак, почистить башмаки, причесаться и по пути к Лен-кину подъезду купить букет цветов.

Сокровище выскочило из подъезда сразу же, как только я набрал ее номер, довольно и загадочно улыбаясь.

Причину этой хит्रющей физиономии я просчитал сразу же — стоило только проследить, куда, исподтишка вроде, задрала взгляд Ленка: из окна ее квартиры на нас смотрели родители...

Я совершенно по-дурачки согнулся в "галантном" поклоне, передавая им горячий привет и наилучшие пожелания, а затем, демонстративно приобняв Ленку, увлек ее подальше от заинтересованных зрителей.

...То, что в кафе его нет, я понял сразу: Санек Корытов, "совершенно случайно" встретивший меня при подходе к "Кармен", едва заметно покачал головой.

"Ну, и ладушки, — даже с некоторым облегчением подумал я. — Значит, не сегодня. Не судьба".

...В "Кармен" мы просидели не полчасика и даже не час, как предупреждала меня Лена, а почти до закрытия его на ночную "пересменку". Я выпил несколько чашек своего любимого кофе и даже позволил себе пригубить бокал сухого вина, Ленка успела рассказать почти про всю свою жизнь, и про то также, как удачно, должно быть, она написала сегодня сочинение; в кафе несколько раз осторожно заглядывал Терентий (капитан Терентьев из другого, "параллельного", отдела, которого Савельев посвятил в нашу "забаву", и которого Гаражник знать не мог никак, потому что Терентий только что вернулся из длительной командировки в Чечню). Увидев "параллельного" капитана, я выходил в "предбанник" на перекур, мы с Терентием перебрасывались парой фраз, и я возвращался к Ленке.

— Мы что, на задании? — почти догадалась она. — А я-то смотрю — ты какой-то сегодня не такой...

В кафе было хорошо, тепло и уютно. Но пора было уходить — не случилось! И мы пошли.

...Мы уже подходили к дому, когда впереди, из арки, появился "жигуленок" темно-зеленого цвета, совсем, как мой, который одолжил на сегодняшний день Сашка Корытов.

Я поднял вверх правую руку: все нормально, дескать, мы идем, отбой операции!

И вдруг понял, что машина — не моя. Понял по звуку мотора, а также по тому, что водитель "жигуленка" в ответ на мой жест только прибавил газу и... двинул прямо на нас с Ленкой.

Оттолкнув ее влево, к мусорным бакам, я, вырывая из кобуры пистолет, кинулся в противоположную сторону.

Обдав жаром, "жигуль" пронесся в нескольких сантиметрах от меня и — замер, как вкопанный.

Развернувшись, я рванул на себя дверцу водителя. Заблокированная изнутри, она не поддалась. Тогда я ударил рукояткой пистолета в боковое стекло.

И — опоздал!

Гаражник — я узнал его мгновенно — вывалился из салона автомобиля со стороны пассажира и кинулся к Ленке. В правой его руке холодно блеснуло узкое, тонкое лезвие...

Стрелять нельзя: было темно, мог промахнуться. Или задеть Ленку.

И тут из-за мусорных ящиков выскочил... Полуянов. Оттолкнув Ленку в сторону, Федорыч двинулся навстречу Гаражнику.

— Отойди, эксперт, не лезь! — заорал я. — Бегите оба!

Но Полуянов не послушался. А, может, не слышал...

Расставив руки, он, толстый и неуклюжий, медленно приближался к Гаражнику, стараясь оттеснить его от Ленки.

А Гаражник и не думал отступать. Взмахнув ножом, он сделал резкий выпад в сторону Полуянова, и я сразу понял, что сейчас эксперту придется очень и очень худо.

И тогда я выстрелил. В воздух. А потом — еще, и еще раз.

Гаражник оглянулся, дико, по-звериному, заорал и, отпрыгнув от Полуянова, кинулся к застывшей в трех шагах Ленке, занеся над ней ноги.

— А-а-а! — орал он. — Не подходи, мент! Не подходи! Убью, мне терять нечего. Все равно вы меня достанете... Убью! Всех убью, гады!

Я выстрелил еще раз — на поражение. И сразу понял, что попал.

Сначала он застыл на месте, а рука, державшая орудие убийства, безвольно повисла плетью, и из нее, зазвенев по асфальту, выпал нож. Он стоял, не шевелясь, только воя — тонко, как наказанная собака, — еще несколько мгновений. Потом, переломившись, стал медленно оседать на землю.

С аккуратной дыркой во лбу.

... Запыхавшись и матерясь, подбежал Савельев со стволом наизготовку.

Окинув одним взглядом "поле битвы", вздохнул и только спросил:

— Все живы? — Потом повернулся к Ленке: — Извините, ради Бога, мадам, если что не так. — И перевел разгневанное лицо на Полуянова: — Ну, ты-то куда выскоцил, Рэмбо недоделанный! Физкультурой для начала займись, самбист хренов. Я тебе что говорил. Выскакиваешь только в крайнем случае...

— Так случай же и был...

— Какой?

— Он самый. Крайний.

— Вот теперь Кравцова коньяком пои, а то ты чуть детей своих полными сиротами не оставил!

— Прямо сейчас? — невозмутимо произнес эксперт и потянулся к своему портфелю. Достал бутылку, правда, водки "Smirnoff". — Так я всегда готов. Особенно за такое дело.

А потом подошел Митяй. Уставился на меня, и — на Ленку.

Тут появились здоровяки из особой группы захвата нашего ОМОНа и — с мигалками — генерал Татаринцев со свитой.

А я, никого не замечая, подошел к Ленке и обнял ее, прижав к своей груди.

Никто ничего не понял. Только подполковник, мой проницательный друг и начальник, обо всем догадался.

Он подошел ко мне, наклонился и сказал вполголоса, чтобы другие не услышали:

— Сотри улыбку, супермен. Глупая она у тебя очень. Хотя и счастливая до нельзя.

И еще кое-что сказал, про меня и про Ленку. Но это уж совсем личное, что не всем знать обязательно...

...Бутылку водки, которую приготовил хитрец Полуянов, мы все же выпили. Почти сразу же — у меня дома.

А за что пили, вы уже и сами, поди, догадались.

12 причин роста рогов у мужчин

Ну вот, думаете вы, сейчас очередная дамочка с претензией на интеллект начнет учить нас, бедных, как стать счастливыми.

А вот и нет. Сами все прекрасно знаете. Умеете знакомиться с девушками, говорить комплименты и назначать свидания. Скажем, познакомились с одной. Красавица, умница, влюблена в вас по уши. Вы — тоже. Мысль, что это — судьба, все чаще посещает ваш трепещущий от счастья разум, сердце переполнено пением птиц, мир прекрасен, и бушующий поток любви увлекает в волшебную страну.

Отношения становятся с каждым днем все прочнее и стабильнее. Кажется, что теперь, когда вас столько связывает, уже ничто не может встать между вами.

Вы вместе. Все хорошо. Вы расслабились...

И совершенно напрасно. Неумолимая статистика показывает, что только в крупных городах четверть замужних

женщин имеют любовников. Точнее, скажем так, лишь четверть в этом призналась на анонимных опросах. И это только замужние. А сколько их в так называемых гражданских браках и просто в устойчивых парах?..

Нет, на самом деле мы хорошие. И ни за что не посмотрели бы "налево", если бы не вы, дорогие мужчины.

1. Вы о ней забываете

На самом деле вы, конечно, помните о ее существовании. Но не более. Проходит первый, самый романтический, самый волнующий этап отношений, и вместе с ним плавно уменьшается ваша сосредоточенность на женщинах, о которой еще вчера думали днем и ночью. Но свет на ней клином не сошелся. Есть ведь и работа, друзья, хобби, и, наконец, телевизор!

Поверьте — она это чувствует. Вы любите ее, но не испытываете былого трепета, не смотрите на нее восхищенно-обожающим взглядом, не говорите

комплиментов и не дарите цветов. Быть может, ваши чувства к ней сейчас глубже и прочнее, чем в самом начале, но ей кажется — любовь прошла. Вы остались.

Такова женская натура, ничего тут не поделаешь. А нужно ведь так немного: всего лишь почаше вспоминать...

Иначе в один прекрасный день кто-то другой подарит ей то, в чем она нуждается.

2. Вы ее не стесняетесь

Вчера, перед тем, как бежать на свидание, вы принимали душ, тщательно брились, пользовались дорогим одеколоном, надевали чистую рубашку, мучились с галстуком, в общем, старались "выглядеть".

А сегодня сидите в стоптанных тапках и затрапезных трениках с вытянутыми коленками и смотрите телевизор, ухитряясь одновременно стричь ногти. А она смотрит на вас. И зря вы думаете, что смотрит с немым обожанием.

В душе каждой женщины живет прекрасный принц. И вряд ли он в ее мыслях ходит небритым, лениво почесывая голое пузо. И вы, такой вот естественный, близкий к природе, уже не ассоциируетесь у нее теперь с этим принцем.

Конечно, нужно хотя бы дома чувствовать себя раскованно, иначе это не жизнь. И она должна любить вас таким, какой вы есть. Она и любит. Но уже не восхищается и не боготворит, как раньше. А боготворить кого-то хочется. Готова послорить — это будете не вы.

3. Вы невнимательны

Подумаешь, ерунда какая — не заметил, что у нее новая прическа. Не взял тяжелую, набитую продуктами сумку. Не подал руку на выходе из автобуса. Не позвонил, что задержится. Не спросил, как настроение.

Это же мелочи! Что же она сразу на дулась, и глаза как-то подозрительно засияли. А вы еще и не извинились. Раз, другой, третий... Ко всему люди привыкают, привыкнет и она, но однажды всего лишь несколько слов, невинный комплимент, поданное пальто, заботливый взгляд, например, коллеги по работе — и вы, уважаемый, попадаете в группу риска.

4. Вы самоуверенны

Вам кажется, что вы настолько неотразимы как мужчина, что изменить вам просто невозможно. Хорошо, если любимая думает так же. Да только чаще бывает наоборот. Чем больше вы уверены в своей уникальности, тем боль-

ше вероятность того, что в душе у нее начнет расти чувство противоречия. "Как это так? Он думает, что я не заслуживаю ничего лучше? Ну, посмотрим..."

5. Вы слишком трезвы

И куда вся романтика делась? Она восхищается закатом, а вы спрашиваете у нее, что будет на ужин. Она обнимает вас и говорит что-то ласковое, а вы в ответ рассказываете анекдот, да еще и сальный. Она хочет пойти в театр, а вы тащите ее на авторынок за запчастями для "жигуля". Она думает о вас, а вы — о работе. И так далее.

Так что даже неплохо, что вы не читаете мысли. Потому что, можетаться, она давно уже думает о другом мужчине.

6. Вы не считаетесь с ней

Можете ли представить всю глубину ее обиды, когда вам захотелось постельных утех в тот день, когда она устала на работе, ей нездоровится и вообще все плохо? Такой ли уж редкий случай: муж весь выходной провел с друзьями, пришел слегка навеселе, а жена с утра сделала генеральную уборку в квартире, приготовила обед на несколько дней и сидит еле живая. Ее бы пожалеть, похвалить, а он явился, дыша перегаром, и хочет любви, поскольку он муж и имеет право. Запомните одну простую вещь: никто вам ничего не должен, особенно в постели. Но если бы дело было только в этом!

Она терпеть не может вашего лучшего друга, вашу маму или вашего ребенка от первого брака. Или даже вашу собаку. Вполне возможно, что она не говорит об этом открыто, но не слепой же вы, в конце концов! Так почему вы, несмотря на ее, пусть даже молчаливые, протесты, все-таки приглашаете десятый раз в месяц маму в гости, проводите очередное воскресенье у друга, берете на все каникулы ребенка и не

запрещаете собаке спать в вашей постели?

Упаси Боже, я не против мам, друзей или собак. Но человеку, который тебе небезразличен, стоило бы немного уступать. Не мучить его сверх необходимости. Разве это сложно?

7. Вы заставляете ее ревновать

Наверное, вам кажется, что разумная доля ревности лишь приятно волнует кровь и оживляет отношения? Ведь на самом деле вы никуда не денетесь. Но как приятно иногда бывает видеть свою вторую половину взъянованной из-за того, что вы на ее глазах чуть-чуть заигрываете с симпатичной соседкой. А некоторые наши мужчины пошли еще дальше: будучи верными до мозга костей, нарочно нагоняют вокруг себя побольше таинственности, без всяких причин задерживаются на работе, звонят из ванной по загадочным телефонным номерам, сами себе покупают открытки с сердечками, в общем, впадают в детство.

А женщина, для полного счастья, должна быть в первую очередь уверена в своем будущем. Но какая тут уверенность, если спутник жизни, скорее всего, ходит налево? Вот и начинает дама думать о "запасном аэродроме" на случай, если законный супруг вдруг выберет из двух зол не ее...

8. Вы сами слишком ревнивы

Ясное дело, даже думать о том, что кто-то посягнул на вашу собственность — ужасно и непереносимо. Но совершенно не обязательно сообщать ей о своих подозрениях, а уж тем более каждый день, да еще и расписывая это с подробностями. Во-первых, ваша жена (подруга) может "загулять" уже просто потому, что в ее порядочность все равно не верят, так что уже теперь терять. А во-вторых, у женщин богатое воображение. Если все время рассказывать, как именно

она вам изменяет, рано или поздно ей захочется попробовать все это самой.

9. Вы думаете, что знаете о ней все

Здесь опять же чувство противоречия. Женщине во все времена хотелось быть загадочной, до конца не понятой, и если кто-то начинает каждый день твердить, что "знает ее как облупленную" и может предсказать любой ее поступок, она обязательно захочет завести себе маленькую, но очень приятную тайну. А как проще всего это сделать? Правильно, украсить вашу голову рогами. Самый простой способ.

10. Ей с вами скучно

Зануда-муж — это ужасно. С ним все проходит по заранее установленному сценарию. Ничего нового, даже анекдоты рассказывают одни и те же. Весь лексикон — замечания да нудный пересказ служебных дел, а то и вовсе молчание в ответ даже на прямые вопросы. Женщину с каждым днем все сильнее тянет зевать, потом закрадываются мысли о бездарно проходящей молодости, а там уж и до измени недалеко.

11. Вы стали существами с разных планет

Если в медовый месяц она ходила с вами на хоккей, это еще вовсе не значит, что хоккей ей интересен. Скорее всего, этот хоккей вам потом дорого обойдется. Просто в то время она хотела сделать вам приятное. Но со временем разность интересов неизбежно становится все более заметной.

Начинали одинаково: после института оба инженеры. А сегодня, через десять лет, она — глава процветающего частного предприятия, а вы... на том же предприятии простой экспедитор, инженер все в том же НИИ, да кто угодно, но уже человек не ее круга. Ей куда чаще интереснее теперь общаться с такими же, как она, директорами фирм и обсуждать близкие их кругу проблемы,

в которых вы попросту ничего не понимаете. И, когда она встречается с ними, вас на эти встречи зовут все реже и реже.

Что вас теперь связывает? Дети, если они есть, общая квартира, штамп в паспорте? Маловато.

12. У нее любовь

Вот тут вы ничего не можете сделать. Если это действительно любовь, то никакие жесткие меры не помогут. Остается только вздохнуть, мирно проводить свою вторую половину в новую жизнь и постараться наладить без нее жизнь собственную.

Потому что однажды поймете, что встретили ту единственную, без которой ваше существование немыслимо, о которой думаете днем и ночью и с которой хотели бы умереть в один день...

Но я, кажется, уже повторяюсь. ■

иллюстрация М. С. Юрнина

Жди меня

Фамилия у него была самая что ни на есть смиренная и неброская — Смирнов — каких по России тысячи, Ивановых, Смирновых, Сидоровых. Но шёл он военной дорогой, и почва бархатной пылью, как войлоком, обволакивала его сапоги. Дорога тянулась по одной из улиц города Грозного, где по сторонам стояли скелеты разрушенных домов, вздымающих в блёклое, бесцветное небо мёртвые железные руки разрушенных балок. Опавшие глазницы зданий смотрели в мир пусто и безнадёжно. Всё окружающее имело вид скорбный, унылый и тревожный.

Народу в сей ранний час почти не было. Те, кто нечаянно появлялись среди павших строений, словно неведомые призраки, тут же исчезали в нагромождениях руин, и снова воцарялась истощенная, звенящая в ушах, чуткая тишина. На стене одного из домов, возле которого худая, как воздух, белая собака что-то своё откапывала лапой, негромко хрюстя обломками, белой краской размашисто было напалёвано: «Иван берегись! Посчады не будет. Рустам!»

— Сам берегись, — посоветовал в никуда Андрей Смирнов, чувствуя в душе боль от разрушенных жилищ в Москве, Буйнакске, Волгодонске и саднящую тоску по погибшим боевым товарищам. Особенно запало в сердце видение найденного на окраине города молодого солдатика, висевшего на древесном суку на собственных кишках. Потом были отрезанные головы, и к этому привыкнуть, казалось, невозможно. Как невозможно привыкнуть к суровым, напряжённым лицам перед видом смерти и холостым мужским слезам тех, у кого сдали нервы.

Андрей Смирнов был крепким, тренированным парнем с жесткими, резными чертами скул, но чего стоили его деревянные мышцы и твердое сердце перед одним выстрелом снайпера, перед одной пулей между глаз, которая вдруг оказывалась твоей навеки обор-

вавшейся судьбой. Так обнажаются мгновенно мириады пространств, куда бессовсем уносится душа и мир, красочный мир со всеми его необыкновенными чертами, восхитительными свойствами и пределами навсегда остаётся без тебя. Запах цветов и трав, шум ветра, нежный шорох дождя, ласка речной воды, долгожданые объятия матери, поцелуй любимой и счастье держать на руках ребёнка в один миг могли оказаться за чертой досягаемости. Месть рождала месть. Тут уступок не было. Верно ли это с точки зрения морали? Христианской морали? Солдаты не размышляли. Они, соответственно присяге, выполняли свою опасную военную работу по сохранению единого государства без воров, убийц и торговцев людьми. Русские воевали отчаянно и яростно, но голов в отместку не отрезали. Это противно и дико было характеру российского воина.

Смирнов шёл неспешными шагами с автоматом наперевес по серой замшевой дороге в группе прикрытия: двое сапёров осторожно двигались впереди, медленно водя по сторонам миноискателями. Их неповоротливые, сомнамбулические фигуры напоминали слепых с нелепыми металлическими палками. Трое прикрывавших, среди них и Андрей, словно плыли чутко и настороженно, в дрожащем, жарком мареве позади. А за ними, примерно в полукилометре, готовилась пройти безопасной дорогой боевая автоколонна. И, может быть, она уже тихо тронулась следом. Андрей понимал, что "прикрытие", не говоря о саперах, — это так, одно название маленького отряда бойцов, перещелкать которых при их медлительном движении врагу ничего не стоило из мертвых глазниц разрушенных, побитых осколочной оспой домов. Однако без их работы, без работы саперов, колонна не могла двигаться дальше, и поэтому солдаты бдительно выполняли ее, несмотря на жгучий холодок где-то под сердцем; потому что каждый следующий шаг мог стать последним. Под прицелами снайперов не спасали ни каски, ни бронежилеты.

Работали молча. Разговоры были излишними. Минеры, сосредоточившись, не отвлекались. "Прикрытие" зорко наблюдало за пространством вокруг, готовое мгновенно среагировать на малейшую опасность.

К зудящему холодку внутри тела Андрей Смирнов несколько привык, и руки держали оружие крепко, зло и без противной дрожи, какая бывала иной раз в напряженные моменты. Донимала жара. Чужая, беспощадная, истительная.

Стоял май, но здесь, в Грозном, солнце висело над обмороенной землей раскаленным белым шаром и, казалось, готово было жадно жечь все подряд: людей, скотину, поникшую зелень. Стрелка термометра подлетала к сороке.

Андрей смотрел на пыльно-серые, накаленные солнцем трупы домов с глубокими кирзовыми ранами, но жалости к ним не испытывал. В любом черном, потухшем окне мог притаяться враг. Превозмогая горячую муть в глазах и ручьи пота, лившиеся из-под каски, Смирнов острым зрением проникал в каждую пробоину, в каждый темный проем. Но кругом стояла мертвая, зловещая тишина. Инвалидные жилища отбрасывали в округу неподвижные лиловые тени. Склонившись к дороге неживой головой, торчал с переломленным хребтом уличный фонарь и тоже чертил по пыли отражение своего худого тела.

Смирнов шел медленным шагом вслед за саперами — Васей Зайцевым и Сережей Соловьевым — и, озирая опустевшие, бездушные здания, все думал о том, где тут, в Грозном, могла жить его Катенька. Где-то здесь был их дом, там жили мать с отцом и брат. Семья Изюмских, русских польского происхождения. Отец был архитектором и, надо думать, уважаемым в городе человеком. Дочь, Катя, окончила Строгановское училище в Москве и работала экскурсоводом в Пушкинском музее. Там они и познакомились.

Тогда тоже был май. Чудесный московский май. Зелень буйно обнесла молодой лаковой листвой всю столицу и особенно Подмосковье, где чуть ли не в каждом дворе в белом обмороке счастья цвела черемуха, красным огнем полыхали тюльпаны и, обмирая от любви, заливались по ночам соловьи. По всей округе свежей краской пахли заборы.

Андрей закончил военное училище, и уже служил в одной из московских частей. Он с гордостью чувствовал себя офицером, поскольку и дед, и отец тоже носили мундиры и ордена русской армии.

Любя живопись (сам немного рисовал), по случаю забрел в Пушкинский музей. Он любил окунаться в прохладную отчужденность Древнего Египта, принимать спартанский норов Греции, любил вечное таинство и печаль Рембрандта, нежность Родена и буйство красок импрессионистов. Во всем этом было что-то фантастически недосягаемое, непостижимое, пред чем не только хотелось снять шляпу, но и застыть в долгом благодарном поклоне.

Она вела группу экскурсий. Тонкая, грациозная, похожая лицом на мадонну Боттичелли.

"Вышла младая с перстами пурпурными Эос..." — вспомнил Андрей и пристроился к разношерстной толпе экскурсантов.

У проводницы был теплый велюровый голос и непослушная прядь русо-золотых волос, которую она постоянно убирала стремительным движением хрупкой, прозрачной руки, серебристо светящейся в конусах солнечного воздуха.

Стоя среди картин в окружении праздных слушателей, провожатая сама была словно продолжением чьего-то незаконченного полотна. Андрей не мог оторвать от нее глаз. То, что она сообщала непросвещенным и дилетантам, молодому офицеру было хорошо известно из учебников и книг по живописи, но он покорно шел, очарованный, среди толпы, не зная, чем это очарование кончится.

Андрей был выше среднего роста, и ему хотелось попасться художественной проводнице на глаза, поэтому, осторожно протиснувшись, он подобрался к ней совсем близко. Теперь Андрей, хочешь, не хочешь, полностью попадал в поле ее зрения, и Боттичелевская мадонна несколько раз окинула его ласковым, любопытным взглядом.

...Неожиданно на одном из этажей соседней развалины с каменным хрустом обвалился кирпич. Все пятеро мгновенно замерли, напряженно ожидая неведомо чего. Так они стояли, палимые чуждым солнцем, и их оружие, направленное в черные провалы окон, тихо и незаметно вздрогивало от участившихся ударов сердца.

— Я слетаю, проверю, — сказал Андрею как командиру группы один из прикрывавших — Женя Блинов.

— Давай. Только осторожно, — согласился Смирнов.

— Понятное дело. Не на танцы пришли, — откликнулся Блинов и, спрыгнув с дороги, нагнувшись, понесся к зданию.

В следующую секунду квадратная дыра третьего этажа озарила краткой вспышкой, и один из саперов, Вася Зайцев, в длинном прыжке скатился с обочины. Андрей облил руины тяжелой очередью, выбив пыль из мертвой стены, и, совершив профессиональный кувырок, тоже улетел в край дороги. Теперь все трое автоматчиков, не жалея патронов, били по вражескому укрытию. Тем более, нужно было обезопасить уже ворвавшегося в дом Женю Блинова.

В момент малой передышки Андрейглянулся на сапера Зайцева. На каске его, скобу, виднелась рваная вмятина и по виску осторожно сползала струйка крови. Но сам Василий был цел и азартно воевал, налегая на автомат: нужно было помочь огнем канувшему в развалинах товарищу.

— Не ранен?! — крикнул Андрей.

— Не-а. Меня пуля пятый раз целует. И все не взасос.

Через некоторое время откуда-то с другой стороны руин, как приведение, утнувшее в лиловой тени дома, с поднятыми руками появился Женя Блинов. Он шел усталой походкой рабочего, отстоявшего смену у станка. На груди маятником болтался автомат. В руке Блинов нес снайперскую винтовку. Стрельбу прекратили.

— Баба, — уведомил Женя и указал на винтовку. — Лет двадцать, дуре. Вышла на войну, мать ее...

Рукав Жени густо набухал кровью.

— Нужно перевязаться, ребята. Маленько зацепила. Идиотка.

— Вот курва, — сказал сапер Зайцев, снимая каску и вытирая уже запекшуюся струйку со щеки. — А мне, ты видишь, обмундирование испортила, зараза, — добавил он, трогая коричневым от табака пальцем вмятину на каске. — Нужно будет молоточком постучать. А то царапается, сволочь. И кровь от этого по морде течет.

... Она случайно обронила платок. Розовый, надушенный платок с красной кружевной каймой. Он легкой бабочкой порхнул в прохладном воздухе зала и тихонько опустился на пол. Андрей в одно мгновение, в одну секунду поднял его, успев ощутить тонкий аромат, и, улыбнувшись, подал провожатой. Неожиданно для себя представился — Андрей. Она благодарно приняла оброненную вещь и тоже улыбнулась в ответ — Катенька. И улыбнулись ее глаза, глубокие, цвета серого агата, с яркими зелеными искрами. Эти глаза казались повитыми некой туманной поволокой и в то же время опущенными легкой золотой пылью. От ее взгляда Андрей почувствовал, ясно ощущил горячий ток живой, толкавшейся внутри крови. Даже то, что она произнесла не просто и обычно — Катя, было каким-то чудом. С ее губ бархатно и тепло слетело — Катенька, словно никто никогда иначе ее не величал. Все это имело какой-то тайный, обворожительный, обещающий смысл. В одно мгновение Смирнов был покорен полностью, и теперь кротко шел следом, вслушиваясь в музыку речи проводницы музея.

Она говорила о Моне, Сезанне, Ренуаре, и Андрей будто уносился на далекие, испещренные красками острова, мимо Сезанновских изумрудных болот, под крики птиц шел берегом лазурного моря, где из пенры морской рождалась Афродита, рождалась его Катенька. Он уже почему-то точно знал, что она непременно станет его Катенькой.

Закатное солнце обливало ее тело и волосы червонным золотом. Андрей мысленно брал неведомую еще женщину на руки, легкую, почти невесомую, и нес по уже темневшей аллее туда, где деревья смыкались в ночь. Нес трепетно и бережно, как китайскую статуэтку, чтобы хранить ее возле своего огрубевшего солдатского сердца всегда. Пролетевшие годы воинской науки и муштры, тренировки, учебные бои, аскетическая жизнь казались сейчас залежавшимися, пересохшими сухарями, пригодными лишь для холодного и угрюмого созерцания. Без Катеньки (отчего-то именно без нее) Андрей уже не мыслил своего будущего. Так внезапно вспыхивает среди миллионов застывших светил яркая звезда и легко сжимает в один восторженный комок все твое прошлое и настоящее, перемешивая восхищение, страх, горе, боль, счастье и радость.

... "Или она, или никто, — решил Андрей. — И точка".

Сережа Соловьев быстро и умело перебинтовал Блинову руку. Рана действительно была незначительная, но кровила сильно. К счастью, в сумке среди бинтов и йода завалась перекись водорода, и Сергей, обильно смочив вату, наложил ее на рану, предварительно облив пулевой ожог йодом. А затем уже начал бинтовать.

Закурили.

— Ну, ты прямо Склифосовский, — определил самодельного врача Блинов и проверил на подъем больную руку.

— Сиди ровно, Матросов, — наказал Сергей. — Не таких героев лечили.

Андрей обернулся и увидел движущийся блеск стекол головной машины.

— Давайте, ребята, шевелиться, — повелел он. — Наши уже двинулись.

— Двинулись, не двинулись, а выше себя не прыгнем, лейтенант, — сказал Блинов. — Вроде бы задавили врагов техникой, но видишь, постреливают. Даже девки и те шмеляют из подзорок. Это тебе не шутки. Хорошо, Вася, может быть, мотнул головой в последний момент. А так бы лежал тут рядышком и скучал по красивой жизни. Да и я, чего брехать, мог в самый лобешник заработать. Слава Богу, во время увидел ее, тварь.

— По местам! — скомандовал Смирнов, выстреливая пальцами окурок прочь. — Как ни крути, приказ надо выполнять.

...Экскурсия завершилась. Экскурсанты с негромким говорком, касавшимся более насущных дел, нежели впечатления от увиденного в музее, тихо расходились. Катенька тоже собралась удалиться, но Андрей, превозмогая мохнатую, косную волну стеснения, остановил ее.

— Простите, — сказал он деревянным языком. — Я хотел бы продолжить разговор о Моне, Ренуаре, Гогене. Вы так чудесно рассказывали о них.

— Вы художник? — спросила Катенька, снова улыбаясь серым агатом глаз.

— Немножко.

— Немножко — это как?

— Я любитель. Не профессионал. Но это ничего не значит, Катенька. Разве мы меряем людей только по их делу? Толстой был ужасным занудой. Помяловский умер от пьянства под забором. Бунин терпеть не мог Достоевского. А Грин отдал какому-то нищему свою шинель, простудился и умер. Но это все сейчас так далеко. В другой жизни. — Андрей взял в свои руки руки Катеньки. — Я ужасно хочу видеть вас сегодня вечером. Весна, фиолетовые сумерки, цветы и вы. Уже картина.

— Да, — сказала она, но золотые ресницы ее вспыхнули на грустном взлете. — Жизнь так скуча на все это. Хотя и полна живописи.

— Кстати, — воодушевился Андрей. — Мой друг — художник. Мы можем нагрянуть к нему в мастерскую. Игорь будет рад. Правда, он живет и работает в Подмосковье. Но дух путешествия... И потом... там сейчас так красиво.

— Замечательно, — оживилась Катенька. — Но мне нужно заехать к брату, переодеться. Не поеду же я в этом официальном платье, — указала она на легкое, воздушное одеяние, в которое была облачена, и которое Андрей уже успел полюбить.

— Ну, что же, — сказал он с некоторым сожалением. — Тогда в шесть у Пушкина. Вы меня узнаете по цветам. Какие вам по душе? — улыбнулся Андрей.

— Нет, нет! — замахала руками Катенька. — Не нужно цветов. Ведь они в дороге завянут, — как-то виновато склонила она голову на бок. — Цветы как-нибудь в другой раз.

— Ладно, — согласился Андрей. — До встречи.

... Колонна вскоре подошла вплотную к группе страховки и остановилась, ожидая, пока саперы выполняют свою работу. От машин тянуло бензиновым жаром. Но теперь было намного спокойнее, и мертвые дома не казались уж столь враждебными: рядом, как-никак, находились свои. Сюда боевики не сунутся.

Андрей снял каску и вытер бисер пота, выступивший на лбу.

Среди развалин стоял уцелевший частный домик, одетый со всех сторон, как в одежду, в виноградную листву. Этот живой дом окружал белый известняковый забор. Похоже было, люди отсюда не уходили, словно заключили договор с войной, и она уступчиво обошла их стороной.

В нем, в этом жилище не было ничего особенного, но всякий раз, когда Смирнов встречал сохранившиеся, не тронутые снарядом одноэтажные строения, тугая волна печали, волнения и радости рождалась в нем и саднила горячей, обжигающей болью. Потому что Катенька описывала в своих рассказах о родном городе Грозном именно такой, повитый виноградными лозами домишко, где она родилась и росла до зрелого возраста. Какой из них мог быть ее домом, оставалось неизвестным. Их встреча с Катей пронеслась так стремительно, так быстро, что Андрей не успел выяснить ни места нахождения милого экскурсовода в Москве, ни адреса Катеньки в Грозном. Да это, впрочем, было тогда и не нужным.

Саперы снова медленно двигались по дороге, водя миноискателями из стороны в сторону, а трое автоматчиков шли следом.

Блинова, как раненого бойца, заменили. Группа опять состояла из пяти человек.

Сейчас работали спокойно, без напряжения, хотя тут, в чеченском тылу, всего можно было ожидать. Бойцы лишь недавно в этом убедились.

... Потом они ехали в душной электричке в мастерскую художника, друга Андрея, Катенька спокойно, без всякой опаски согласилась на путешествие неизвестно куда и, в общем-то, неизвестно с кем. В этом тоже таилось свое очарование. То ли она была так воспитана — доверять людям, — то ли умела читать по глазам, интонациям голоса, движениям и жестам. Что лукавить, во всех обозначенных проявлениях Андрея вырывалась наружу обнаженная влюбленность. Не заметить этого, тем более женщине, было невозможно. К тому же — Моне, Сезанн, Ренуар... И Катенька без колебаний и кокетства откликнулась на приглашение.

По случаю жаркой погоды она переоделась в светлую рубашку и джинсы, что неожиданно сделало ее еще более обольстительной, так как сквозь рубашку откровенно просвечивало кружевное белье, а брюки плотно облегали упругие бедра.

Не обращая внимания на толпу, набившуюся в электричку в час пик, они, конечно, снова взахлеб говорили о греках, скифах, Леонардовской мадонне, ее сумашедшей улыбке, импрессионистах и о том, кому из художников мог быть созвучен Верлен, Аполлинер и особенно Бодлер, для которого среди французских полотен зеркал не было. И только наш Врубель, в этом Андрей и Катенька сошлись безраздельно, мог соответствовать его поэзии.

Толпа безразлично прижала их друг к другу, и Андрей почувствовал, как жарко и напряженно пульсирует в нем горячая, мерцающая в глазах кровь нечаянной, но сумасшедшей любви.

За окнами плотной стеной с темными провалами, в которых жили уютные, резные домики, тянулся озаренный вечерним солнцем лес весенней зелени. В нем, в этом лесу, ждущими невестами стояли черемухи, фиолетово вспыхивали сиреневые кусты и легкой пеной вылетали из мрака зелени островки застоявшихся нарциссов.

Тесно стиснутые пассажирами, Андрей с Катенькой на какое-то время замолчали, ощущая одновременно и неловкость, и обворожительную, влекущую близость.

Катенька робко посмотрела на Андрея снизу вверх и вдруг неудержимо расхохоталась, прикрывая ладошкой рот.

Андрей удивленно взглянул на Катеньку.

— У тебя такое серьезное лицо, — проговорила она сквозь смех. (Они уже незаметно перешли на "ты".) — Словно ты — командир и выслушиваешь рапорт своего подчиненного. — Катя уже знала о его профессии.

Андрей обмяк. Улыбнулся.

— Жарко, — сказал некстати, непропад, глупо и понял, что совершенно любит ее. Что ждал именно ее все годы странствий по учебным военным дорогам, дрался за нее в пылу жестких тренировочных боев, что видел Катеньку в теплых мужских снах и думал только о ней. Она была более чем дорога ему, и Андрей осторожно положил свою деревянную от штанги ладонь на Катино хрупкое плечо.

...Вскоре саперы выполнили свою работу. Колонна благополучно достигла пункта назначения. Солдаты разались, отдыхая, ходили босиком и голыми по пояс. В лагере пахло кашей. Больше в тот военный день у Андрея Смирнова и его боевых товарищей ничего примечательного не случилось.

...Затем они шли проселочной Подмосковной дорогой. С одной стороны стоял сосновый лес, из него время от времени застенчиво выглядывали нескромные жилища "новых русских" с мансардами, гаражами, кирпичными банями и Бог его знает, с чем еще, что скрывалось за добротными каменными заборами и тяжелыми железными воротами с причудливыми ажурными венцами. Кто жил или просто отдыхал в этих двух- и трехэтажных домах — трудно было сказать. Трудно было даже предположить. Андрей, глядя на вычурные порою, но великолепные строения, зло и бессильно стискивал зубы: ему, во всяком случае, в ближайшее время ни о чем подобном не приходилось мечтать. Он представлял себе, что где-то льется кровь, гибнут люди, солдаты, а эти, за заборами, процветают, жиреют и тоже, вполне возможно, на чьей-то живой крови.

Однако сейчас... Сейчас Андрею было глубоко плевать на директоров фирм, воров, авторитетов, шоу-звезд, всех богатых людей. Был тихий, малахитово-синий Подмосковный поселок, малиновое небо, где плавали прозрачные апельсиновые корки облаков, перламутровое озеро, расписанная голубая церквушка и Катенька. Ее золотые волосы, в которых путался свет солнца, доверчивая улыбка, вся она легкая, воздушная, словно созданная искусственным мастером из любви и весны.

В одном месте, среди прочей зелени, рос холостой куст сирени, и Андрей не удержался, сорвал несколько веток.

— Я не могу, — сказал он. — Мне так хотелось подарить тебе цветы. И вообще — весь мир. Лик солнца над озером, вон тот серебряный крестик самолета, сирень, стихи...

— Я хотела бы посмотреть твои работы, — сказала Катенька. — Странно. Ты военный человек и поэт.

— Отец был военным, — оправдался Андрей. — А работы... Посмотришь еще. Правда, я их никому не показываю. Но тебе, — Андрей посмотрел на Катю сверху вниз, — тебе рискну. Теперь, веришь, очень хочется писать. Тургенев говорил, — рассмеялся Андрей, — когда я не влюблен, не могу работать.

— Значит, ты влюблен? — лукаво спросила Катенька и снизу, искоса заглянула ему в глаза.

— Да, — ответил Андрей и остановил свою спутницу, положив ей руки на плечи. — Влюбился сегодня, пополудню, в Пушкинском музее. Сразу и бесповоротно. Ведь может такое быть?

Катенька окунула позолоченное лицо в букет сирени, а затем подняла его к Андрею.

— Наверное, — тихо сказала она. — Но я так долго жила без этого.

Он осторожно и нежно поцеловал ее в губы. И этот поцелуй вместе с тишиной, наполненной красотой мира, глубоко проник в Андрея, оставшись жить в нем, как вторая душа.

Теперь они шли молча, взявшись за руки, сокровенно храня некую данность самой простой и самой сложной вещи во Вселенной — любви.

— Мне тоже очень хочется писать, — сказала, наконец, Катенька. — Но я занята в музее, живу у брата. Он закончил Политехнический, женился и обосновался в Москве. Так что, сам понимаешь, условий пока никаких.

— Все поправимо, — весело сказал Андрей и мысленно представил Катеньку в их с мамой трехкомнатной квартире деда, который тоже когда-то служил военным. Генералом. Сейчас уже не было ни деда, ни отца. Остались лишь громадные комнаты, набитые тяжеловесной сталинской мебелью пятидесятых. Со смертью деда тут никто ничего не трогал и не обновлял. Ни дубовых, пахнущих пылью шкафов, ни массивных, продавленных кресел, ни громадного, крытого зеленым, биллиардным сукном, стола. Но комнаты были светлые, солнечные, и Андрей примерял Катеньку к самой большой из них. Поставил у окна мольберт, а по углам разместил эскизы, написанные картины. Выходило хорошо. И Катенька смотрелась среди тяжелого шоколадного дерева, словно в старинной мореной раме. Качался на стенах бронзовый маятник древних часов, и пушистый кот Федор задумчиво брел по персидскому ковру к своему любимому креслу.

— Все поправимо, Катенька, — повторил Андрей и обнял ее за плечи.

— Да, поправимо, — туманно произнесла Катенька, подумав о том, что Андрей военный офицер, и его могут послать куда угодно. Даже на войну, во чреве которой, в Грозном, оказались ее родители. Неведомым чудом они вырвались из огненного пекла и теперь жили у родственников в Краснодаре. Но отец носил в себе большое сердце. Как они с матерью пережили крах всего, что прежде составляло их жизнь? Это донимало Катеньку постоянной, тоскливой болью. Время тянулось в безвестности, погруженное в болезненную тревогу, хотя родители и писали скучные утешительные письма.

Впрочем, сегодня ей не хотелось думать ни о чем печальном. Андрей тоже нравился Катеньке, и она шла под его горячей тяжелой рукой, ощущая ее силу и надежность.

Игорь встретил Андрея с Катей так, словно давно ждал их появления. Это был крупный, полный человек с мягкой русой бородой, с лица которого не исчезала трогательная детская улыбка. Надень на него черную рясу, и он вполне мог быходить на доброго монаха-послушника.

Весь загородный дом Игоря представлял собою одну сплошную мастерскую. Одна комната была галереей живописи. Тут стоял длинный рукодельный стол, заставленный, как шахматными пешками, трубками с красками, кистями, картонами для смеси колера, пинцетами, стаканами, нитками, железками, которым трудно было найти объяснение. У окна возвышался деревянный станок, державший на себе незаконченную, распятую картину. По стенам этой слегка затененной деревьями комнаты густо висели работы Игоря и его друзей. Тут был полный художественный набор разных стилей и направлений. Тут же, в углу, ютился диван и как-то нелепо

выпячивался второй стол, на коем одиноко маячила недопитая бутылка кефира, и рядом открыто лежал наполовину съеденный батон хлеба.

Вторая комната предназначена была для деревянных поделок, но сюда гости пока не заглядывали. Коротко познакомившись с хозяином, Катенька стала осматривать галерею. Большинство картин являли зрителю фигуры летающих людей, словно бы оторвавшихся от земли в единой молитве к Богу и друг к другу. Работы были хороши по цвету, замыслу и технике исполнения. Катенька подолгу задерживалась у каждой.

Андрей хлопотал у кефирного стола, выкладывая гостинцы, среди которых блеснула золотыми этикетками пара бутылок "Шампанского".

— Я смотрю, — сказал, мягко улыбаясь, Игорь, — у нас сегодня пир. Что отмечаем?

Андрей пожал плечами.

— Весну отмечаем, старики. Сирень, черемуху. Разве у тебя не было таких праздников?

— Да. Наверное, — рассеянно ответил Игорь, наблюдая за Катенькой. — Где ты откопал такое чудо? Я хотел бы написать ее портрет. Очень выразительные глаза. Лицо.

— Места нужно знать, старина. Ты давно не был в Пушкинском. Катенька работает там экскурсоводом. Кстати, как и ты, окончила Строгановское училище. Так что вы совсем близкие люди. Думаю, с портретом проблем не будет. Да и мне приятно: хоть одна твоя работа окажется где-то поблизости.

— Конечно, конечно, — все так же туманно отвечал Игорь. — Знаешь, я недавно свою Лизу написал в костюме испанской инфанты. Получилось весьма впечатляюще. Один меценат предлагал большие деньги за картину. Но я не отдал. Сам понимаешь.

Потом они сидели дотемна, и "Шампанское" струило в их бокалах и крови легкие серебряные пузырьки.

Катенька согласилась на портрет, а Игорь показал изображение своей жены, выполненное в манере старых мастеров XVII-XVIII веков.

— Я тоже хочу такую вишневую бархатную шляпу, — театрально склонила голову Катенька.

Игорь рассмеялся.

— Тебе нужно что-то более легкое. Скорее всего, ничего. Никаких шляп. Распущенные волосы и одуванчики. Поляна одуванчиков. Ярких, желтых огней. Вся картина будет называться "Одуванчики". Ты, Катенька, словно станешь одним из них.

Теперь обрадовался Андрей.

— Здорово, — сказал он. — Простой и яркий цветок. Представляю, Катенька, какой ты будешь красавицей на этом пылающем лугу. Я уже вижу тебя среди желтых звезд. Честно говоря, такой сюжет мне бы и в голову не пришел. Вот почему, наверное, я не художник.

— Ладно, друзья, — поднялся Игорь. — Я обещал своей Лизавете сегодня вернуться. Выходные как-никак. Понятно, жена желает мужа, так что покорнейше благодарю... И все такое. Допразднуйте весну без меня.

Андрей с Катенькой остались одни в окружении летящих тел, лиц и глаз, пристально наблюдавших за ними со стен притихшей мастерской.

— Погаси большой свет, — попросила Катенька. — Они все смотрят, как живые.

Осталась гореть самодельная настольная деревяшка, сотворенная Игорем из голого лесного корня и цветного стекла. Лампа была похожа на экзотическую бабочку, излучающую свет.

— Так хорошо? — спросил Андрей.

— Да, — сказала Катенька. — Так замечательно, милый.

Это неожиданно произнесенное "милый" бархатно порхнуло в воздухе, но не успело пролететь между губ Катеньки и Андрея. Все смешалось в одной нежной мелодии весны, апельсиновых сумерек, сирени и парящих на полотнах Игоря фильтров.

Они, Андрей с Катенькой, словно бы сами слетели с мягких цветочных лепестков и теперь плавно неслись над долиной трепетных ощущений и чувственно-огня. Все сразу померкло, утонуло в пульсирующем красном мраке и сосредоточилось в одной светящейся точке, которая была началом мира и любви.

Вся ночь пылких объятий, горячих признаний и сладких судорог пролетела, будто одно краткое мгновение счастья. И жаркие слова: "Я люблю тебя" провисли в душе, как колокольное эхо.

Утром Андрей уходил на службу раньше Катеньки. Он долго с нежностью смотрел на ее разметавшиеся по холсту подушки золотые волосы, затем оставил записку с указанием места, куда нужно положить ключ, жирно начертывая личный телефон, затем — я люблю тебя навечно. Завел для Катеньки будильник и вышел наружу.

Утро было прохладным и свежим, будто озерная вода. Пахло елью и сырой землей.

Андрей вдохнул напитанный росою резковатый воздух и бодро зашагал к электричке. Весь день он мотался по служебным делам, но вечером, лишь только вошел в дом, сразу спросил мать, не было ли каких-либо для него звонков. Но звонков не было. Мать с тревогой взглянула на сына и пригласила к ужину.

— Что с тобой? — спросила Анна Егоровна, как она всегда делала, когда муж, отец Андрея, попадал в трудные военные ситуации.

— Может, и обойдется, — сказал Андрей, почти наверняка зная, туши не миновать. — Ну, если и отправят в горячую точку — это моя служба. Моя работа. Никуда не денешься. Дед всю войну прошел. И ничего. Жив остался. Тут что кому на роду написано. Можно без всякой войны под сосульку угодить.

— Да, — сказала Анна Егоровна задумчиво. — Сосулька...

Поздно вечером позвонила Катенька. Сбивчивым от волнения голосом она сообщила о том, что пришла телеграмма из Краснодара. У отца инфаркт. Сердце не выдержало событий последнего времени. Что завтра она улетает. Когда вернется, пока неизвестно. Попробует позвонить оттуда. "Все, — сказала Катенька. — Я люблю тебя. Жди меня".

Андрей положил трубку и долго слушал смутную тишину, в которой зряко плавали живые слова: телеграмма, сердце, инфаркт, люблю, целую, жди меня...

Но дождаться звонка с юга ему было не суждено. Через два дня Андрея в числе прочих офицеров отправляли в горячую точку, в Чечню. Запомнилось краткое, неловкое прощание с матерью, ее смиренные, привыкшие к военным мундирям глаза, нечаянные слезы, затем железное, гулкое брюхо транспортного самолета и тупая боль оттого, что так и не повидал перед отлетом Катеньку. Конечно, Андрей предупредил мать о том, что если позвонит Катя, то нужно взять у нее все исходные координаты — ведь он не знал даже, куда ей писать.

Нынче Андрей отвоевал уже год и видел много такого, отчего сжимается и в камень твердеет сердце. Но Катеньке (похоронив отца, она вернулась) он писал теплые, нежные письма, словно вокруг не горела земля и от снарядов и пуль не падали люди, а цвел мягкий южный оазис с милыми, повитыми вино-

градом, гостеприимными домами. Катя тоже отвечала Андрею, что любит, ждет и тоскует, и никогда не думала, что один лишь день может перевернуть всю жизнь.

Сейчас Андрей готовился к операции по "зачистке". Он осмотрел оружие, отобранных бойцов, дал последние наставления. Нельзя сказать, чтобы это мероприятие было ему по душе. Врываться в чужой, враждебный дом, где каждая секунда грозила смертельной опасностью, было занятием, прямо скажем, малоприятным. Но здесь, на войне, приходилось делать много такого, к чему не лежало сердце. Однако приказы не обсуждались, и враг мог притаиться везде.

... Они, группа солдат, проверили уже несколько домов, приземистых, горбатых домов, заросших густою, пыльной зеленью. Везде было пусто. Лишь недовольные лица хозяев. Возмущенный говор в спину, глухой топот сапог и частые удары крови внутри перед каждым новым двором.

Тот дом отличался от прочих некой необычностью, изысканностью постройки, по углам стояли какие-то, чуть ли не готические, башенки. Как каменная скворешня, возвышался второй этаж. К нему вела железная лестница. Весь двор был закрыт шапкой виноградной листвы.

Андрей на минуту задержался на солнечной площадке двора, вспомнив бывшего архитектора, отца Кати, и перед ним в одно мгновение пролетел тот далекий весенний день их встречи и любви с Катенькой. Затем он подошел к дому и украдкой заглянул в окно, словно проник взглядом в темное окошко чужой судьбы. Но ничего не было видно: висела занавеска. Он обернулся. Бойцы уже заняли исходные позиции. Двое солдат стояли по бокам входной двери, ожидая приказа. Андрей двинулсь было к ним, но в эту секунду входная створка распахнулась, из нее вылетел юнец лет шестнадцати и, метнувшись во двор темный железный шарик, бросился к забору. Этого никто не ожидал.

Взрыв прогремел сзади лейтенанта Смирнова, но свет боли он увидел спереди. Вспышку света, а затем плотную, туманную пелену, в которой уже ничего не было различимо.

— Катенька, — успел сказать Андрей, но ватные ноги его уже не держали.

Он очнулся в госпитале неподвижным и безмолвным. У Андрея был поврежден позвоночник. В палате кто-то истошно кашлял, но у Смирнова не было сил повернуть голову. Он дождался, пока к нему склонилось худощавое, с острой бородкой лицо врача.

— Что со мной? — спросил Андрей.

— Позвоночник, — сказал врач. — Осколок задел позвоночник.

— Ходить буду? — убито поинтересовался Смирнов.

Врач помолчал.

— Пока — пятьдесят на пятьдесят, голубчик. Время покажет. Может быть, и бегать, и ходить, и плясать еще будешь. С хирургом тебе повезло. Операция прошла удачно. Сейчас главное — не терять силы духа. Понял меня? Печаль и уныние на замок. Тогда все будет в порядке. Ясно?

— Я встану, — сказал Андрей твердо.

— Вот и молодец, — одобрил врач.

Андрей закрыл глаза и в молочной пустоте увидел лицо Катеньки в конусах золотого света, увидел всю ее, легкую, воздушную, летящую мимо пушистого куста сирени на берегу перламутрового озера.

“Жди меня”, — сказала когда-то Катенька перед вылетом в Краснодар.

“Ладно, — подумал Андрей. — Буду ждать”.

Пере- дозировка

Звонок по "03" поступил около 19:30 15 июня 2000 года. Пьяный, заплетающийся женский голос долго не мог объяснить, в чем дело, лишь повторял: "Скорее, скорее... приезжайте скорее... моя дочка..." С огромным трудом диспетчеру удалось выпытать у дамы адрес, и через несколько минут туда выехала бригада "Скорой помощи". Район, откуда звонила нетрезвая гражданка, оказался застроен сплошь таун-хаусами, и водитель долго петлял, пытаясь высмотреть среди пышной зелени номера домов. Наверное, это и решило судьбу семьи Ворониных (фамилия изменена), которой принадлежала роскошная квартира на втором этаже изящного строения из розового кирпича. Когда вызванные погибли спасатели взломали прочную металлическую дверь, на полу в столовой и коридоре лежали пять трупов: глава семейства Сергей Павлович, его жена Надежда Ивановна, их сын Алексей, жена сына Марина и семилетняя внучка Лариса. Причиной смерти всех пятерых, по заключению судмедэкспертов, стало отравление крысиным ядом острого действия.

Расследование быстро зашло в тупик, хотя следственная бригада работала на совесть. Были последовательно отработаны все версии, вплоть до

самых абсурдных, допрошены все знакомые семьи, коллеги Сергея Павловича и Алексея, подруги Надежды Ивановны и даже одноклассники маленькой Ларисы. Ничего! Установить удалось лишь несколько фактов:

1. "Скорую помощь" пыталась вызвать Марина (она умерла последней), это ей принадлежал голос, показавшийся диспетчеру "пьяным". На самом деле женщина была абсолютно трезвой, но уже ощущала действие яда и находилась в практически невменяемом состоянии. Отравляющее вещество, ставшее причиной ее смерти, вызывает эйфорию, сходную с опьянением, а потом, почти сразу, паралич дыхательного центра.

2. Яд был кем-то добавлен в блюдо, которым ужинала семья, причем не в процессе приготовления, а после, когда пища слегка остывала. Это наводит на мысли, что убийца имел какое-то отношение к истреблению грызунов. На фабричной упаковке яда не написано, что данный препарат распадается при температуре более 100 градусов, знать такие тонкости могли лишь специалисты.

3. Остатки яда были обнаружены также в пластиковой бутылке с водой "Бон-аква", которая использовалась в семье для готовки вместо водопроводной.

4. За день до гибели Сергей Павлович Воронин снял со своего банковского счета крупную сумму денег, и эти деньги нигде в квартире не обнаружены.

5. За день до трагедии Алексей обращался к адвокату семьи с вопросом, кто является наследниками имущества в случае его смерти, в частности, является ли наследницей Марина.

Вот, пожалуй, и все. Посторонние в тот день в квартиру не входили, домработницы в семье не было (готовила Надежда Павловна), и даже к Ларисе почему-то не зашла любимая подруга из соседнего дома.

Семью Ворониных все знали как на редкость дружную, любящую и гостеприимную. Особых недругов у Сергея Павловича не водилось, с партнерами по бизнесу (торговля элитной мебелью) он наладил устойчивые доброжелательные отношения, его уважали как честного бизнесмена и толкового руководителя. Алексей работал в той же фирме начальником транспортного цеха и никаких проблем с коллегами не имел. По словам семейного адвоката, Ворониных никто не беспокоил с угрозами или требованиями, а учитель и одноклассники Ларисы в один голос заявили, что девочка была спокойной и всем довольной, что говорит о нормальной обстановке дома.

Но ведь кто-то же убил их всех, верно?

Стали искать в другом направлении. Может быть, дело тут в ревности? Вновь допросили коллег Сергея Павловича и Алексея. Ничего. Оба были верными мужьями, хотя Алексея нельзя было с полным правом назвать "мужем": его брак с Мариной не был оформлен юридически. Впрочем, супруги прожили вместе 10 лет, а это срок немалый.

Надежда Ивановна и Марина не работали, все время были на виду у соседей и знакомых, так что какие-то тайные романы и тут исключались.

Проверили версию большого долга, на покрытие которого Сергей Павлович мог снять со счета деньги. Это также не подтвердилось.

В общем, дело об убийстве семьи Ворониных неминуемо превратилось бы в "висяк", если бы в один прекрасный день сюжет о нем не был показан по телевидению...

— Меня зовут Виктория, я студентка психфака. — Эффектная светловолосая девушка уселась на предложенный следователем стул и сложила на коленях ухоженные руки. — Мне кажется, молодая женщина из тех, уби-

тых в таун-хаусе, обращалась ко мне за помощью. Это было четыре месяца назад.

Следователь искренне удивился:

— Как вы можете знать, что это именно она? Насколько я знаю, трупов в передаче не показывали.

— Трупов не показывали, — согласилась Виктория. — Показывали только дом с улицы. Там во дворе стоит деревянная скульптура, божок такой, вроде африканского. Марина мне писала о нем, ей казалось, что он над ней смеется... У меня есть даже фотография этой скульптуры, сделанная из окна, со стороны квартиры. Мы, видите ли, общались с Мариной только по электронной почте, она мне присыпала снимок, чтобы я сама посмотрела.

С этого момента следователь начал записывать слова Виктории в протокол.

Какая студентка не хочет подработать? Вот и двадцатилетняя Вика, учащаяся третьего курса психологического факультета, решила слезть с родительской шеи и сама обеспечить себе более-менее сносное существование до диплома. Знакомый, имеющий в Интернете свой сайт, почти сразу нашел ей работу: психологическое консультирование "он-лайн" с последующей записью на очную беседу.

Все шло хорошо. Вике писали много и часто, до двадцати человек в день, и она едва успевала отвечать на все послания. Пятеро или шестеро стали ее постоянными пациентами, еще несколько приходили на прием по паре раз и исчезали, некоторые и вовсе не появлялись. Сумма набегала небольшая, но на жизнь вполне хватало. Девушка даже начала подумывать о создании собственного сайта, полностью посвященного женским проблемам, так как ее основными клиентками были именно женщины.

Вот тут на нее и вышла Марина. Ее письмо было, на первый взгляд, обыч-

новенным, но Вика не имела привычки просто "отписываться" и ответила на него подробно, вдумчиво и с множеством теплых слов и пожеланий. Это-то, скорее всего, Марину и проняло...

— Видите ли, я уже тогда поняла, что она из состоятельной семьи, — рассказывала Виктория в кабинете следователя. — Тогда, когда она спросила, на какой счет перечислить мой гонорар. Ведь о том, чтобы встретиться лично, в ее ситуации не было и речи. Предполагалось, что я буду работать с ней по Интернету, а деньги получать или через банк, или на кредитную карту. Мне оказалось удобнее через кредитку...

В первом своем письме Марина жаловалась на депрессию и неуверенность в будущем, рассказывала общими словами, как бы нехотя, но уже через пару дней "разговорилась" и выдала свою проблему полностью. Тогда же в ее письмах (надо сказать, весьма многочисленных) промелькнуло слово "ненавижу".

А дальше... дальше — внезапное молчание почти на месяц, в течение которого Вика не раз писала своей пациентке без всякого ответа, а потом — трагический сюжет по телевизору и явка "с повинной", поскольку муки совести за свой непрофессионализм бывают невыносимы.

Марине Терешкиной (фамилия изменена) было семнадцать, когда она приехала в Москву на заработки. Не сказать, что из глубокой провинции, просто из маленького городка на самой границе Московской области. Ей хотелось чего-то неопределенного, расплывчатого, но красивого, как новогодняя сказка. А в реальности девушку ждали лишь три варианта. Первый — стать проституткой. Второй — заселиться в какой-нибудь приличной фирме, сделаться любовницей директора и "снимать сливки" до тех пор,

пока не дадут пинка. Третий — выйти замуж за москвича, родить ему ребенка и сидеть дома. Все остальные пути были заведомо проигрышными, поскольку ни образования, ни опыта, ни связей у Марины не было. Единственное, чем она обладала в избытке, это красота, в одиннадцатом классе девушка даже стала победительницей районного конкурса, который она сама окрестила "Мисс Колхозное Вымя".

Конечно же, больше всего ее прельщал вариант номер три. И он наклонился практически сразу: уже через неделю после приезда девушка устроилась в крупный мебельный магазин и познакомилась там с обаятельный парнем Алексеем Ворониным (ему было 20, и работал он пока простым про- давцом). Нет, расчета у Марины никакого не было, она влюбилась по уши и лишь потом узнала, что любимый — сын основателя и директора фирмы. Это известие скорее смущило, чем обрадовало ее, но Алексей вел себя как джентльмен, дарил цветы, водил в кафе, читал ей стихи, а через три месяца после знакомства привел подругу знакомиться с родителями, и там тоже все прошло гладко. Более того, Марине показалось, что она обрела вторую семью, так ласково и бережно отнеслись к ней в доме Ворониных...

"Они были ласковые, а мои родители — строгие, особенно папа, — написала Марина в письме психологу Вике. — А мне хотелось, чтобы меня называли "деточка" и "лапочка", гладили по голове. Все это там было, у этих новых русских. Я развесила уши... Хотя, наверное, я к ним несправедлива, уж старики-то поначалу не были против нашего брака".

О браке первым заговорил Сергей Павлович, и случилось это примерно через полгода после того, как Марина переехала к ним жить. Он просто спросил за завтраком: "Ну, и когда планируете свадьбу?", и Алексей немедленно ответил: "Как только Марине во-

семнадцать исполнится". Сердце девушки радостно забилось, ведь ждать оставалось всего-то месяц. Неопределенное положение уже начинало тревожить ее, и вот, слава Богу, вопрос, кажется, решается...

"Мы подали заявление в мой день рождения. Это был самый счастливый праздник! Я просто на крыльях летала по дому, хотелось со всеми поделиться счастьем... но за три дня до регистрации неожиданно умерла бабушка, и свадьбу отложили на неопределенное время. Я все понимала и не обижалась, но потом завертели дела с наследством, с каким-то домом в Питере, потом Леша ездил за границу, вернулся и тяжело заболел... я решила его пока не беспокоить".

Марина выбрала другой вариант — беспокоиться самой. Уже не раз в письмах и по телефону родители спрашивали ее: "Ну, когда?!", и врат становилось все труднее. Наконец, она решилась на подлог: заказала в фирме "Оперативная полиграфия" фальшивое, но очень правдоподобное свидетельство о браке, сняла с него ксерокопию и отправила ее родителям, а оригинал порвала. В качестве свадебной послала фотографию с какого-то банкета, где она стоит рядом с Алексеем в белом вечернем платье. И извинилась, что не пригласила, хотя знала, что родители очень больны (отец — инвалид первой группы, мать — второй) и все равно бы не приехали. В ответ ей пришло трогательное письмо с поздравлениями и перевод на сто долларов, это было все, что родители смогли скопить ей в качестве подарка...

"Я плакала всю ночь, — позже написала Марина. — Плакала от жалости к родителям, к себе, ко всему миру. Мне было ужасно стыдно. Просто ужасно. Только получив это письмо, я поняла, как сильно на самом деле папа и мама меня любят и как люблю их я. Захотелось уехать домой. Но я не могла. Я тогда еще любила Лешу, да и

привыкла к обеспеченной жизни. Это правда: я уже не могла вернуться в свою "хрущевку" и работать где-нибудь в детском саду нянечкой".

Она решила, что позже, когда состоится настоящая свадьба, признается в обмане и попросит прощения. Это ее чуть утешило, и Марина приготовилась ждать дальше.

"Моя беда была в том, что я не могла открыто спросить Лешу, в чем дело. Ну, воспитали меня так! Я ждала предложения от него и не хотела делать его сама, мне казалось, что так будет неправильно. И еще мне казалось, что он не может не понимать, как для меня все серьезно, ведь он был моим первым мужчиной..."

Но Алексей молчал. Скорее всего, он просто привык к ситуации и вообще забыл о каких-либо обещаниях. Так прошло два года.

"Признаюсь, забеременела я специально. Мне совсем не хотелось иметь незаконного ребенка, просто я надеялась, что Леша, наконец, решится оформить отношения. И правда, он очень обрадовался и немедленно потащил меня подавать заявление. Я, помню, даже подумала: вот дура, надо было сразу "залететь", от скольких первотрепок бы себя избавила!"

Беременность протекала крайне тяжело буквально с первых дней. У Мариной был постоянный токсикоз, настроение менялось десять раз на дню, она то плакала, то хохотала, то кричала, то замыкалась в себе. Ко всему добавилась угроза выкидыша, и Сергей Павлович, который горячо мечтал о внуках, уложил будущую маму в дорогую престижную больницу, на сохранение. Там она месяц провалялась под капельницами, ее без конца обследовали, и кончилось все тем, что врач вынес вердикт: три месяца строгого постельного режима, иначе никакого ребенка не будет...

"Свадьбу снова отложили. Мне стало казаться, что я бегаю по кругу, как

лошадка. Усталость накопилась кошмарная, я не хотела уже ничего, никакого ребенка, никакого Леши, только бы все это кончилось..."

Девочке дали фамилию Воронина, в графе "отец" записали Алексея, все выглядело "честно", и на какое-то время Марина полностью ушла в заботу о ребенке, столь тяжело ей доставшемся. А потом заводить разговор о свадьбе ужеказалось ей почти неприличным, ведь сроднились за столько лет... Она утишила себя тем, что "и так хорошо, а штамп ничего не меняет". Купила скромное обручальное кольцо и стала его носить, сначала тайком, а потом и открыто.

Так и шло до того самого дня, когда она услышала...

"Здравствуйте, дорогая Вика, это снова я вам пишу. Осталось к моей истории добавить еще немного, о том самом разговоре, из-за которого я и впала в депрессию.

У нас в квартире шесть параллельных телефонных аппаратов. Если наловчиться, можно снять трубку так, что никто не заметит. Не подумайте плохо, но уже с зимы я постоянно подслушиваю Лешины разговоры. И мои подозрения (из-за которых, собственно, и подслушиваю) оправдались.

У него есть другая женщина, она как-то связана с фирмой. Кажется, она разведена, осталась с ребенком от первого брака, ей около 25 лет. На работе они делают вид, будто ничего не происходит, но... Дело в том, что эти уроды (родители — примечание автора статьи) сами же ввели в компании такое правило: никаких служебных романов. Теперь приходится поддерживать репутацию.

У Леши с той женщиной настолько серьезно, что он обговаривал с адвокатом составление брачного контракта! И спрашивал, правда ли, что по суду ребенка могут оставить с отцом! Вы понимаете, что это значит?

Мне очень плохо. Я ненавижу их всех. Самое ужасное, что эта тварь бывает у нас дома, я даже пыталась когда-то с ней подружиться!

Какие они сволочи! Да, я Алексею не жена, я просто мать его ребенка, а значит — никто! Но то, что они задумали, уже ни в какие рамки не лезет. Бог с ним, с Лешей, у меня к нему, кроме отвращения, уже ничего не осталось. Но Лариску я им не отдам, по-любому, даже если придется своими руками их всех передушить!

Можно просто уехать, пока не поздно. Но я не могу. Как мне в глаза родителям смотреть? На что мне жить? Это ужасно, помогите..."

После этого письма Марина замолчала.

Прошерстив список всех сотрудников фирмы, следователь вышел на единственную подходящую женщину — Елену, разведенную мать с ребенком, и припер ее, что называется, к стенке. Нервы у нее сдали, и она призналась, что уже год была любовницей Алексея и собиралась за него замуж. Более того, они уже подали заявление и купили обручальные кольца. На вопрос: "А что вы собирались делать с Мариной?" Елена после заминки ответила: "Леша сказал, что даст ей денег и отправит домой, а девочку оставит с нами. У меня тоже девочка, они стали бы сестрами..." "То есть вы собирались разлучить ребенка с матерью?" Снова заминка: "Да... но ей с отцом было бы лучше..."

Выяснилось и еще одно обстоятельство: за сутки до убийства Елена заезжала к Ворониным, застала дома только Надежду Ивановну, попила с ней чаю и, взяв конверт с деньгами, уехала. Зачем деньги? По просьбе Алексея она отправила их переводом родителям Марины, зная, что сама Марина, вероятно, ничего не возьмет. Почему этого не сделал сам Алексей? Не мог. "Рука не поднималась, и я

предложила помочь", — объяснила Елена.

Если бы не письма Марины психологу, Елена автоматически стала бы главной подозреваемой в убийстве пяти человек. Но письма все-таки были, и дело закрутилось дальше...

Сейчас, когда возможный убийца уже мертв и ничего не расскажет, мы можем лишь догадываться, как все происходило. Вот примерная картина преступления.

Скорее всего, Марина приобрела крысиный яд 14 июня, именно в те часы, когда в их доме пила чай Елена. Где именно она купила отраву и кто объяснил ей принцип действия препарата, осталось невыясненным, в Москве слишком много фирм подобного профиля. Впрочем, это и не важно. Вероятно, о визите Елены Марина знала заранее из подслушанных разговоров, и именно "разлучница" должна была стать подозреваемой в убийстве. Можно также предположить, что яд был добавлен в бутылку с водой вне дома, а упаковка выброшена.

Марина знала, что при кипячении яд распадается. Поэтому она дала "свекрови" возможность приготовить ужин (тушеную баранину с картошкой) на чистой воде, дождалась, пока та отлучится с кухни накрывать на стол, и добавила в пищу воду из своей бутылки. Она была уверена, что дочке ничего не грозит: Лариса всегда наотрез отказывалась есть баранину, и ей готовили отдельно. Сама Марина, вероятно, решила съесть совсем чуть-чуть, чтобы отравление не привело к смерти.

По словам повторно допрошенной соседки (окна напротив), семья села ужинать вовремя, но Марина высидела недолго и вышла из столовой. А потом в окно было ясно видно, как девочка упирается и не хочет есть мясо, а дед что-то сурово выговаривает ей, и малютка со вздохом берется за вилку...

Скорее всего, Марина не могла видеть, как ее близкие (как ни крути, а все же десять лет вместе!) едят отравленный ужин, потому она и вышла, съев буквально несколько кусочков. Она и предположить не могла, что через минуту маленькую Ларису начнут кормить насилино, будто готовя ее к новой жизни без мамы и поблажек...

Девочка съела очень мало, но быстро ощутила дурноту и стала звать на помощь. Марина прибежала на крики, хотя сама уже находилась под действием яда, и в ужасе стала пытаться спасти дочь, не обращая внимания на хрипы умирающего семейства. В панике она заставила ребенка пить (судя по концентрации яда в желудке — из той самой бутылки), потом потащила в туалет вызывать рвоту, и сама по пути пила воду с той же целью. В таком состоянии человек вряд ли отдает себе отчет в том, что делает. Бутылки одинаковые, перепутать ничего не стоит...

Марина и девочка упали в коридоре, оттуда же, дотянувшись до телефона, женщина вызвала "скорую". Там они и умерли через несколько минут.

Следствие тянулось еще восемь месяцев, потом дело закрыли. Елена, как только сняли подписку о невыезде, сразу же уехала в другой город к родственникам. Видно, подозрения в ее адрес были не только у следовате-

ля, и женщину просто затравили на работе.

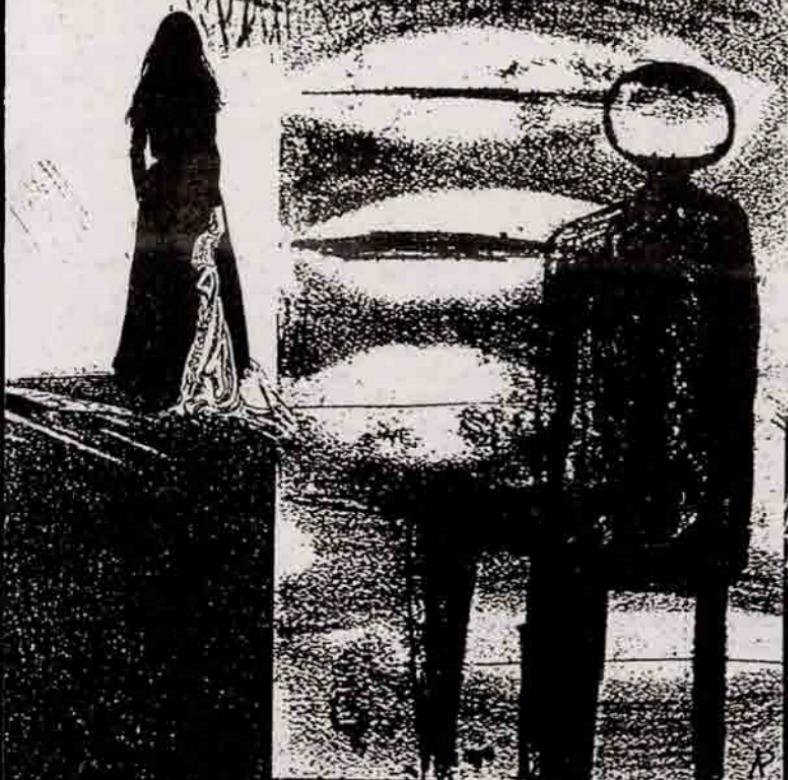
Семью Ворониных похоронили в одной могиле, Марину — отдельно, так как она не являлась членом этой семьи. Виктория закончила институт, но работает не по специальности. Ей кажется, что пусть косвенно, но она виновата в трагедии, ведь для того, чтобы работать психологом, надо быть профессионалом, а не студенткой, желающей просто подзаработать.

"Я должна была отнести к этому серьезнее, — говорит девушка. — Ведь даже за самым невинным письмом, невинной жалобой, даже за явным женским капризом может скрываться трагедия... а я не приняла этого в расчет". Скорее всего, психологом она так и не станет.

Эта история выглядит похожей на какой-то женский детектив в бумажной обложке, и я не стала бы о ней писать, если бы не была лично знакома с девушкой, которую называю здесь Викторией. Она потрясена до глубины души, хотя прошли годы. И как-то поделилась со мной своей тревогой:

— Понимаешь, я специально узнала. Никаких денег родители Марины не получили. Это единственное слабое место. Там была огромная сумма. Они ее не получали — это точно. Вот что меня беспокоит... А так, конечно, Марина могла все это сделать, она была хитрая. Но... Вот именно — "но". Кто теперь знает... ■

Девятое марта

Поздний ночной автобус мчался по за-
снеженному городу, завывая расхля-
банным мотором. Водитель торопился в
парк и старался проскакивать пустующие
остановки — сегодня все-таки праздник,
хочется попасть домой пораньше.

Но не получалось. Хоть район и считается спальным, все равно — на каждой остановке кучкуются группки веселых и пьяных людей: парни с бутылками пива, по одной в каждой руке, девчонки с охапками цветов... Смеются, возятся от избытка молодых сил, виснут друг на друге. Восьмое марта сегодня — чего не повеселиться?

В открывшиеся двери ввалилась "теплая" компания — человек десять. Рассаживаются по креслам, благо, автобус полупустой. Не обошлось без возни и здесь: кто-то из парней норовит усадить к себе на колени сразу двух девчонок.

— Подожди! Ну, подожди же ты!

Девушки заняты: у одной из них в руках сотовый телефон, видимо, сегодняшний подарок. Аппарат сложный, кнопочек много, хочется во всех разобраться.

Не успели все, наконец, устроиться, как сразу же начался веселый, с подколками, спор. Решалась сложная проблема, на уровне Теории Относительности: как в латинской транскрипции писать "я" — "ja", "ya", или "ia". Похоже, подружки добрались до SMS-функций и собираются теперь осчастливить кого-то эсэмэской.

— Надо через этот, как его, ну, "игрек", как русское "у", короче...

— Тогда получится "и-а", че ты ослик, что ли?

— "И" с хвостиком ставь, я видела, так немцы пишут!

Парни расхохотались.

— Без бутылки не разберешься, — сквозь смех выговорил один из них.

Действительно, серьезная задача. Эх, ребята, мне бы ваши проблемы! Я прижался лбом к холодному стеклу, смотрел на чуть присыпанные снегом тротуары, на необычно яркие, в разводах цветных кругов, фонари, на вечернюю иллюминацию витрин и немногочисленных в этом районе реклам.

За моей спиной снова раздался взрыв смеха — один из парней рассказал разухабистый анекдот. Пошлый, на грани армейского юмора. По-хорошему, не для женских ушей, конечно, но сегодня можно — сегодня все веселы и раскованы.

Кроме меня. Я не улыбаюсь вместе с ними. Не с чего. Ведь завтра — девятое марта, и я снова уйду. Пока еще не знаю каким способом: судьба, если это, конечно, она, весьма изобретательна. В последний раз меня сбила невесть откуда взявшаяся на пустынном проселке "Волга". До этого обошлось без посторонних, просто потемнело в глазах, мир крутанулся пару раз и... Инфаркт или кровоизлияние в мозг... А три или четыре года назад, помнится, меня прикончили совсем уж экзотично: взорвался газовый коллектор под моими ногами.

Впрочем, я могу и ошибаться. Ведь до конца разглядеть собственную смерть мне не удавалось ни разу. Как никому, наверное, в этом мире. По крайней мере, никому, кто бы смог потом этим похвастать. Проявившись снова, я пытался отыскать в газетах и милиционских сводках сообщения о СВОЕМ происшествии. Не получилось. Выяснилась подробность, которую при иных обстоятельствах можно было бы назвать забавной. На второй раз у меня появились смутные подозрения, а на третий они превратились в уверенность.

Я же помню все свои прежние жизни. Помнил и тогда.

В начале — ничего необычного, все как у других. Языковая школа, неудачная попытка поступить в институт, два года службы на Алтае, потом худучилище, полуголодная бодемная жизнь, скитания по друзьям и женщинам-однодневкам, наконец, первые заказы, мастерская... В столице прижилась мода на

антикварную мебель, и мои акции поползли вверх. Да, забыл сказать: я — реставратор, столяр-краснодеревщик, в последние лет пять эта профессия снова стала денежной.

Так все и шло до марта две тысячи второго. Станный год, год-перевертыш, палиндром. Сейчас я, конечно, могу говорить, что чувствовал необычайное, приближение странных событий... но это будет ложь. Ничего я не чувствовал, жил, как жилось... Пока не умер в первый раз. На следующий день после женского дня, после трех огромных букетов, уютного застолья с французским белым "Шато д'Ор"...

Парадоксально, но когда я ожил — почему-то помнил свою прежнюю жизнь до последней секунды. Помнил, как тот чернявый с быстрыми глазами вытащил из-за пояса серебряно-матовый пистолет. Со всех сторон набегали крепкие парни в камуфляже и штатском, чернявый затравленно озирался, зрачок дуладержанно следил за его взглядом. Не помню, кто выстрелил первым, но неожиданно по ушам ударило звонкими хлопками, в воздухе кисло пахнуло порохом. Что-то горячее стукнуло меня в грудь, и сразу же навалились боль и темнота.

Я все это помнил. И долго еще бегал потом, искал ТО место, даже приходил на Петровку, пытался там что-то доказывать. Боюсь, меня сочли не совсем нормальным.

На второй раз я уже почти не удивлялся. Но, ожив, первым делом спустился в оштукатуренную сырость подземного перехода (места были мне не знакомы, лишь потом на вывеске ближайшего дома я прочел: "Нахимовский проспект") и купил в киоске Роспечати газету. Число меня поразило: четырнадцатое мая две тысячи первого. Я долго пытался это осмыслить. Самое забавное, что все мои друзья, контакты, знакомые остались прежними, ну, разве что, чуть-чуть, самую малость непохожими. А может, мне просто так казалось. И лето, и осень, и даже зима потом развивалась уже по другому сценарию, но девятое марта я снова не пережил.

В третий раз я очнулся прямо посреди бульвара, судя по зацветающей глади большой, заботливо окольцованный бетоном лужи, на Чистых прудах. На меня никто не обращал внимания, из чего я заключил, что не появился из воздуха, а все время был здесь: шел вот человек по каким-то своим делам, остановился на секунду: голова закружилась или вспомнил что-то. Мало ли. Было теплее, чем в прошлый раз. Солнце ощутимо пекло, легкий ветерок гнал по улицам пущистый тополиный пух. Продавец газет у метро обмахивался своим товаром, на лбу его выступили крупные капельки пота.

— Сегодняшняя газета есть?

— Завтрашний "МК" есть! Десять рублей. Хотите?

Я хмыкнул про себя — тоже мне, продавец будущего. Порылся в карманах — как и в прошлый раз, деньги были.

"МК" оказался от седьмого июня. Наверное, я сильно переменился в лице, и продавец спросил с тревогой:

— Что с вами? Печатный брак? Да нет проблем, не волнуйтесь — я заменю! Я не отвечал, и он продолжал дальше:

— А-а! Вы первую страницу смотрите! Хреново, что наши проиграли, да?

Я тогда буркнул что-то, не помню. С продавцом этим больше не виделся, к Чистым прудам меня с тех пор не заносило ни разу.

Постепенно я привык. Девятого марта — край, конец пути. И назад, в две тысячи первый, май или июнь... Пока самое раннее для меня — второе мая, а позже всего я очнулся девятнадцатого июня посреди какого-то пустыря в Алтуфьеве-

во. Так и крутит меня какой-то сплошной круговорот, и не видно конца и края. Хоть бы какой-нибудь знак, самый туманный, пусть просто намек, — я пойму. Ведь нет же ничего... Помню, фильм был такой с Биллом Мюрреем — "День Сурка", там герой попадает в схожую историю, но он вращался вокруг одного дня, не то, что я.

Да, я привык. Поначалу было страшно жить целый год как все, ничем не выделяясь, но каждую секунду, каждый ничтожный миг ЗНАТЬ, что очень скоро ты неизбежно умрешь, и все закрутится по-новой. Я даже ходил в церковь исповедаться, хотя не могу сказать, что когда-либо считал себя верующим. Священник выслушал меня молча, ничего не сказал, лишь осенил крестным знамением. Я чуть ли не на весь храм завопил:

— Скажи, батюшка, что мне делать!

Он ответил тихо-тихо, словно самому себе:

— Ищи, сыне, и да обрящешь...

Я потом смотрел — это из Библии.

Автобус тормознул на перекрестке. Водитель, скорее всего со скучи, включил запись. Вкрадчивый голос сквозь шипение и треск принялся увершевать:

— ...не забывайте оплачивать свой проезд и сохраняйте билет до конца... считается пассажир, не оплативший проезд до следующей... Абонементные талоны имеются в продаже у водителя в любом...

Попутчики встретили эту маленькую речь взрывом смеха и едких замечаний. Автобус тронулся. Динамики еще немного похрипели и умолкли.

Я вспомнил, как проявился в последний раз. Очнулся в салоне троллейбуса, даже не успел прийти в себя, как неожиданно вот так же над головой зашипело:

— Следующая остановка — метро Щелковская, автовокзал, Конечная.

Салон был почти полон, и наружу меня вынесло монолитом разгоряченных тел. Я уже без какого-либо интереса, скорее по традиции, привычно купил газету. Двадцать третьего мая.

Механический голос вывел меня из задумчивости. Автобус мне надоел. Хватит. Я поднялся, прошел через весь салон к задней двери. Мои попутчики тем временем разобрались с трубкой, разбились на пары и самозабвенно целовались. Мне то и дело приходилось перешагивать через вытянутые ноги, неуклюже хватаясь за ременные петли. Автобус дернулся, и я все-таки не удержался, споткнулся.

— Эй, куда прешь?! — голос был тот самый, что рассказывал анекдот.

Я оглянулся. Молодое, по-детски курносое, но все же немного жестковатое лицо, давно небритый, по последней моде, подбородок. В невыразительных темных глазах — недовольство.

— Извини, друг...

С полсекунды он еще бычился, но веселье все же пересилило, да и подружка нашептывала на ухо что-то успокаивающее.

— А-а-а, ладно. Все нормально, мужик, вот выпей, если хочешь. — Он протянул мне почтную бутылку "Ярпива".

— Спасибо...

Автобус остановился, двери с треском распахнулись.

— Спасибо, друг. Я бы с удовольствием. Но... пора.

Извинительный жест, прощальный кивок и, прогрохотовав по ступеням толстенными подошвами своих "гриндеров", я соскаиваю на снег, чуть не столкнувшись в дверях с быковатым типом в кожаном прикиде. Оглядываюсь, машу

парочке на прощание рукой. Автобус, приветливо обдав меня сизым бензиновым перегаром, неуклюже покатился дальше. На остановке было пусто, только какая-то одинокая фигурка пряталась в самой глубине. Наверное, бомж — отсюда и не разглядишь. Освещение на улице оставляло желать лучшего, света едва хватало, чтобы видеть носки своих ботинок.

И все же что-то удержало меня. Наверное, скорчившееся человеческое существо на скамейке. Сделав вид, что меня заинтересовало объявление, неаккуратно прилепленное на стойку остановки, я подобрался поближе.

Бог мой! Да это девушка! Голова опущена, длинные волосы падают на лицо, не по сезону тоненькая дубленка... Она обхватила руками плечи, которые то и дело вздрогивали. Может, от холода. Только мне почему-то сразу показалось — от слез.

Теперь я уже не мог просто так уйти. И хотя у меня самого настроение было — в самый раз для петли (кстати, интересно как-нибудь попробовать), но, когда я заговорил с ней, то постарался подбавить в голос побольше хорошего настроения:

— Разве можно плакать в такой день? Это же твой праздник!

Девушка вздрогнула и подняла на меня глаза. Несмотря на скучное освещение, я поразился, какие они у нее необычные. Глубокие, темные, словно два — будь проклята моя тяга к плоским цитатам! — бездонных омута. Сейчас они покраснели, а в уголках притаились прозрачные слезинки.

Она что-то прошептала, я не расслышал. Нечто вроде: "тебе бы так". Девочка! Знала бы ты...

Я присел перед ней на корточки.

— Эй... не бойся. Я не маньяк и не искатель острых ощущений. Просто увидел человека, которому плохо, и решил помочь. Если я не ко времени, или ты сейчас никого не хочешь видеть, — скажи. Я исчезну. Но, по-моему, тебе нужен собеседник. Разве нет?

Она так долго молчала, что мне показалось — это такой ответ: проваливай, мол, иди, куда шел. Но стоило мне пошевелиться, как тихий голос прошептал:

— Погоди... — И снова замолчала.

Чтобы хоть чем-то заполнить паузу, я спросил:

— Тебя как зовут-то?

— Мария...

— Ну, — я лихорадочно подбирал комплимент, — красивое имя.

Блин, идиот ты, парень! Еще бы сказал — редкое. Надо исправлять положение, жаль, что язык у меня подведен не тем местом. Эх, где наша не пропадала!

— А сокращенно как? Мэри?

— Нет, — всхлипнула она, опять ошеломив меня взглядом, — ...Маша.

— А я — Джо.

Маша на несколько секунд даже плакать перестала. Подняла на меня покрасневшие глаза и удивленно переспросила:

— Джо?

— Меня друзья так зовут. Я привык...

— А-а...

Не объяснять же ей, в самом деле, что мои предки нарекли меня Иосифом. В детстве еще ничего было — Иська и Иська, никаких ассоциаций не вызывает, а вот в школе, да и в учебке кроме как Сталиным и не звали. В крайнем случае — дядей Джо.

Боже, она улыбалась! Пока несмело, совсем немного — уголками губ, сквозь слезы, но — улыбалась. Никогда не думал, что одно только упоминание моего имени способно высушить слезы женщины.

Странно. Вот сейчас, когда она улыбнулась, мне показалось, что я уже где-то видел ее лицо. Нет, определенно!

Вдруг Маша прыснула. Потом смутилась. Я вопросительно поднял бровь.

— Не обращай внимания, Джо... у меня... истерика, наверное... то плачу, то смеюсь... А сейчас просто вспомнила анекдот... Смешно стало. Про неуловимого Джо.

Я улыбнулся. Ну, конечно. "Это кто был?" — "Неуловимый Джо" — "Что, его никто поймать не может?" — "Да нет, просто он на фиг никому не сдался!"

Стало легче. Мало-помалу мы разговорились. Точнее, она говорила, а я больше молчал, изредка кивая. В основном невпопад, потому что ее глаза прямо-таки гипнотизировали.

Маша была художницей, немного рисовала для себя, пару раз участвовала в выставках молодых талантов. Ее заметили, потихоньку пошли контракты на промышленный дизайн, иногда какой-нибудь новоявленный нувориши заказывал портретик любимой собачки. Жить было на что. Только не с кем. Родители умерли, еще когда она училась в Строгановке, а старшая сестра выскочила замуж и теперь навещала младшеньку раз или два в месяц.

Спутник же жизни все никак не появлялся на горизонте. Богемная тусовка богата на случайные связи, искать в ней что-то большее бесполезно, по себе знаю. Маша не отчаялась. Только делать это с каждым разом становилось все труднее. Вроде бы, казалось, нашелся тот самый, настоящий, на кого можно положиться в любой момент, и вдруг — все шло прахом. Чаще всего по ее вине — по крайней мере, она сама так считала, — из-за устаревших взглядов и целого клубка неистребимых комплексов.

Ее последней попыткой оказался как раз тот самый быкообразный тип, с которым мы столкнулись в дверях автобуса. Он покатал Машу на тачке, сводил раз-другой в дешевый полуподвалный ресторанчик, после чего решил, что на пару раундов постельной борьбы заработал. Провожая Машу домой (тачка осталась на стоянке — ухажер выпил для храбрости и решил не рисковать, гаишники сейчас лютуют), стал напрашиваться в гости с понятными целями. В общем, он их даже и не скрывал. Получив отказ — стандартную женскую отмазку из серии: "нет, нет, не сегодня, нам надо получше узнать друг друга", — бык вскипал и, "припечатав" несчастную Машу, бросил одну на остановке.

Про себя я подумал, хорошо, что здесь народ был, а то неудавшийся партнер мог и к более кардинальным мерам перейти. Такого и газовый баллончик не остановит.

Мы проболтали часа два, наверное. Могли бы и больше, если бы мне не пришло в голову спросить:

— Ты не замерзла?

— Очень, — честно призналась она и удивленно добавила: — Но пока ты не спросил, я этого и не замечала.

Эх, Джо, когда же ты научишься быстрее соображать?

— Давай я тебя провожу.

— Да я недалеко живу...

— Не спорь. Дрожишь вон вся. Вот что, — я снянул куртку и накинул Маше на плечи, — пойдем.

Подъезд был на удивление чистым. Только на щите лифта кто-то старателем вывел черным маркером: "Offspring". Надпись была с ошибкой.

Маша протянула мне куртку, зябко поежилась.

— Спасибо, Джо.

— Да ладно, что там.

Надо было, конечно, напроситься в гости на чашечку кофе, скрасить этот вечер ей, да и себе тоже, если быть честным, но... Язык отказывался повиноваться. Я молчал.

— Ну... — похоже, она тоже не знала, что говорить. — Пока.

— Пока, — грустно проговорил я в ответ.

Маша как-то неуверенно кивнула, повернулась, и каблуки ее изящных лакированных сапожек застучали по ступеням. Я засмотрелся на ее стройные ноги и, как мальчишка, машинально считал ступени: "раз... два... три...". Всего их оказалось пятнадцать. Поднявшись на площадку, Маша зазвенела ключами — оказывается, она жила на первом этаже.

Что-то продолжало удерживать меня. Уходить не хотелось. Я стоял у дверей парадного и смотрел снизу вверх, просто смотрел на нее.

Какое-то мимолетное ощущение... Ну, да! Вроде бы я уже видел ее вот так — снизу вверх... Видел. Когда, где — не помню, не могу заставить себя вспомнить, но видел точно. Ну же, Джо! Вспоминай!

Наверное, она почувствовала мой взгляд, рука ее дрогнула, ключ все никак не хотел попадать в скважину. Несмелая улыбка тронула губы.

— Ты так и будешь стоять? Тогда уж поднимайся...

От такого приглашения не отказываются. Я забыл обо всем и взлетел вверх по ступеням, как спринтер на финишной прямой. Маша все никак не могла открыть замок — было хорошо заметно, что ее бьет крупная дрожь. Замерзла-таки! В подтверждение моих мыслей Маша оглушительно чихнула, запоздало прикрыв рот ладонью.

— Простудилась, — резюмировал я и протянул руку к ключам. — Дай, погребую.

Она кивнула, всхлипнула как-то по-детски и снова чихнула.

— Будь здорова.

— Спа... ар-пчх-хии!

А девочка-то совсем расклеилась. Ну, ничего — замок тем временем поддался моим усилиям, и дверь распахнулась.

Квартирка у Маши была небольшая, но уютная. Маленькая прихожая, вся сплошь заставленная какими-то резными фигурками, этюдниками и большими потертыми тубусами. Фигурки занимали почти все пространство на трех высоченных этажерках, тубусы и этюдники были составлены у архаичной деревянной вешалки, искусно сработанной под мореный дуб.

Маша то и дело шмыгала носом, а когда я, помогая ей снять дубленку, случайно коснулся руки, — стало понятно: дело плохо. Рука горела.

— Маш, да у тебя температура!

Я потрогал ее лоб — печка! Видно, моя холодная, с мороза, ладонь принесла некое облегчение: она как-то инстинктивно прижалась к ней, словно ища спасения.

— Да-а-а, — протянул я, — задачка... Ну-ка, садись!

Маша покорно уселась на видавший виды колченогий табурет. Я опустился на колени, расстегнул липучки на ее сапогах. Она дернулась, попыталась было спрятать одну ногу за другую.

— Джо! Ну, что ты, в самом деле? Я и сама могу...

— Можешь... — сквозь зубы ворчал я, возясь с непослушными сапожками, что никак не хотели сниматься, — ...конечно, можешь. Вот выздоровеешь и сразу сможешь.

Маша больше не пыталась сопротивляться, лишь изредка хлюпала носом. Я скинул куртку куда-то в угол, на этюдники, и почти потащил девушку по коридору.

Комната в Машиной квартире была одна. Но какая! Bay! Настоящая студия, таинственная богемная нора, заставленная мольбертами; она казалась втрое больше, чем была на самом деле. Два больших, под потолок, окна завешаны плотными, едва пропускающими свет гардинами. Вот она, плата за первый этаж. Но полоска света из прихожей ровной дорожкой ложится на пол, выхватывая из тьмы пушистый ковер; похоже, хозяйка, любит расхаживать по дому босиком. Стены увешаны незаконченными, полузаконченными и едва начатыми эскизами, старыми фотографиями. В одном из углов — карта области, испещренная странными пометками. Над ней скалится вощенная африканская маска.

Маша щелкнула выключателем — оказывается, в глухих стенных нишах прятались вычурные лампы. Мягкий свет рассеял полуутро, комната потеряла половину своей таинственности, зато стала казаться какой-то близкой, словно давным-давно знакомой.

Маша снова чихнула. Уложить бы девочку... Куда вот только? Кровати нигде не видно. В центре — вообще свободное пространство, лишь гигантский мольберт косолапо расставил подпорки, а вокруг ничего похожего.

— Где же ты спишь? — невольно вырвалось у меня. И, не успев договорить, я заметил приставленный к дальней стене узкий диван, накрытый темным мохнатым пледом. — А-а, вижу...

Я закутал Машу в плед, подоткнув края, словно в детстве. Она следила за моими действиями из-за полуопущенных век, встретившись со мной взглядом, несмело улыбнулась. В который уже раз я поразился странной завораживающей глубине ее глаз. В ответ только ободряюще кивнул:

— Ничего... Сейчас мы забьем всех микробов могучими лекарственными препаратами. Сейчас сбегаю по-быстрому. Скажи только, где у вас тут аптека. Я в этом районе впервые.

Маша чихнула. Я улыбнулся.

— Вот-вот, я же говорю, забьем.

— Не надо в аптеку. У меня там на кухне — "Терра-Флю" есть... а-а-апч-хи-и...

— А платок у тебя есть?

Платок, следуя указаниям Маши, я выудил из верхнего ящика на удивление субтильного, но крепкого секретера. По краю платка змеилась толстая красная полоса, в центре аляповато торчали башни Кремля, венчанные надписью "Москва — 850 лет".

— Спасибо...

— Не за что. Сейчас еще "Терра-Флю" заварим...

Маленькая кухонька больше походила на декорацию к спектаклю о декадансе семидесятых. Такой своего рода эпицентр интеллигентских посиделок. Раковина прижата вплотную к кухонному шкафу, даже скорее шкафчику, плита к холодильнику, тот, в свою очередь — к миниатюрному столику. Над раковиной — сушилка, из глубин которой я извлек трогательную чашку с грустным медвежонком. На шее у него бантик, а в руках — плакат: "I'm blue without you". Неискусственный

в языке туманного Альбиона человек усмотрел бы в ней некоторую игривость напополам с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Ну, еще бы! Дословный перевод — "Я голубею без тебя".

На деле ничего такого в виду не имелось, по-русски мы бы сказали так: "Я без тебя скучаю".

— Где тут твоя панацея? — крикнул я.

— В шкафу, на полке, посмотри там справа. Должна быть... большая упако... а-а-пчхи-ии....

Действительно, вот и синяя коробочка.

Я наполнил водой чайник "Мулинекс" зализанных форм, щелкнул тумблером. Он тут же зажег красный глазок и угрожающе зашумел. Пока это чудовище закипало, я разорвал пакетик, высыпал в чашку порошок. Секунду подумал, потом высыпал и второй.

Когда я притащил в комнату исходящее паром варево, Маша лежала, закрыв глаза.

— Проснись! "Скорая помощь" прибыла.

Она приподнялась на локте, приняла из моих рук чашку. Чтобы не обжечь ладони, замотала "голубого" медвежонка в край пледа. Я смотрел, как Маша пьет маленькими глотками, дует на кипяток, вытянув губы трубочкой.

— По мне, так лучше чаю с малиной... Не верю я во все эти таблетки и быстрорастворимые аспирины. Одно лечишь — другое калечишь.

Не самая лучшая тема для того, чтобы развлекать больного человека, но что-то ничего другого в голову не лезло. А просто молча смотреть на Машу становилось уже просто некультурно.

— Фу-у... горячо... ты говоришь прямо как моя сестра, Лизка. У нее муж — священник... отец Захарий. Тоже всем этим средствам не доверяет... говорит — от лукавого, мол. Его послушать... так лучше чая с малиной, ведра с горчицей, да хорошей бани и нет ничего. И Елизавета вслед за ним... — Маша говорила, изредка прихлебывая из чашки, а я смотрел на нее и, скорее всего, глупо улыбался. — Джо, у меня к тебе еще одна просьба.

— Да хоть сто!

Она смутилась, даже вроде покраснела, хотя, скорее всего, от температуры.

— Там в секрете, внизу, слева — маленький ящичек. В нем лекарства всякие, мелочевка. Поищи градусник.

— Нет проблем.

Температура и в самом деле оказалась нешуточной: 38,9. Я было раскудахтался: "в аптеку за аспирином, "скорую", в министерство здравоохранения", но Маша меня остановила.

— Сейчас лекарство подействует, жар спадет немного. А потом надо будет просто поспать. И все пройдет.

— Ну, да, — хмыкнул я, — как же. Сон — лучшее лекарство, знаем.

— Джо? — Маша снова, как кипятком, обдала меня своим неземным взглядом.

— Да...

— Побудешь со мной, ладно?

— Конечно, нет проблем.

— И — когда я засну — ты ведь не уйдешь?

Я поперхнулся. Ну и вопросы!

— Господи, Маша, конечно, нет.

— Хорошо... — прошептала она и закрыла глаза.

А я сидел и думал, что завтра утром будет девятое. Снова — девятое. И мне ПРИДЕТСЯ уйти. В любом случае, как бы она ни просила меня остаться. Только вот я не был уверен, что смогу.

— Знаешь, — сонно пробормотала Маша, — у меня такое чувство, будто я тебя знаю сто лет.

— Да, спи! — шепотом приказал я, стараясь не выдать своего удивления.

Вот как! И у нее то же самое. Дежа вю прямо. Где же я мог ее видеть? Ну, не на вечеринке же — такие глаза вовек не забудешь. Даже если увидел после третьего абсента.

Двойная доза "Терра-Флю" подействовала быстро. Маша забылась беспокойным сном: адский коктейль витаминов и антибиотиков гнал из нее жар, ей было не по себе, она ворочалась во сне, что-то шептала. Я сидел рядом и изредка промокал испарину на ее лбу платком, смоченным в холодной воде.

О-ох! Все тело затекло! Что, и меня сморило за компанию? Ну, Джо, ты даешь! Тоже мне — взялся сон охранять! Рыцарь!

Настроение было удивительно светлым. Наверное, из-за сна. Я отчетливо помнил, каким он был — яркий и чистый, какой-то по-хорошему чудесный. Только все никак не удавалось вспомнить, о чем. Что-то такое важное, там, во сне я точно знал, а теперь... Ну, многим это ощущение знакомо. Вроде помнишь: что-то такое хорошее снилось, а попросят рассказать — затык, не помню. Да и слов не хватает. Ну, это было такое... такое... чистое, светлое... ну, не знаю даже, как точнее объяснить... в общем, понятно, да?

За окном солнце искрило и переливалось на ровной снежной крошки, припорошившей тротуары, — ночью, похоже, снег выпал, лежит нетронутый, словно льняная скатерть. Только кое-где протянулись неровные цепочки следов. Красивое утро...

Вот черт, утро! Девятое!

Меня дернуло, словно током, хорошее настроение разом сошло на нет, предчувствие чего-то чудесного испарилось.

Девятое марта! Надо же было заснуть... Проклятье!

Я посмотрел на Машу. Свернувшись калачиком под пледом, она самозабвенно сопела в две дырочки. Лицо ее было безмятежно. На долю секунды я даже залюбовался. Но реальность цепко дернула меня за шкирку: очнись, парень! Поздно плятиться на красивых девчонок!

В любой момент, может быть, прямо здесь, в этой уютной квартирке неведомая сила, мое проклятие, нанесет удар... И тогда бедной Маше вдобавок к простуде прибавятся еще и хлопоты с бездыханным телом несчастного Джо. Еще не хватало! Давай-ка, парень, сваливать. Лучше уж меня холодного и посиневшего подберет в сугробе труповозка — спишут, как замерзшего бомжа. И никому никаких проблем.

Надо только записку оставить, чтоб не беспокоилась. А то проснется, начнет искать, волноваться... Хорошо, вчера не додумался телефон ей дать, вот была бы картина: "Здравствуйте, а можно услышать Джо?" — "Иосифа Давыдовича? А он умер". Моя квартирная хозяйка ни тактом, ни лаконичностью не отличалась никогда. Дальше пойдет еще веселее. "Да-да, вчера сообщили: в сугробе подобрали. Напился, наверное, и замерз. Насмерть. Все они такие, боге-ема". Бр-р-р. Что-то я увлекся. Во всех смыслах. Забыл, какое сегодня число.

Сейчас черкну что-нибудь такое злобно-циничное — Маша расстроится, конечно, но зато, приписав меня к семейству тупых самцов, быстро забудет.

Блин! Как назло, не взял блокнот. Ручку взял, а блокнот — нет. Ну, не на зеркале же губной помадой писать! Это уж совсем будет... Ага, вон на секретере что-то белеет.

Стараясь не шуметь, я на цыпочках прокрался через всю комнату. Искомая бумажка оказалась каким-то телефонным счетом. Сойдет.

Как бы написать? Я задумался, машинально поднял глаза. Взгляд скользнул по старинному, пятидесятых годов, механическому календарю с массивным гербом СССР, истекшему воском подсвечнику, пожелтевшим фотографиям на стенах...

Стоп! КАЛЕНДАРЬ!

Я застыл на месте, боясь пошевелиться. Какое на нем было число?

Немного побуревшая от времени пластинка с надписью "март", над ней — окошко для числа.

Десятое. Десятое марта.

Я помотал головой, зажмурился, снова открыл глаза. Наваждение не исчезло. Гордая единичка и пухленый нолик словно издевались надо мной. Я судорожно закатал рукав свитера, зацепился за ремешок часов, рванул — ткань затрещала... Старые верные "Сейко" услужливо помигивали двумя точками, разделяя часы и минуты. Дрожащими пальцами — не с первого раза и удалось — я нажал на правую верхнюю кнопку. "Сейко" моргнули, появилась дата: "03.10.2002. SUN".

"Воскресенье, — машинально отметил я. — Десятое марта".

Маша все так же спокойно спала под пледом. Я подошел, укрыл ее поудобнее, легонько прикоснулся к тонкой, удивительно красивой руке. И стал ждать пробуждения...

Господи, Мария, кто же ты такая?

Все это время... все эти попытки, растянутые на год, вечный, крутящийся, словно в карусели, год, — получается: я искал тебя.

Я нашел. Круг замкнулся, и я выглянул за его край. Что же теперь?

Думай, Джо, Иосиф сын Давидов, думай! Для чего-то же ты нужен этой девочке!

Мария и Иосиф... Какое знакомое сочетание имен. Удивительно знакомое. Нет, не может быть!

Брэд Питт

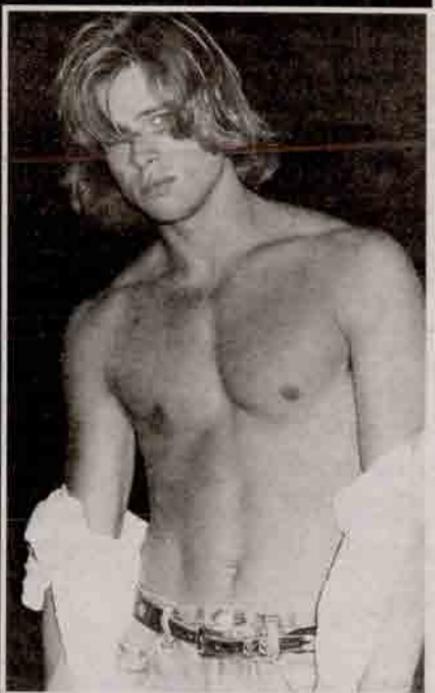
Знаменитого голливудского актера, сына водителя грузовика Брэда Питта в 2000 году признали "самым сексуальным мужчиной". Его восковую фигуру в Музее страстью целуют поклонницы. Сам актер заявил, что "титул секс-символа", который он впервые получил в 1995 году, для него ничего не значит. "Я воспринимаю его как часть игры, дань известности". Хотя этот титул помогает ему, благодаря рекламе, получать миллионные гонорары.

В Голливуде слава — это работа и богатство. Ни слова в простоте. Все время работаешь на публику. Ну и, конечно, приходится стойчиво переносить атаки папарацци и собственные фотографии в журналах в непривлекательном виде. "Когда видишь ликующую при своем появлении толпу, — усвоил Брэд, — главное — не останавливаться. Остановившись — разорвут".

Правда, у Питта есть и разрядка: он любит в свободное от съемок время повалиться на диване, смотря телевизор, или пойти в бар с друзьями выпить пива. Но Голливуд — это и тяжкая работа. Брэду за полгода до начала съемок "Трои", где он сыграл роль Ахилла, пришлось тренироваться по четыре часа в день и есть специальную пищу. Потом к этому добавились тренировки с мечами. К вечеру он валился с ног от усталости. Съемки проходили при жаркой мальтийской погоде, а на актерах были тяжелые военные доспехи. Но и заработал Питт сумму со многими нулями.

Питт покоряет женщин обаятельной небрежностью, потому как не привычен к светским манерам. Поэтому неизбежен оказался его разрыв с утонченной Гвинет Пэлтроу и женитьба на бо-

срывает куш

лее подходящей для его образа жизни. Дженнифер Энистон, 41-летний актер привык сам отвечать за свои ошибки и радоваться правильным решениям...

Провинциальное детство

Брэд Питт (полное имя — Уильям Брэдли Питт) родился в декабре 1963 года в городке Шоуни (штат Оклахома) в небогатой набожной баптистской семье. Сам Брэд к религии относится равнодушно. Его брат и сестра рано обзавелись семьями, и он завидовал их тихому семейному счастью. Отец приходил домой уставший от длительных поездок на грузовике, и ему было не до воспитания детей. Внешне Брэд похож на отца, но характер у него — материнский. Мама Брэда — Джейн — считала любимого сыночка самым одаренным и всячески его баловала. Может быть, поэтому Брэд очень привязан к семье и чтит семейные традиции.

Питты переехали в Спрингфилд (штат Миссури), где и живут до сих пор. В школе Брэд не был отличником, зато считался первым красавцем в городке. Свой обнаженный торс он продемонстрировал на календаре колледжа, заработав, таким образом, первые деньги на карманные расходы.

Родители хотели, чтобы Брэд стал инженером или врачом и очень удивились, когда он заявил, что решил стать архитектором. Потом Брэд передумал и поступил на факультет журналистики университета Миссури. Его специализация — реклама — впоследствии помогла ему в Голливуде. Брэд видел, как его друзья после окончания колледжа погружаются в повседневную рутину, и решил оставить родные места. В 1986 году, не дочувшись (до окончания курса оставалось всего две недели), Брэд неожиданно сел в свой серебристый "ниссан", имея в кармане 325 долларов, и помчался в Лос-Анджелес. Родителям он сказал, что уезжает учиться дизайну.

Восемь юношей жили вместе с Брэдом в одной комнате общежития. Чем только ни занимался он, чтобы добыть деньги на пропитание и проживание: развозил по домам стриптизерш и холдинги по магазинам, работал посыльным, зазывал клиентов в закусочную, рекламировал мексиканский фаст-фуд, а в свободное от работы время брал уроки актерского мастерства.

ние камнями в графстве Фулэм", "Дни славы" ...

Так продолжалось до тех пор, пока Питт не блеснул в 1991 году в 15-ти минутной роли в фильме Ридли Скотта "Тельма и Луиза". Оказавшись в объятиях Джинны Дэвис, он нервничал и стеснялся, но его герой — альфонс Джей Ди стал известен всей Америке. Вырезанные из "Тельмы и Луизы" наиболее откровенные эпизоды в 2003 году

С Гвинет Пэлтроу в Париже (1997).

Путь к признанию

Сначала Питт играл в массовках или исполнял эпизодические роли в телесериалах и телефильмах. На съемках одного из сериалов у него завязался роман с юной, честолюбивой актрисой Джульетт Льюис. Их трехлетние отношения прекратились после обрушившейся на Питта славы. Другой неудачный роман возник у Брэда в 1989 году во время съемок в Будапеште. В период с 1986 по 1991 год Питт исполнял небольшие роли в телесериалах "Даллас", фильмах "Байки из склепа", телефильмах "Глава класса", "Забрасыва-

были вставлены в версию DVD, и Брэд с удовольствием посмотрел новую полную версию фильма.

За четыре года после выпуска "Тельмы и Луизы" жизнь Питта коренным образом изменилась. Благодаря интуиции он выбирал из присыпаемых ему сценариев те, которые принесут ему славу и деньги. Признание пришло к Питту в 1993 году, когда он исполнил роль маньяка-убийцы в триллере Доминика Сена "Калифорния".

Сложный, двойственный образ блестящее воплотил Брэд в фильме "Интервью с вампиrom". Его герой, став вампиrom, сохраняет возможность любить.

Питту удалось передать страдания и одиночество героя в этой драме, охватывающей два столетия.

В это время самым модным режиссером Голливуда был Дэвид Финчер. Он привнес в кино настроение напряжения, нескончаемых дождей и крови. Питт с радостью согласился сниматься в мистическом фильме Финчера "Семь", так как понимал, что теперь он должен сотрудничать с лучшими режиссерами Голливуда. Если за роль в фильме "Тельма и Луиза" Брэд получил только шесть тысяч долларов, то за роль напарника детектива Миллза в картине "Семь" его гонорар составил уже 4 млн. долларов.

Специально для Питта журнал "People" придумал титул "Самый сексуальный из всех живущих". Только Брэд дважды удостаивался этого титула.

Роман с Гвинет Пэлтроу

В фильме "Семь" Питт и Пэлтроу играли роли мужа и жены. Гвинет появлялась только в пяти эпизодах, после чего ее героине отрезали голову. Несколько экранных поцелуев оказалось достаточно, чтобы они влюбились друг в друга. "Я чувствовал себя идиотом, — вспоминал Брэд, — стоило мне только приблизиться к ней".

На церемонию вручения "Оскара" в 1996 году Гвинет пришла в ослепительно белом платье под руку с Брэдом. Эта пара затмила всех присутствовавших звезд. Они были вместе более двух лет. За это время Питт стал одним из ведущих актеров Голливуда, а Пэлтроу для журналистов и зрителей — просто "его девушкой". В 1996 году она отказалась от всех предложений, в том числе и от роли в "Титанике". Их помолвка произошла в Аргентине, куда Гвинет прилетела, когда Брэд снимался в фильме "Семь лет в Тибете". После помолвки они отправились в родной город Питта — Спрингфилд и отпраздновали Рождество с семьей жениха.

Гвинет на десять лет моложе Брэда. В 1997 году она снялась в фильме "Эмма" и стала быстро догонять своего звездного жениха по известности. Ее отец — продюсер Брюс Пэлтроу считал, что голубоглазый голливудский плейбой из простой семьи — не чета его утонченной дочери. Гвинет пыталась соответствовать образу жизни своего парня — научилась курить и крепко выражаться, но они все больше удалялись друг от друга. Гвинет — экстраверт. Она любит посещать приемы и вечеринки, а интроверт Брэд предпочитает лежать на диване и смотреть телевизор.

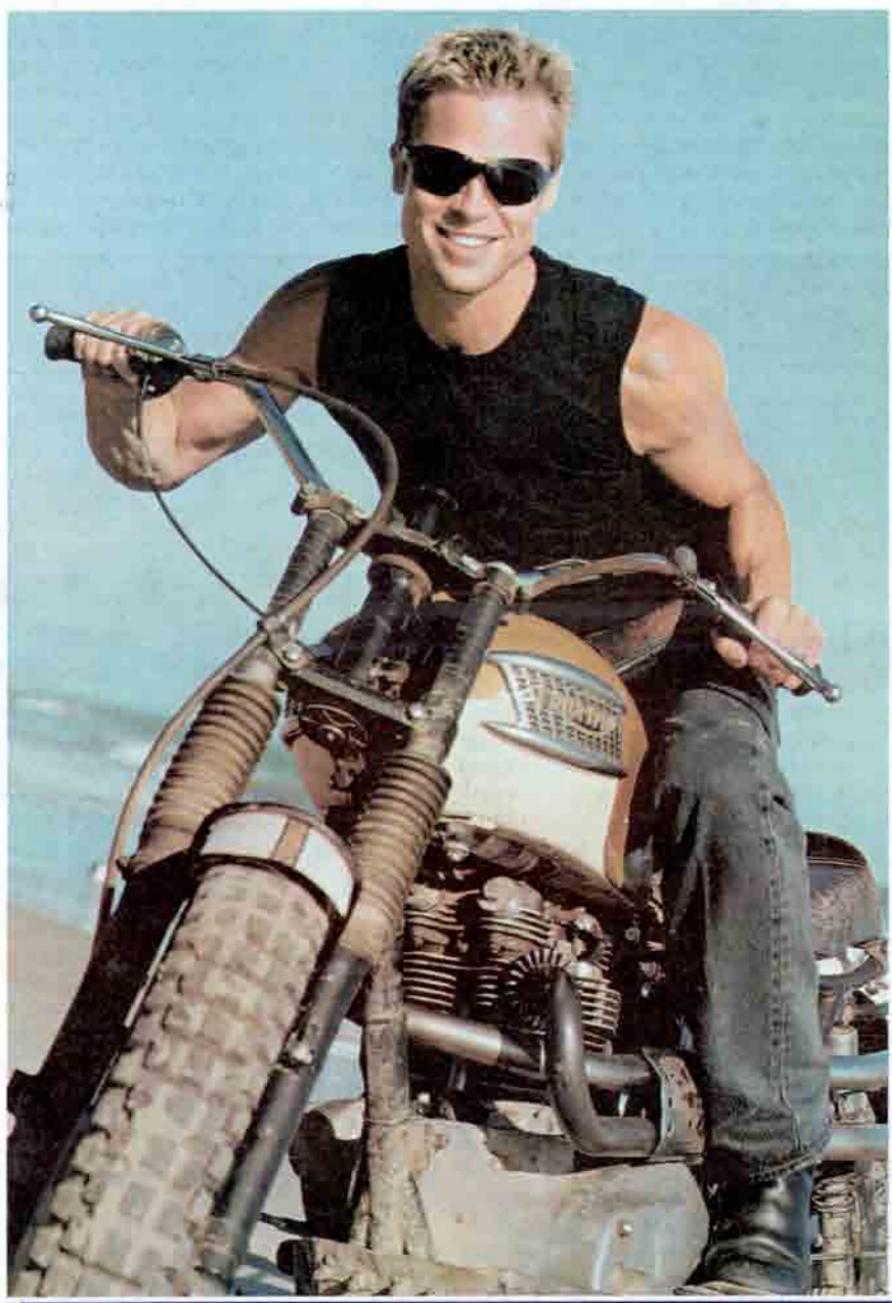
Гвинет пыталась учить его хорошим манерам, но Брэд не любит, когда его учат, как надо жить. Несколько раз они намечали дату свадьбы, и каждый раз она откладывалась. Да и сама их любовь постепенно таяла. Гвинет хотела петь, и горячо любящий ее отец стал снимать фильм "Дуэты". Поначалу главную мужскую роль в этом музыкальном фильме должен был играть Брэд, но в это время его отношения с Гвинет разладились, и Брюс Пэлтроу погорел на дочурке другого партнера.

Гвинет и Брэд не любят скандалов и поэтому летом 1997 года они расстались без взаимных упреков и обид, а для прессы невольно подали повод для публикации огромного количества статей с придуманной чепухой о распаде самой красивой пары Голливуда. Но Пэлтроу и Питт не обращали на весь этот бред никакого внимания...

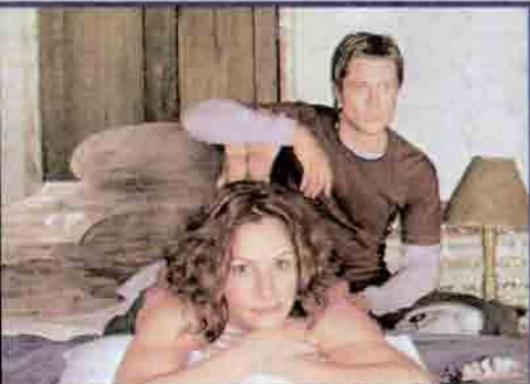
Тяжкое бремя славы

У славы есть хорошие и плохие стороны. Брэд стал получать миллионные гонорары, покупать особняки, автомобили, одежду... Но его, как и остальных небожителей Голливуда, стали преследовать три "П": пресса, папарацци и поклонницы.

Назойливые охотники за снимками могут превратить жизнь звезды в ад.

Для защиты от них Брэд стал нанимать телохранителей. Когда снимался в фильме "Знакомьтесь, Джо Блэк", его атаковал на закрытой вечеринке известный папарацци Дэвид Аллен. Телохранители засветили пленку фотографа, а приехавшая по вызову полиция арестовала его.

С Джюлией Робертс
на съемках "Мексиканца" (2001).

Знаменитая журналистка Энн Лейбович сняла Питта в полуоголом виде, и этот снимок появился в журнале "Вэнити Фэйр". Папарацци Шон Тенер выследил Брэда и Гвинет, когда они приехали на остров Маврикий отдохнуть, и снял их обнаженными из гостиницы напротив, использовав новейшую фотоаппаратуру.

Брэд протестовал против опубликования своих фотографий в обнаженном виде в журнале "Playgirl" и, когда редакция отказалась изъять из магазинов размещенный тираж, подал в суд. Журнал отделался смехотворным наказанием: издателю предписали вернуть распроданные экземпляры, но к этому времени весь тираж уже раскупили. Пресса помещает ложные сообщения о романах актеров. Питт был возмущен сообщением в британской и американской прессе о его романе с Анжелиной Джоли во время съемок фильма "Мистер и миссис Смит" в мае 2004 года.

Когда Брэд снимался в фильме "Мексиканец", то он привез с собой че-

тырех двойников, чтобы избежать встреч с темпераментными мексиканцами, а сам, переодевшись в бомжа, разгуливал по мексиканской деревне, где проходили съемки.

Питту не дают покоя его поклонницы. "Это было в Аргентине, — вспоминает он. — Я в те годы встречался с

"Большой куш" (2015).

Гвинет Пэлтроу. Она приехала ко мне, и мы уже легли спать, как вдруг я увидел, что в спальню кто-то входит. Это была 14-летняя девушка. Она влезла по крыше в окно на чердаке". В день, когда Брэд и Джениффер Энистон решили пожениться и сидели в ресторане, полиция сообщила им, что в дом актера пробралась через окно девушка. Она примеряла рубашки и штаны Питта и, надев его спортивный костюм, улеглась в постель. В это время сработала сигнализация. Так поклонница Брэда осуществила свою заветную мечту — оказаться в койке кумира.

Пристрастия флегматика

Многим знакомым Питта кажется, что он своим поведением, неторопливостью, лежанием на диване воплощает тип американского Обломова. Но, когда его узнавали поближе, не раз убеждались, что это ложное впечатление.

Среди его увлечений — пение. Брэд с помощью продюсера Фила Хопкинса сагитировал Брюса Уиллиса, Рассела Кроу и Джонни Деппа исполнить известную композицию Криса Айзека "Mid Town". Весь сбор от продажи сингла пошел на счет организации по защите прав животных. Питт любит до-

сти кошелек Брэда, получающего по 20 млн. долларов за роль. Нас согревала мысль о том, что он продуется в пух и прах. В результате он обчистил нас до нитки. Оказывается, Брэд знает такие игры, о которых я и не слышал".

Знакомство с Энистон

С Робертом Редфордом
в "Шпионских играх" (2005).

С Анжелиной Джоли
на съемках "Мистера и миссис Смит" (2005).

машин животных, причем и экзотических. Когда он в середине 90-х годов построил себе особняк в Голливуде, по нему бродили три собаки, шесть хамелеонов и четыре игуаны.

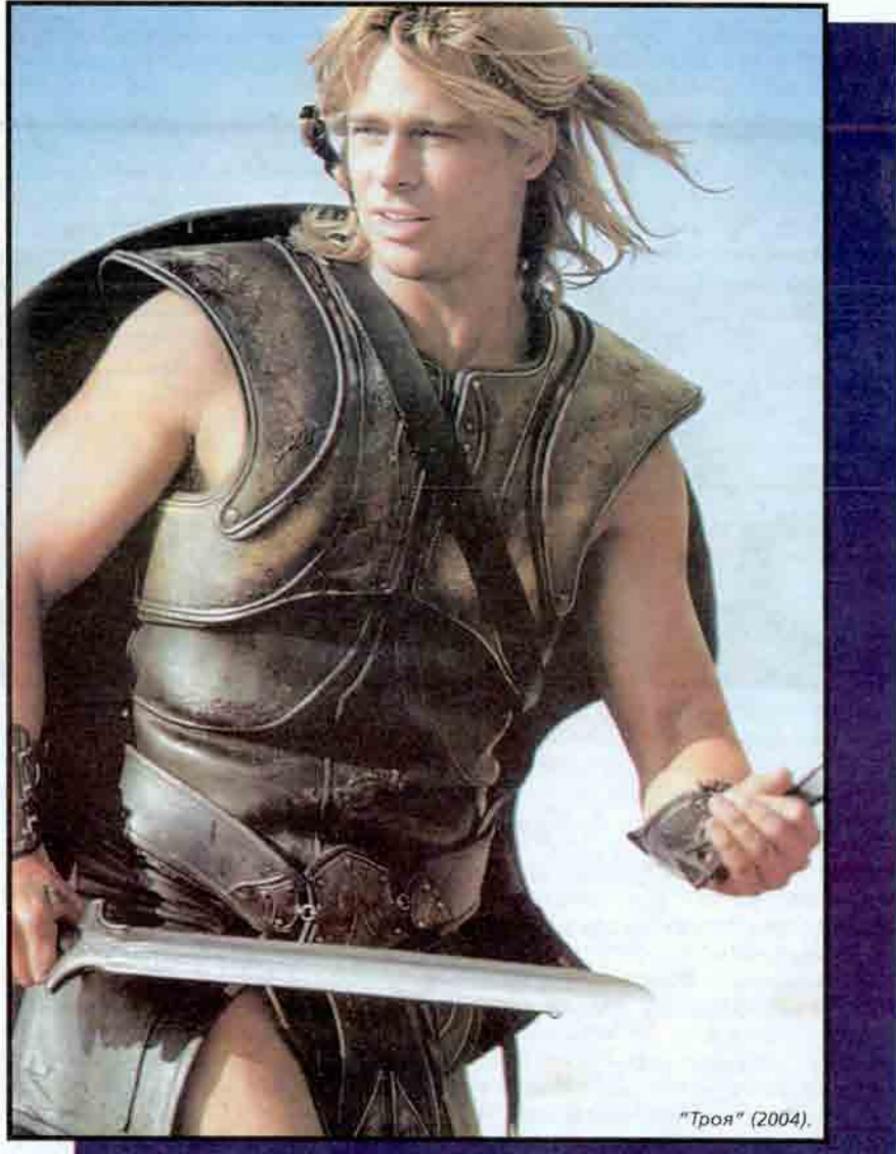
В юности Брэд хотел посвятить себя архитектуре. Летом 2003 года его друг, мультимиллионер Рэнди Гербер попросил его спроектировать новую гостиницу. Гербера не смущило отсутствие у Питта специального образования. Он — муж Синди Кроуфорд, владелец сети отелей и баров. Брэд любит заниматься оформлением интерьеров и обустройством своих особняков. Он с радостью изменил бы облик Лос-Анджелеса. "Когда-то это был город с замечательной архитектурой, — уверяет Питт, — а теперь все заслонили торговые центры".

Способности Брэда к карточной игре поразили съемочную группу фильма "Большой куш". Режиссер фильма Гай Ричи вспоминает: "Мы все неплохо играем в карты и хотели немного потря-

расставшись в Гвинет Пэлтроу, Питт на берлинской премьере фильма "Семь лет в Тибете" познакомился с 31-летней немкой Катей Вон Гарнье, поставившей картину "Разбойники". После нее у него были романы с актрисой Клер Форлани, его партнершей по фильму "Знакомьтесь, Джо Блэк", и с певицей группы "All Saints" Николь Эпплтон.

Лежа на диване, Брэд любовался игрившей в телесериале "Друзья" Дженифер Энистон. После встречи она сказала, что "влюбилась в Питта с первого взгляда". Даже терьер Норман, которого Джениффер везде берет с собой, сразу же подружился с Брэдом. Он приехал навестить Энистон в Техас, где она снималась. Когда они встретились, Норман куда-то пропал. Питт сразу же дал объявление в местную газету и вскоре песик нашелся. Оказывается, он "приревновал" свою хозяйку к Брэду.

Они встречались полгода и Энистон так и не могла понять, чем она привлекла самого сексуального мужчину Америки.

"Троя" (2004).

ки. Призрак Гвинет Пэлтроу постоянно маячил у нее перед глазами: она понимала, что уступает ей в утонченности, манерах, белизне лица и тонкости запястий. Брэду же нужна была жена, уступающая ему в звездности, разрешающая ему вес-

ти обычный разгильдяйский образ жизни и смотрящая на него с восхищением.

Пресса назвала их пару самой стильной парой года. Измучив себя сомнениями, Дженин заявила, что согласна стать женой Брэда.

Свадьба и будни

Свадьба обошлась в миллион долларов: 75 тысяч ушло на цветы, 100 — на поддержание закрытости мероприятия, остальное разошлось на пиршество. Брэд поклялся всегда идти на компромиссы, а Дженнни заявила, что всегда будет готовить ему любимый бананово-молочный коктейль. На свадьбе присутствовали актеры Эдвард Нортон, Сальма Хайек, Камерон Диас, Джаред Лето, Клер Форлани, Мэтью Перри и другие.

После свадьбы разразился скандал: мать Энистон — Нэнси Хастон не была приглашена, так как они ненавидят друг друга. Дженинфер не прощает ее недостаток — болтовню с журналистами с воспоминаниями интимно-семейного свойства. Нэнси Хастон написала книгу "Дочь и мать — близкие друзья", в которой попыталась реабилитировать себя. О Питте она поведала, что он не соблюдает личную гигиену и плохо пахнет.

Через две недели после свадьбы Дженинфер увидела своего мужа лежащим на диване с банкой мороженого, нечесаного и небритого, в мятой пижаме. Настроение у Брэда было превосходное. Именно этого ему не хватало во время встреч с Гвинет. Она бы не позволила ему ходить по дому в домашних тапочках с недельной щетиной.

Супруги купили себе особняк на Беверли-Хиллз за 14 млн. долларов. В нем имеется шесть спален, шесть ванных комнат, гимнастический зал, частные кабинеты, одна столовая в традиционном стиле, другая столовая-люкс на десять персон с белыми креслами, комната с желтоватыми диванами, оклеенная желтыми обоями, бело-голубой салон, камин, зеркало в стиле барокко. Площадь двухэтажного дома — 1115 квадратных метров. Брэд использовал в оформлении самые новые интерьеры и новейшие тенденции декора. Обладатели этой роскоши разгуливают по городу в рваных шортах, ужасных ковбойках и в обычных "вьетнамках" на ногах.

Дженнифер случайно увидела свои "пиратские" фотографии в одном журнале: папарацци поднялся на крышу соседнего дома и сфотографировал ее, когда она принимала ванну. Энистон не хотела оголяться перед всей Америкой, к тому же она выглядела на фотографии неприглядно. Во всяком случае, с таким телом нельзя попасть в топ-лист самых популярных звезд Голливуда. С Дженнни случилась истерика. После этого Брэд помог ей выиграть судебное дело против журнала.

У супружеской пары возникла очередная проблема: Дженинфер никак не могла забеременеть. Врачи сказали, что она измучила свой организм диетами. Брэд решил, что ей надо сменить обстановку и Энистон согласилась сопровождать мужа в Австралию, где в течение полугода должны были проходить съемки нового фильма с участием Питта. К тому же Дженинфер решила научиться играть на гитаре.

Обаятельная небрежность

В отличие от Тома Круза, натужно старающегося выглядеть мужественным, Питт без напряжения ведет почти детский образ жизни. Как и дети, он любит валяться на диване, смотреть телевизор и есть мороженое. В то же время Брэд бравирует своей небрежностью и в поведении, и в одежде.

Во время съемок фильма "Бойцовский клуб" президент компании "Фокс 2000" Лаура Зискин в ужасе воскликнула: "Брэд всегда старается выглядеть хуже, чем он есть на самом деле: надевает темные контактные линзы, коронки, имитирующие гнилые зубы, делает страшные прически, но, как ни странно, хуже от этого он не становится".

Дженнифер побрила ему тогда голову наголо. "Я чувствую себя превосходно, — воскликнул хулиган. — Это лучшая прическа, которую я когда-либо имел". К тому же ему удалили коронку

с переднего зуба, и от миловидного героя-любовника Тристана из фильма "Легенды осени" не осталось и следа.

На голливудские мероприятия Питт, протестуя против условностей, никогда не приходит в смокинг и при "бабочке". Выходить в свет предпочитает в пиджаке на высокой застежке и в белой рубашке с отложным воротничком.

Ненавязчивый шик Питта — дело рук его стилиста Дэниэля Гэлвина. Нарочитая небрежность актера сражает его поклонниц наповал. Складывается впечатление, что ему идет абсолютно все. На съемках фильма "Бойцовский клуб" Брэд носил туфли от Гуччи. Он поклонник анархичного и изящного стиля, и на голливудские вечеринки Питт часто появляется в его костюмах. "Люди, — считает он, — слишком серьезно относятся ко всяkim мелочам, а я даже к своей работе отношусь легко. Может быть, у меня такой стиль".

От Смерти до Ахилла

"Великим актером я себя не считаю, — сказал Питт. — Я — хороший актер, но не великий". Он нашел новый подход к изображению смерти в фильме "Знакомьтесь, Джо Блэк". Брэд даже образ Смерти сумел сыграть обаятельно. Умирать легче, если Смерть — не костлявая старуха с косой, а обаятельный, но непреклонный красавец-блондин. "Я не особенно боюсь смерти, — сказал актер, — хотя и сознаю, что смертен. Работа в кино научила меня тому, что нет ничего постоянного".

В 2000 году Питт сыграл вместе с Джулай Робертс в фильме "Мексиканец" и в криминальной комедии Гая Ричи "Большой куш". Ричи изо всех сил старался сделать серьезный фильм, но приколы, хохмы и умопомрачительные персонажи сделали "Большой куш" уморительным зрелищем.

После двухлетнего перерыва Питт сыграл одну из лучших ролей в своей жизни — роль Ахилла в эпическом

фильме Вольфганга Петерсена "Троя". Брэд прочитал исследования историков, искусствоведов и полный текст "Илиады". "Я понял, — заявил актер, — что Гомер неисчерпаем. Я решил, что буду играть одинокого человека, который пытается найти свое место в жизни. Ахилл — одинок и боится смерти. Поэтому он стремится обрести бессмертие в вечной славе героя. Его ахиллесова пята — метафора душевных метаний".

За полгода до начала съемок начались тренировки. Четыре раза в день Брэд ел специальную пищу, насыщенную протеинами и почти лишенную углеводов. Ему пришлось бросить курить.

С появлением Питта неглавная роль Ахилла стала ведущей. Во время съемок появление актера вызвало нездоровий ажиотаж. Толпы поклонниц сметали полицейские кордоны. "Я совершенно не тщеславен!" — уверяет Брэд. Но роль самодовольного, жаждущего славы Ахилла очень ему к лицу. С рекламных постеров, афиш и журнальных обложек на нас смотрят только лицо Питта. Он же представляет "Трою" в Берлине, Каннах и Токио.

В "Трое" у Питта такой накачанный вид, что в прессе стали писать, что он принимал для этого специальные препараты. Одна из лучших сцен фильма происходит между Питтом и Питером О'Тулом. "Я играл, — заявил актер, — с замиранием сердца. Потом я посмотрел эту сцену и убедился еще раз — какой же Питт замечательный актер!"

Питт возглавил студию "План Б", которая стала партнером студии "Уорнер Бразерс" при постановке "Трои". Брэд получил за исполнение роли Ахилла 17,5 млн. долларов плюс проценты сболов от проката.

Весной 2003 года Питт хотел сыграть вместе с Энистон в политической комедии, но решил остаться только продюсером этого проекта, а для жены стал подыскивать партнера. Тогда же он озвучил роль Синдбада для мультфильма "Синдбад. Легенда семи морей", но его

С Дженифер Энистон.

дикция подкачала, и детям больше понравился пес Спайк.

Как стать секс-символом

Рост Питта — 183 см. Люди приходят в стоматологические клиники и просят, чтобы им сделали зубы, как у

Брэда Питта. В 1999 году на вопрос: "Кого из звезд экрана вы больше всего хотели бы поцеловать?", Питт с большим отрывом обошел соперников. Большинство опрошенных в 2004 году хотели бы смотреть на мир голубыми глазами Брэда Питта и Дженифер Лопес. Теперь он, вместо копны

нечесаных волос, носит короткую прическу.

Но так ли уж красив Питт? Черты лица у него самые обыкновенные. Продюсеры фильма "Троя" обнаружили, что у него слишком худые ноги и хрупкие щиколотки. Пришлось его в некоторых сценах фильма заменять дублерами и при помощи высоких технологий добавлять недостающее. Во время съемок "Трои" папарацци в очередной раз ухитились заснять Питта обнаженным на мальтийском пляже. После этого он мрачно пошутил, что теперь любой читатель журнала с его фотографией сможет определить все недостатки секс-символа.

В этом году Питт проиграл звание секс-символа Джаду Лоу. Мэтт Дэймон очень расстроился тем, что не попал на обложку журнала "People", и Брэд вместе с Джорджем Клуни стали проводить тренировки с Дэймоном, чтобы в 2005 году он стал секс-символом.

Мидасов комплекс

Еще недавно Питт считал, что "главные ловушки для души — красота, богатство и слава". Он полагал, что избежал их, но появились признаки того, что страсть к наживе превращается для Брэда в самоцель. У него, как и у царя Мидаса, есть способность превращать в золото все, к чему он притрагивается. Питт рекламирует кофе и часы, машины и джинсы. Когда ювелирная фирма "Дамиани" стала продавать копии обручальных колец Питта и Энистон, супруги добились получения процентов с продаж. Лозунг "Все на продажу" охватил супругов.

Оказавшись в золотой клетке, Брэд все чаще начинает завидовать своей прежней, беззаботной жизни. Невероятный успех последних десяти лет — это счастье и наказание Питта. Он не может теперь позволить себе проявить простые человеческие слабости. К тому же Дженифер впала в необъяснимую

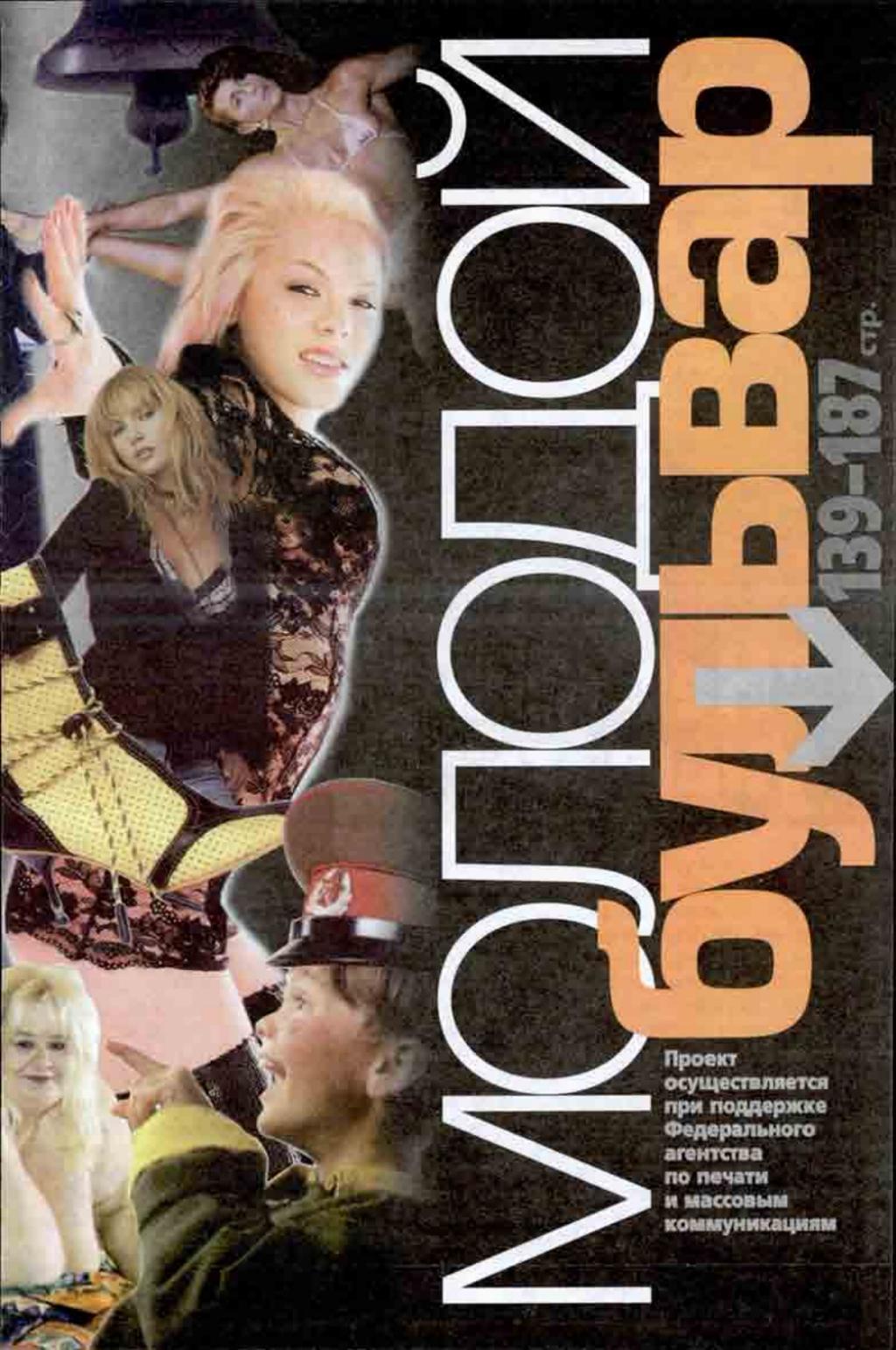
ревность. Она добилась, чтобы в фильме "Миссис и мистер Смит", вместо Николь Кидман, партнершей Брэда стала Анжелина Джоли. Мечты супругов о детях оказались неосуществимыми.

Питт сказал, что "в Голливуде деньги получают тоннами и тоннами же их тратят". В середине 2001 года он купил землю для постройки нового особняка. В июле 2003 года Энистон посетовала: "Как хочется завершить наш долгострой. Мы начали строить полтора года назад, но Брэд уехал сниматься в "Трое" и теперь я заканчиваю дом в одиночку".

Так как съемки часто проходят в Европе, звездная парочка стала подыскивать там подходящий дом. Его продал им за 3 млн. долларов их шеф-повар. Этот особняк находится в Лондоне. Из него повар английского ресторана часто прилетал в Лос-Анджелес, чтобы накормить разленившуюся парочку. Энистон давно и с успехом снимается в телесериале "Друзья". Недавно ее прическу признали лучшей прической всех времен. На Рождество и Новый 2003 год супруги купили друг другу сексуальное шелковое белье, последние новинки х-кино, ароматические масла для массажа.

Питт занят и благотворительной деятельностью. Недавно он был четыре дня в Эфиопии, встречался с ВИЧ-инфекцированными и сделал взнос в фонд помощи больным. За время своей карьеры сыграл роли детективов, маньяков, вампиров и людей разных национальностей: австрийца ("Семь лет в Тибете"), ирландца ("Собственность дьявола"), цыгана ("Большой куш"), грека ("Троя").

Хотя Питт и сказал, когда ему исполнилось 40 лет, что теперь он отвечает за свои поступки и ошибки, комплекс Мидаса делает свое: он покупает особняки, заливая их бессмысленными предметами. Он не может просто прогуливаться по улицам города, не заходя в магазины. Такова судьба актера Питта, такую роль он придумал себе в жизни... ■

СИМФОНИЯ ВСЕЙ ЖИЗНИ

139-187 стр.

Проект
осуществляется
при поддержке
Федерального
агентства
по печати
и массовым
коммуникациям

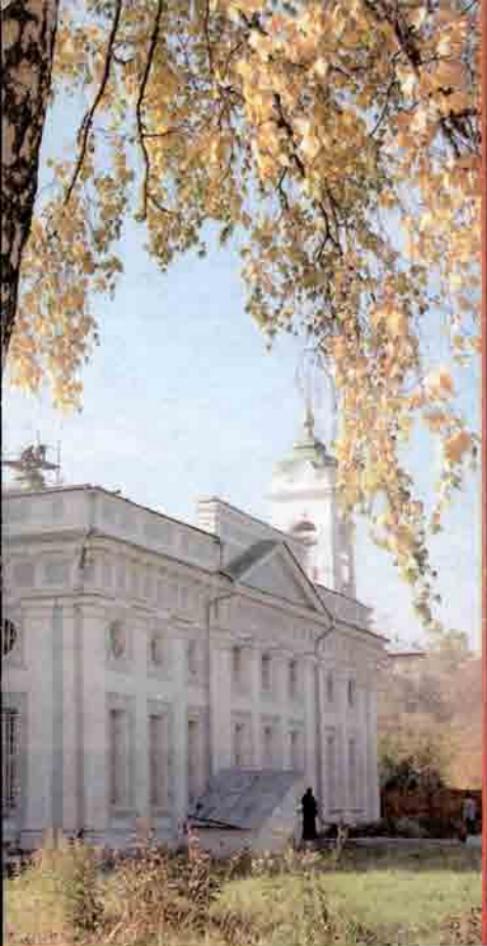
"Нет нам дороги унывать"

О девочках-послушницах я узнала случайно. Один знакомый рассказал, что в Храме Сошествия Святого Духа существует женская община и причем уже давно. Это вызвало мой интерес. Захотелось поговорить с этими девушками, понять, что же их в таком юном возрасте привлекает к почти монашеской жизни? Что их туда привело? Ясно, что ушли они не от несчастной любви, не от неудачной жизни, что это серьезный, глубокий шаг, потому что в церкви совершенно другой уклад жизни, главное, другие приоритеты.

То, что в мире мы делаем ради своего тщеславия, честолюбия, гордости, там же — только ради ближнего и Бога. И условия создаются определенные. В нашей обычной жизни мы подвержены соблазнам, всем

смертным грехам. Хотя и в монастырь уходят не для душевного спокойствия. Монастырь в идеале — это передовая для борьбы с искушением, со злом. Ведь в мире мы подчас живем неосознанно, в духовной спячке, плывем по течению непонятно к какому будущему. Здесь — погоня за телесным, а в монастыре человек уходит за своей душой. Спасись сам и вокруг тебя спасутся другие. Сделать шаг, поменять полностью свою жизнь, это не то что сменить работу или выйти замуж. Кардинально меняется весь образ жизни, ставятся другие задачи и решаются иные проблемы. Там нет работы в нашем смысле слова, а есть послушание, карьеры тоже нет, а есть служение, нет семьи, а есть община, где все на всех и для всех.

фото Владимира Чайкини

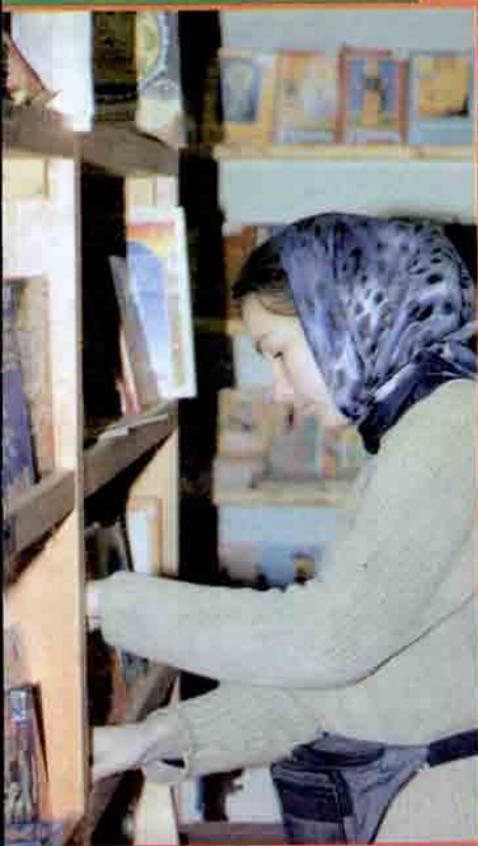

Вот с такими мыслями я шла в общину сестричества. Было немного неловко, пытаясь понять, как вести себя, с чего начать разговор. Но все это быстро прошло. Девушки меня встретили очень радушно, провели сразу в трапезную, посадили за стол, накормили. Трапезная представляла из себя прямо-таки живой уголок. В углу — аквариум, рядом черепаха ползает, попугайчик в клетке. Кругом цветы. На стенах развесаны поучения святых и отцов Церкви: "В каждом деле ради ближнего есть зерно безмолвия" Филарет Московский; "Уныние не от Бога, исповедуй грех и будь весел" Игнатий Брянчанинов; "Путь спасения есть путь не побед, а поражений, после которых нужно вставать и идти дальше" Тихон Задонский. А перед выходом из трапезной

висят такие слова Серафима Саровского: "Радость моя! Нет нам дороги унывать". И действительно, прочитав эти слова, находясь в такой обстановке, меньше всего хочется унывать. Перед трапезой и после нее — общая молитва. Все это позволяет концентрироваться на своем внутреннем состоянии. После трапезы Галина, одна из старших по возрасту сестер, рассказала мне историю Храма. В 1750 году по повелению императрицы Елизаветы Петровны в Марьиной Роще было устроено Лазаревское кладбище как первое городское кладбище в Москве в отличие от погостов — приходских кладбищ. Для поминования умершихозвели деревянный Храм в честь Воскресения Лазаря Четверодневного, откуда кладбище и получило свое название.

С 1782 года начинается строительство нового каменного трехпрестольного Храма вместо обветшавшего. Работы велись за счет Луки Ивановича Долгова, нищелюбца и благотворителя, председателя благотворительного комитета помощи больным. Строительство было закончено в 1787 году, главный придел освящен в честь Сошествия Святого Духа на апостолов. Храм, будучи кладбищенским и не имея прихода, был и остался небогатым. Лазаревскому кладбищу принадлежало 22 гектара земли, из которых ныне к Храму относится лишь очень незначительная самая древняя часть. После октябрьского переворота, несмотря на бурю разрушения, в Храме продолжали совершаться службы Богу.

В один из воскресных дней 1932 года Храм внезапно оцепила милиция, и настоятели объявили о его закрытии и конфискации имущества. Здание передавалось заводу под общежитие для рабочих. А в 1936 уничтожили и Лазаревское кладбище, а на месте похороненных умерших, "на костях", устроили детский парк и танцплощадку.

Храм вернули Церкви в 1991 году, хотя еще несколько лет после этого в трапезной части находились мастерские Театра оперетты. Сейчас настоятелем Храма является отец Сергий (Рыбко). При нем возникла женская община, сестричество. Девушки бескорыстно трудятся при Храме. Именно их усилиями была восстановлена церковь.

В советское время были закрыты практически все монастыри. Действовали только несколько, куда люди, по словам Галины, съезжались, как в зоопарк, посмотреть на живых монахов. В 1988 году открылась Оптинская Пустынь. Отец Сергий и уехал туда. К нему начала подъезжать молодежь, большинство из них — девушки. Они впоследствии и составили женскую общину. Все получилось само собой.

"Наша община отличается тем, что она собралась органично. Чаще всего открывается монастырь, и туда собираются люди, которые стремятся служить Богу, но иногда происходит так, что у них возникают различные взгляды на духовную жизнь. Сила нашей общины в

том, что собрались глубоко единодушные люди", — рассказывает Галина.

Галине 32 года. Когда она начала ездить в Оптину Пустынь, ей было чуть больше двадцати лет. Поэтому я спросила, что в таком юном возрасте ее привлекло в послушничестве?

"Жизнь была такая серая, неинтересная. Мы все чего-то искали. Как поет Гребенщиков "Сны о чем-то большем". Человек и начинает искать чего-то большего. Я начала задумываться благодаря Высоцкому, потом увлеклась рок-музыкой, была "аквариумисткой". А в монастыре свои скорби, свои труды, своя работа над собой. И если в уходе в монастырь искать какого-то утешения от мирских горестей — не получится ничего. Монашеская жизнь радостная, но она требует труда. Чтобы приобрести духовную радость, нужно духовно пострадать".

Чтобы духовно пострадать, Галина бросила филологический факультет МГУ на четвертом курсе. "Невозможно, конечно, проводить молитвенную жизнь и при этом посе-

щать учебные заведения, которые требуют много времени и дают много впечатлений не всегда полезных".

С этого времени ее жизнь всецело отдана служению Богу, сестричеству.

Самая старшая в женской общине — сестра Вера. Ей тридцать шесть лет. Ее судьба примечательна. Окончила университет, юридический факультет. Работала юристом.

"По юридической практике ко мне приходили православные люди со своими проблемами. Они познакомили меня с Храмом Сожествия Святого Духа. Рассказывали, как себя ощущают, как воспринимают веру, что они делают в Храме. И заинтересовали меня со временем, хотя я еще тогда не была крещеной, только собиралась. Я видела, что люди, которые служат Богу, не имеют никаких других корыстных целей, и приложение их сил не уходит впустую, оно отдается людям, отдается Богу и тем самым приумножается. Было видно, как это все сплачивало, в отличие от обычной мирской суеты".

Самая младшая из сестер — Наташа Ко-
жевникова. Ей сейчас четырнадцать лет. Жи-
вет при Храме уже год, а до этого часто при-
ходила помогать, "даже где-то лет с пяти".
"Мне хорошо здесь, в обычной школе мир-
ское общество, а здесь между сестрами ду-
ховная атмосфера, я чувствую, что меня лю-
бят. Люди совсем по-другому общаются. Я
даже когда маленькая была, понимала это".

Несмотря на то, что Наташа младше ме-
ня — разницы в возрасте не ощущалось никакой. Серьезная, рассудительная девочка. В на-
шу жизнь ей возвращаться совершенно не хо-
чется. "Смотришь на человека, он для всех
старается сделать добро, все с любовью дела-
ет, а в миру совсем не так. Человек там может
грубо ответить, обидеть. Совсем другие идеа-
лы. Люди в миру живут, у них же на самом де-
ле даже нет цели, они ни к чему не стремят-
ся". Нет, конечно, стремятся, только не к тому,
к чему Наташа — "чтобы иметь больше люб-
ви к ближним, быть ближе к Богу". Родители
у Наташи верующие люди. "Папа сначала ра-
ботал в Храме, пономарил, сейчас он священ-
ник. Мама тоже помогает при Храме".

Похожая ситуация и у Саши Каштано-
вой. Ей сейчас девятнадцать. Что ее привело
в церковь? "Получилось так, что у меня ма-
ма верующая. Поэтому в Храм, сколько себя помню, хожу. С батюшкой мы познакоми-
лись в 1989 году в Оптиной Пустыни, а в Мо-
скву приехали в 1993 году. Выходит, что уже
больше десяти лет здесь живем. А что при-
вело? Так сложились обстоятельства. Те-
перь какой-то другой жизни я не представ-
ляю". Но обстоятельства сами по себе не
складываются, во всем есть Промысел Бо-
жий. Можно вырасти в безбожной семье, но
быть верующим человеком; можно, наобо-
рот, воспитываясь верующими родителями,
стать атеистом, нигилистом, революционе-
ром. Но хорошо, когда все в гармонии, и роди-
тели верят, и дети, когда существует един-
ство взглядов по такому важному вопросу.
Но все-таки, что же притягивает молодых
девушек пойти послушницами?

"В какой-то момент человек понимает,
что перед ним стоит выбор пути. Какой он?
Выучиться, приобрести профессию, создать
семью. А все равно без Бога человек впадает

чуть ли не в отчаяние, он не знает, ради чего вся эта жизнь. Кончится она понятно чем. Получается, что человек приходит к Богу, ищет ответы на свои вопросы", — говорит Саша.

Я спросила у нее, чем она здесь занимается, какой распорядок дня?

"Дело в том, что у нас каждый занимается всем обычным. У нас составляется расписание с вечера, и человек ставится на определенное послушание. Так я на клиросе пою, регентую, на кухне".

Кроме этих послушаний, существуют еще издательство и книжный магазин. За счет дохода с издательства и восстановлен Храм. Литература издается в основном аскетическая, монашеская, которая имеет целью дать ответ на главный вопрос "Как спасать свою душу?"

"Батюшка очень хороший организатор и он сумел так устроить жизнь, что все бывают на литургии, на вечерней службе — по возможности, а праздничные службы — обязательно.

При этом трудов достаточно много, но они как-то посильны. Жизнь организована так, что хватает времени на все. И Храм восстанавливается, и не в ущерб духовной жизни. Очень много книг. Каждая сестра имеет библиотеку собственную. Выходит книга, батюшка благословляет всем ее взять", — рассказывает Галина.

Сейчас у отца Сергея и у сестер появилась еще одна обязанность — это строительство нового Храма в Бибирево, большом спальном районе Москвы. Старая церковь не вмещает много людей, слишком маленькая. И отец Сергий благословил на эту работу. Опять-таки, строительство ведется за счет издательства. Крупных спонсоров у Храма нет. Так что сейчас все силы сестричества и прихода сосредоточены именно на этом строительстве.

С сестрами я проговорила до позднего вечера. Мне предложили остаться переночевать. Я согласилась. Вечером, после службы была трапеза, а после нее — опять послушание. И посуду убрать, помыть, на завтра все приготовить. Так что работы, действительно, хватает. Только за полночь все ложатся спать.

В этот вечер я испытывала необычное волнение, особенно в разговоре с сестрами.

Есть между ними, и более старшими, и младшими, единство в основных взглядах. У всех было стремление, сначала неосознанное, к чему-то большему, что предлагает современная жизнь, она их не устраивала, мирские цели казались или малы, или неинтересны, или вообще не существовали. Но был поиск истины. А поиск Истины — это поиск Бога. Иисус Христос сказал: "Я есмь Путь, и Истина, и Жизнь". Быть ближе к Богу — вот основная цель их пребывания в сестричестве. И никто из девушек, с кем я говорила, не хочет вернуться в мирскую жизнь.

"Домой, к маме — это в качестве наказания", — шутит отец Сергий.

Все девушки очень серьезно относятся к своему послушанию и в дальнейшем, правда с оговоркой, как будет Божья воля, они хотели бы жить именно так, а большинство готовятся уйти в монастырь. Хотя уже сейчас девочки ведут жизнь похожую на монашескую.

"В данном случае, я не знаю, как другие, бывают сестричества благотворительного характера. У нас сестричество монашеского направления. То есть берется все то, что можно взять от монашества полезного, но при этом формально это не монастырь, нет постригов. А так, вообще-то, собирались люди, которые стремятся жить монашеской жизнью, но форму это имеет свободную — сестричество", — говорит Галина.

Вот так вот и живут девушки, в послушании, в молитве и посте. Самый действенный способ против греха и соблазна — молитва и пост. Другой жизни не хотят, ни развлечений, ни танцев, ни богатства, ни славы. Не себя славят и превозносят до небес, а Бога. И главное, делают это правильно. Раньше слова православный и русский отождествляли. Если ты православный, то значит русский. И наоборот. Сейчас у нас свобода совести: ты можешь быть неизвестно какого исповедания, оккультистом, буддистом, индустом, или всем вместе — экуменистом — это когда все религии равны и вперемежку. И все равно ты будешь русским. Но все-таки Россия в первую очередь — это Россия православная, христианская. "Россия сама спасется и весь мир спасет", — сказал Достоевский. Да, спасется молитвами святых и таких вот девочек.

Екатерина ПОСТНИКОВА

Дети забытых полков

Ну, здравствуйте, дорогие читатели! В прошлом номере я обещала рассказать вам о детях военнослужащих, и начать хочу с одной весьма показательной истории. Если вы помните, в незабвенные советские времена в нашей стране была определенная напряженка с детскими садами. Впрочем, она и сейчас вроде бы есть... Но тогда, а особенно в далеких военных городах, понятия "детский сад" иногда просто не существовало, и каждый семейный офицер, прибывший по распределению куда-нибудь в Забайкалье, должен был в первую очередь решить проблему: что делать с ребенком. Хорошо, если не работает жена. А если работает или даже служит в той же части, да еще пять дней в неделю?..

молодой бульвар

Пятилетнего Стаса привезли в полк связи, расположенный на китайской границе, лютой зимой. И отец (капитан), и мать (прапорщик) сразу отнесли документы в отдел кадров и там же узнали "радостную" новость: крохотный детсад в соседнем поселке забит до отказа, детишек туда не берут уже полгода, а ближайшее дошкольное учреждение находится хоть и не очень далеко (буквально через реку Амур), но отдать туда мальчика никак не получится — Китай все-таки, язык знать надо. Молодые родители повздыхали и пошли путем наименьшего сопротивления, то есть принялись таскать сына с собой на службу. Поскольку папа принял должность начальника автослужбы, а мама трудилась в пищеблоке, у Стаса появилось сразу два отличных места для игр: автопарк и офицерская столовая. Казалось бы, ну кому там помешает пятилетний ребенок? Он бы и не мешал, если бы был по характеру хоть чуть-чуть спокойнее. Но маленький Стас по своему психическому темпераменту больше всего напоминал мальчика из рассказа О'Генри "Вождь краснокожих", и тихие игры в уголке его совершенно не прельщали. Поэтому уже в первую неделю малыш совершил несколько героических поступков, например, вывалил пачку соли (1 кг) в кипящий на плите котел с борщом, свистнул крышку трамблера у нелюбимого бойца из автомобильного взвода, запер в боксе чеснок строгого прапорщика (напоминаю, дело было зимой и отнюдь не в Крыму), включил на максимум духовку, в которой карились к Новому году куры для командования, разрисовал чертиками все папины служебные документы и соорудил из маминой белоснежной "uniformы" маскарадат для ползания по снегу.

Вторая неделя ознаменовалась тем, что Стас самовольно вылез за территорию и отправился бродить по берегу реки, где был отловлен пограничниками и выдал себя за китайского шпиона (я не шучу). Командир вызвал к себе несчастного папу — "автомобилиста" и строго посоветовал ему заняться воспитанием сына, иначе последуют санкции. На робкий вопрос: "Какие именно?" полковник отреагировал, как всегда: "Вы

мене тут не огрызайтесь!", что в переводе на человеческий язык означает: "Какие, пока не знаю, но мало тебе, капитан, не покажется!"

Стасика заперли в комнате общежития, откуда он удрал через форточку (первый этаж) и вывихнул себе лодыжку. В части начали посмеиваться и посоветовали молодым родителям поставить на окно решетку. Кто-то добавил: "А ребенка посадить на цепь!" И тогда капитан понял: надо что-то делать. А что делать? Правильно: иди за советом к замполиту.

"Хорошо, что пришел! — Замполит, молодой майор, был настроен сочувственно и доброжелательно. — Сейчас мы тебе найдем Фрекен Бок в штанах!" С этими словами он снял телефонную трубку, позвонил в какое-то подразделение и приказал вызвать сержанта с необычной фамилией Доктор. Тот явился незамедлительно и сразу произвел на капитана неизгладимое впечатление своим богатырским сложением и полным отсутствием задумчивости в маленьких цепких глазах. "Ну что, брат, — замполит разрешил сержанту сесть и даже предложил ему сигарету, — хочешь дослужить до дембеля спокойно и счастливо? (Доктор кивнул.) Хорошо. Сейчас пойдешь вот с этим офицером, возьмешь его паспорта и до весны сделашь из него человека. Понял? (Снова кивок.) Только учти: не быть, матом при нем не ругаться и очень сильно по стадиону не гонять. Все, иди!" Капитан смерил новую нянью испуганным взглядом и поинтересовался: "Товарищ майор, а он Стасика не угроубит?" Майор засмеялся: "Это еще кто кого..."

С того дня все ЧП в части сразу прекратились, и ребенка будто украли, настолько стало тихо и спокойно. К концу зимы маленький Стас научился преодолевать полосу препятствий, разбирать АКМ, ходить строевым шагом, считать до десяти и писать свою фамилию печатными буквами. С сержантом ему было весело и интересно, правда, сам сержант ближе к дембелю выглядел невыспавшимся и похудевшим. До увольнения ему еще предстояло подготовить себе замену: нового дрессировщика для Вождя Краснокожих (как все называли Стаса), который

сумел бы как следует натаскать мальчика к школе...

А как вы думали? Воспитание ребенка — дело непростое, и, если нет детского сада, родителям-военнослужащим приходится как-то крутиться. Слава Богу, если под рукой есть личный состав, вот его-то и задействуют для благородной миссии. Я сама знаю об этом не понаслышке. Когда мне было три с половиной года, папа (который считался так называемым "отцом-одиночкой") нашел мне первую няньку, здоровенного ефрейтора, жутко взрослого по моим тогдашним понятиям. Сколько крови я выпила из этого ефрейтора, уже не помню, но уверена, что "дядя Леша" (как я его называла) долго потом не решался заводить собственных детей.

Больше всего ребенку везет, если его отец — кто-то из командования крупной воинской части или просто поддерживает с командованием хорошие отношения. В этом случае "нянька" поступает в его полное распоряжение и от остальных обязанностей ос-

вобождается. То есть несчастного солдата на все два года отдают на растерзание маленькому чудовищу. Если же отец — не начальник, а обычный офицер, с его ребенком сидит поочередно то один, то другой солдат, от чего процесс воспитания, конечно же, хромает.

В некоторых частях идут другим путем: организуют собственный детский сад. Для этого выбирают женщину-военнослужащую с педагогическим образованием, ставят ее на фиктивную должность, выделяют помещение где-нибудь в казарме, и новоявленная воспитательница сидит со всеми малышами сразу, получая за это нормальный должностной оклад и небольшие презенты от родителей (за моральный ущерб, наверное). По такому же принципу комплектуются и гарнизонные школы, особенно младшие классы, для преподавания в которых особая квалификация не нужна.

Помню случай: классе во втором учительница дала мне за что-то подзатыльник, я тут же пожаловалась отцу (замполиту части),

тот вызвал негодяйку к себе и (я подслушивала) зловеще пообещал "запихнуть ее обратно в аппаратную, если она не прекратит издеваться над ребенком". Учительница всхлипывала и обещала стать паникой, поскольку в связи была ни бум-бум и возвращаться к своим прямым обязанностям, конечно, не хотела. И пошли у меня одни пятерки...

Конечно, все это плохо и неправильно, но иногда у военнослужащих, имеющих маленьких детей, другого выхода просто нет. Ну, не думают у нас о детях! В крупных городах и поселках — да, там проще, отвел отприска в государственный детсад или школу, и голова у тебя не болит. А ведь есть части, расположенные за полярным кругом, в глухой степи, на границе, в тайге и так далее... Как сказал однажды папин командир: "Думать надо было, что делать: или размножаться, или в армию идти!"

Ребенок, который растет и воспитывается в воинской части, отличается от своих "гражданских" сверстников, как небо от земли. Он привыкает к совсем иным отношениям между людьми, к другим категориям добра и зла, "правильного" и "неправильного". Целыми днями взрослые люди на его глазах играют в "зарницу", разговаривают на странном языке, носят одинаковую одежду, зачем-то выстраиваются в колонны и подолгу бродят так по периметру плаца, потом внезапно срываются и куда-то бегут, короче, дитя живет в атмосфере "экшн" круглые сутки и, конечно же, впитывает эту атмосферу вместе со столовской пищей, характерными пейзажами и интерьераами воинской части, родительскими разговорами дома, в общем, всем тем, что позже он станеткладывать в понятие "романтика".

Да-да, романтика. Психологи доказали, что детство — самое романтическое время в жизни человека. Все, что личность увидела и усвоила, будучи ребенком, навсегда останется окутанным неким ореолом таинственности и необычности. И хоть сто раз объясни этому человеку, что проторчал он лет до шестнадцати в каком-нибудь заштатном ба-

тальоне химзащиты, он все равно будет помнить свое детство как сказку.

Что же потом? По статистике, более 80 процентов детей военнослужащих пытаются, став взрослыми, пойти служить в армию. Процент этот особенно высок именно среди "детей полка", то есть, тех, кто вырос в закрытых военных городках. Мальчики идут в военные училища и становятся офицерами, девочки, если не удалось куда-то поступить, пытаются служить по контракту. Многие даже делают блестящую карьеру. Из "детей полка" чаще всего получаются так называемые "идейные" военные, они служат ради самого процесса службы, а не за квартиру, льготы или другие блага. Таким людям можно вообще ничего не платить, они все равно будут с завидным упорством выполнять свои должностные обязанности...

Но в душе почти каждый из них испытывает разочарование, некоторые — даже глобальное, поскольку реальная армия невыразимо далека от того образа, который они себе нарисовали, и совсем не похожа на сказочный мир детских воспоминаний. К тому же, после "перестройки", когда СССР приказал долго жить, вместе с ним умерло и очень много хорошего, что было в советской армии. Теперь войска не те и люди в них тоже другие. Но бывший "сын (или дочь) полка" об увольнении и новой работе обычно даже не думает и изо всех сил пытается хоть как-то адаптироваться в той среде, в которую попал. Ему, конечно, тяжело. Но из года в год он надеется хоть как-то, хоть где-то воскресить для себя маленький мирок, в котором вырос.

Андрей, майор запаса (МВД), ветеран Чеченской войны, 39 лет:

— Мой отец был подводником, но после болезни его перевели "на сушу", в небольшую часть в 100 километрах от Мурманска. Мы жили в огромном бревенчатом доме прямо на территории, мама работала медсестрой в санчасти, а я учился в школе и понапацу мечтал стать вовсе не военным, а спортсменом. Занимался борьбой (самбо, дзюдо, каратэ), плаванием, штангой, бегом, имел по тяжелой атлетике 2 юношеский разряд. Учили-

ся тоже неплохо, без троек. Потом отец увильялся, нам дали в Мурманске квартиру. И что ты думаешь? После школы я почему-то пошел в военное училище. Даже не помню, почему именно туда. Просто чего-то не хватало в жизни, не хватало именно вот этого, армейского, хотелось снова "окунуться" в напряженную военную жизнь. После выпуска попал в дивизию МВД, долго мотался по командировкам, служил в разных частях, полтора года в общей сложности провел в Грозном и его окрестностях. Видишь, челюсть плохо двигается? Это первое ранение, в лицо, четыре месяца ни жевать, ни говорить не мог. Второй раз ранили в спину, повредили позвоночник, долго лежал в госпитале. Но и после госпиталя еще служил. Сейчас на пенсии по льготной выслуге, работаю в охране. А где еще? Я же ничего больше не умею.

Валерий, старший прапорщик (ВДВ), 35 лет:

— А я доволен жизнью. И отец мой был военным (ракетчиком), и мама служила (связисткой), и я служу, и даже сын мой "в династию" пошел, он в Суворовском училище учится. А что? В армии хорошо. Во-первых, социальный пакет, все-таки государственная структура. Во-вторых, пенсия на 10 лет раньше, чем на гражданке. В-третьих, квартиру скоро дадут. Да и вообще... Что, романтика? Да, и романтика тут тоже есть. Я, например, до сих пор от тревог тащусь, это с детства еще осталось. Серьезно! Мы в военном городке жили. Как тревога, я тоже вставал и откуда-нибудь из-за кустов наблюдал, как взрослые строятся. Я же не знал, что это не по-настоящему, маленький был. Круче, чем в любом кино. Сейчас-то все понимаю, а интересно... Чего смеешься?

Анна, младший сержант по контракту (связь), 26 лет:

— А меня форма "прикалывает". Всегда мечтала форму носить, мне никакая другая одежда так не нравится, как камуфляж. И учения! Прошлым летом мы на две недели выезжали, жили в лесу, в палатках, полевую связь тянули, огромную аппаратную выкатили, антенны подняли, и я училась на ней работать. Кормили нас из полевой кухни, а душ сделали из бочки со

шлангом и полиэтиленовой пленки. Еще мне нравилось на учениях делать "разведку на местности", составлять топографические карты. Это же интересно! Мой папа и сейчас, кстати, служит, он командир части (не моей). А мама домохозяйка. Когда я маленькой была, мы с ней часто к отцу на учения приезжали, навестить, гостицы ему привозили, он меня на танке катал. А что? В армии намного лучше, осмысленнее, чем в каком-нибудь офисе штаны противоречат.

Вот такие мнения. Даже если человек разочаровывается в службе, какой-то остаток той самой романтики в душе не дает ему написать рапорт на увольнение и равнодушно уйти на "гражданку". Все, что не связано с армией, для такого человека "не то", "не настоящее", и так будет до конца его жизни. Может быть, есть смысл воспитывать военных именно так: выращивать их в закрытых городах, а потом выпихивать в "мирную", а потому — чужую жизнь. Они в армию все равно вернутся.

А что до Стаса, о котором говорилось в начале статьи, то его судьба сложилась вполне "в тему". Отслужив срочную в морской пехоте, он попал в военный НИИ и занимается сейчас разработкой специальных средств для войск, так называемой "системой жизнеобеспечения ХХI века". Сюда входят и особое питание для солдат, и модифицированная униформа, и обувь, и различные приспособления, облегчающие жизнь человека в условиях военных действий. В общем, весь комплекс "удобств" для солдата.

Стас уже майор, несмотря на молодой возраст — 28 лет. О своей службе он может рассказывать часами, поскольку уж в его-то деятельности романтики хоть отбавляй.

— А я помню того сержанта, — говорит он. — Классный был мужик. Именно благодаря его "школе" я пошел в войска. Правда, настоящего морпеха из меня не получилось, ну ничего, мне в институте больше нравится. Что это за спецсредства? А-а, это долгий разговор. Во-первых...

Стоп! Об этом (и о многом другом) — в следующем номере. ■

Гульнара УМРЯЕВА

Хочешь жить – умей вертеться

PRESS
MEDIA CO. LTD.

просим
один раз в неделю
а также публиковать
запросы о пресс-конференциях
и выступлениях
и на конференциях
и выступлениях

Вряд ли кто-то будет отрицать, что мы живем в век денег. Сегодня если не все, то очень многое решают именно они, родимые. И приходят к нам разными способами. Самый популярный — работа. Хочешь хорошо одеваться, ходить в кино-театр-клуб, учиться в конце концов — плати деньги, а значит, работай.

Я учусь на дневном отделении Московского Педагогического Государственного Университета на журналиста-переводчика. И, как у любого студента, чаще всего у меня возникает одна проблема: где взять средства на все удовольствия, присущие моему возрасту. Попросить у родителей? Но сколько можно? Каждый день: "Пап, дай деньги". А так хочется и в Макдоналдсе посидеть с друзьями, и в боулинг сходить. Ну не зарабатывают мои родители столько, чтобы оплатить все это. Что делать? А то же что и все — идти работать.

Конечно, работа со всех сторон на тебя не валится. Но это если искать ее с закрытыми глазами. В первый раз я пошла работать в 17 лет. Первое мое место — ресторанчик "ТУК-ТУК" в торговом центре "Атриум" около Курского вокзала. Говорят, первый опыт любви бывает жесток, оказывается, не только любви, но и первый опыт работы. Ресторанчик этот наподобие Макдоналдса, то есть быстрого обслуживания. Нашла я эту работу в газете, просто прочитала объявление и пошла. В итоге каждый день после института я бежала на работу. Восемь часов стояла около кассы, при этом не только считала деньги, но и собирала заказ, а иногда еще успевала что-нибудь готовить. В 12 часов ночи наша бригада уходила домой. Вся дорога до метро сопровождалась стонами привокзальных бомжей, бойнями местных алкашей и приставаниями приезжих попрошайек. В час ночи я приходила домой, в семь вставала, собираясь в институт. За все это "удовольствие" я получала 25 рублей в час, 200 в день, 4500 в месяц. Вначале меня вроде все устраивало. Новые эмоции, новые знакомства. Все бы ничего, пока не пришло время получать зарплату. В течение 2-х недель нам оттягивали этот день. И тут на меня накатило, что пора сматывать

удочки. У ресторана начались проблемы с арендой, с налоговой. Да и у меня появилась "маленькая" проблемка — недостача в 300 рублей. Впервые за полтора месяца недостача. Кстати, в этот день без меня с моей кассы сняли выручку около 15 тысяч рублей. При мне деньги не пересчитывали. Пришлось выплатить из своих денег. Это стало моей последней каплей. На следующий же день я ушла. Но эпопея продолжалась еще пару месяцев. Все это время я пыталась забрать свою зарплату, пусть и небольшую. В итоге достала там всех. Но зарплату мне все-таки выдали. На этом с ресторанами я завязала.

Зато теперь я знаю: многое, что мы едим в ресторанах быстрого обслуживания, прежде чем попасть в наш желудок, проходит длинный путь и часто не совсем полезный. Еда может несколько раз побывать на полу, несколько месяцев проторчать в холодильнике вместо положенных двух недель, в пище могут обнаружиться чьи-то ногти, волосы. И самое ужасное, что любой из нас может это съесть.

Мне кажется, около 50 процентов студентов работают именно в таких заведениях. Кофейнях, ресторанах пиццы, Макдоналдсе, Ростиксе и многих других. Конечно, в этой работе есть плюсы. Во-первых, удобный график. Как правило, от 4 до 10-ти часов в сутки. Есть возможность совмещать работу с учебой. Во-вторых, пусть небольшие, но все-таки деньги. В третьих, если ты себя ассоциируешь с ресторанным бизнесом и тебе нравится по несколько часов торчать на кухне, то туда тебе и дорога. Потому что там можно достаточно легко подняться по карьерной лестнице. Но есть и минусы. Работа тяжелая, особенно для тех, кто стоит за кассами. Вдруг случайно перепутаешь 50 рублей с 500 рублями, будь добр — плати недостачу. Про туалет, разговоры с коллегами и многое другое тоже можешь забыть. Особенно если кассиров не хватает. Если работаешь на кухне, забудь про нормальный маникюр и ухоженные ручки. Про ресторанный бизнес можно говорить бесконечно долго. Все зависит от того, что за ресторан. По мне, так нужно иметь либо страсть к кухне, либо остро

нуждаться в деньгах, чтобы пойти работать в такое заведение.

Наступили каникулы. Как любой уважающий себя студент, я всеми силами бросилась на поиски работы. Казалось бы, найти ее в Москве — раз плюнуть. Ах нет! В основном я искала работу продавца-консультанта одежды. Но все бутики как будто говорились. Собеседование заканчивалось на том, что я студентка дневного отделения без опыта работы. Объяснялось это очень просто. "У нас полный рабочий день. Через два месяца вы нас покинете, так как начинается учеба. И какой смысл нам обучать вас, тратить наше драгоценное время?" Некоторые сразу говорили: "Без опыта работы не берем!" Я пыталась объяснить — откуда у 18-летней может быть опыт работы. Ведь как написано во всех объявлениях: "требуется девушка 18-25 лет". Пишите тогда с 21-го года. Моя борьба с работодателями продолжалась в течение месяца. Весь июль прошел на собеседованиях. Конечно, можно было запросто пойти работать курьером в какую-нибудь фирму. Ну почему я должна бегать целый день по жаре с сумками за 3 тысячи рублей. В итоге чувство алчности победило гордость, и весь август я работала тем самым курьером. Таскалась по Москве в поисках нужных адресов, возила с собой кучу денег, постоянно молясь, чтобы меня не грабанули за ближайшим углом. Курьер — должность, востребованная всегда. Просто не все способны "бегать на побегушках": кому-то не хватает здоровья, кому-то мешает чувство собственного достоинства. Но мне кажется, что для студентов работа курьером — очень неплохой вариант. Конечно, если есть возможность совмещать с учебой.

Пришла осень, и я в очередной раз решила сменить место моего трудового обитания. Долго пыталась найти работу на вечер или со свободным графиком. И тут впервые обратила внимание на слово "мерчендайзер" в газетных объявлениях по устройству на работу. Мерчендайзер — торговый представитель, он следит за выкладкой товара, делает заказ, если товар закончился. Супервайзер — человек, следящий за мерчендайзерами, за их работой. Еще не

запутались? Кстати, менеджер — человек, следящий за супервайзерами и мерчендайзерами.

Самой приемлемой оказалась работа торговым представителем. Устроила меня подруга. Просто она не могла работать во время сессии, поэтому предложила мне поработать вместо нее. Так я попала в скромную компанию по распространению освежителей воздуха. Менеджер фирмы — скромный индус из Бангладеш Хаким. Около семи лет назад он закончил РУДН и остался в России. Компания работает с такими магазинами как Рамстор, Спар, Твой дом, Ашан и т.д.

В принципе, работа нетрудная. Каждый вечер обезжаю один-два магазина и следить за товаром. Если его нет, то делать заказ. Работа мне понравилась. Правда, после учебы приходилось каждый день вместо того, чтобы ехать домой, обезжаю пол-Москвы, так как магазины располагались в разных районах: на Спортивной, Краснопресненской, Комсомольской, ВДНХ. Зато я получала каждый месяц свои законные 6000 рублей, особо не напрягаясь. Есть минусы — работа без трудовой книжки, без трудового договора, то есть на честном слове. И еще весьма маленький шанс подняться по карьерной лестнице. Зато сколько эмоций! Конечно, закалку надо иметь крепкую. Например, есть в одном магазине замдиректора, который вместо того, чтобы помогать, доводит всех девчонок до слез, а ребят до белого каления. И то сказать, всего за каких-то полгода он вырос из простого продавца до замдиректора. Вот крышу у парня и снесло. Считает себя вправе накричать без причины, нахамить. За год работы в этом магазине единственное, что я увидела в нем хорошего — смазливую мордашку.

Как всегда — первое время самое трудное. Ты никого не знаешь. Бегаешь от одного продавца к другому, пытаясь узнать, где находится комната заказов, кто старший продавец, у кого подписывать заказ. Часто они сами много не знают. Некоторое время спустя работа начала налаживаться. Если нужна помощь, всегда знаешь, к кому обратиться. Вообще, магазины самообслуживания (Рамстор, Спар и т.д.) — колыбель для

тех, кому нужна работа. Представляете, почти за каждым видом товара следует свой представитель. Просто надо найти компанию, занимающуюся этим. Как правило, объявлений, где требуются на работу мерчендайзеры, полно в любой газете по труду-устройству. Единственное, почти всегда требуют опыта работы. Но я думаю, найдется пара фирм, которые с удовольствием возьмут новичка, правда и платить будут не так много.

Настало лето. В магазинах покупателей особо нет, следовательно, и спрос намного меньше. Вывод — ходить можно реже. То есть два раза в неделю посещать магазины достаточно. Оставалась куча свободного времени и я решила найти еще одно место. И тут подвернулась вакансия агента по сдаче квартир. Устроила меня подруга. Компания МГСН существует уже около 10-ти лет, а отдел открыл новый. Естественно, на первых порах брали без опыта работы. Правда, в объявлении написали: требуются от 25-ти лет с опытом работы. Подруга послала свое резюме. Кстати, ей 19 лет и она нигде до этого не работала. Ее пригласили на собеседование, а потом и на работу. Просто главное в поиске — это удача, ткнуть пальцем в нужное объявление. Видимо, рука у нее оказалась легкой.

Работа агента по сдаче квартир не так проста. Сразу скажу, что работают, в основном, все без оклада, получаешь только процент от сделки. Дают клиента, ты находишь ему квартиру. Едешь показывать, если хозяина квартиры и клиента все устраивает, заключается договор. 30 процентов твои. Как правило, стоимость сделки от 400 долларов. Считай в день можешь заработать от 100 долларов. Но при условии, что у тебя есть обаяние, трудолюбие, желание заработать и способность хранить огромное количество информации в одной голове.

Конечно, все не так просто. Во-первых, не всегда есть квартиры. Во-вторых, не всегда есть клиенты, готовые платить большие деньги. В-третьих, можешь услышать: "Да вас расстреливать надо за такие цены". Ну как объяснить клиентам, что не мы устанавливаем цены, а хозяева. Представляете,

один мужчина хотел сдать двухкомнатную квартиру на Студенческой под ремонт за 1100 долларов. Ну какой нормальный человек поедет жить в квартиру за 1100 долларов в месяц и еще делать там ремонт?

Больше всего, что мне понравилось на этой работе — коллектив. Редко где могут ужиться люди от 18-ти до 50-ти лет. Но у нас это замечательно получалось. Более опытные сотрудники подсказывали молодым, что делать, как вести себя. Во многом благодаря им я смогла за первый месяц выполнить план и заработать кровные 300 долларов. К сожалению, все хорошее когда-нибудь заканчивается. Закончилось и это. Началась учеба. Все бы нормально, если бы я училась в первую смену. Но непонятно почему, занятия у нас начинаются с 13.00 и заканчиваются в 19.00. Скажите, пожалуйста, как же работать при таком расписании? Про нормальную хорошо оплачиваемую работу можно забыть на целый год.

Перед началом занятий я долго думала о том, на какой работе остаться: мерчендайзером при постоянном окладе или агентом с 30 процентов от выручки. Но обстоятельства сложились так, что и выбирать не пришлось. На сдачу квартир у меня просто нет времени. И опять те же магазины, те же люди и тот же оклад в 6000 рублей и тот же противный замдиректора, который вот уже неделю не хочет подписывать мне заказ.

Есть такая поговорка: хочешь жить — умей вертеться. Но не кажется ли вам, что уж слишком рано нам приходится вертеться. Университет, работа, домашние задания. А когда гулять? А когда отдыхать? Вечером ложишься с мыслью о том, куда тебе завтра надо поехать. Верите или нет, но у меня зачастую нет времени даже потратить заработанное.

Иногда я так завидую своим сверстникам, которые не работают, которые после института едут домой отдыхать, смотреть ТВ, гулять. Но по крайней мере я давно уже почувствовала, что такое идти в магазин и покупать себе понравившуюся вещь на свои честно заработанные, а не клянчить деньги у родителей. Один раз почувствовав это, ты не сможешь жить по-другому.

Полина ШВАРТИНА

■ "93, 4" — зажглось в окошечке электронных весов, и я поняла, что сейчас начну безобразно рыдать. Ну, сами посудите: молодая девушка (мне было тогда 19 лет), симпатичная, жить бы да радоваться, но вес... История произошла очень грустная. Однажды я проходила диспансеризацию перед приемом на работу, и врач-эндокринолог, весьма уверенная в себе дама, сказала, что у меня — гормональная недостаточность. Вроде бы не хватает женских гормонов, а это может оказаться на способности иметь детей. В общем, напугала до чертиков и выписала гормоны в таблетках, строго наказав не прекращать курс лечения даже при появлении побочных эффектов. Тогда во мне было от силы 55 килограммов...

Не буду описывать своих страданий по утрам, когда очередные джинсы никак не хотели на мне застегиваться, а проклятые весы неумолимо выбрасывали на табло все новые цифры. Это слишком тяжелые воспоминания. Скажу только, что никакой гормональной недостаточности у меня на самом деле не было, поэтому, естественно, в организме случилась передозировка. И вот во что это вылилось.

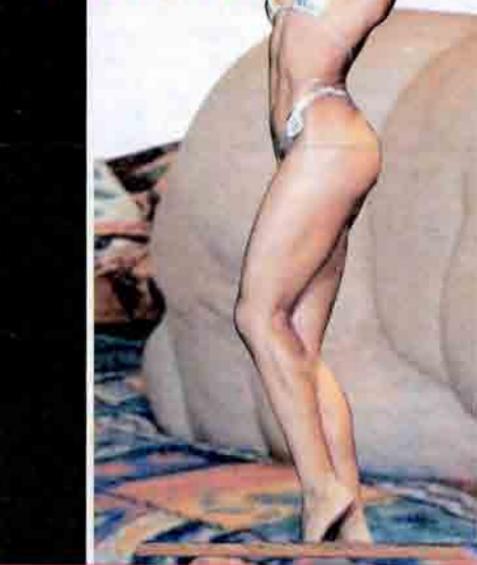
"А ты поправилась, мать, — заметила лучшая подруга, с которой мы до этого месяца полтора не виделись. — Сколько в тебе?"

"Семьдесят", — с ужасом призналась я.

Подруга покачала головой: "Жрешь, что ли, много?" Тогда я рассказала ей про таблетки и услышала в ответ вопль: "Очумела?! Немедленно бросай!!!" Но отказ от лекарств уже не помог, вес продолжал расти, и однажды далеко не прекрасным утром достиг 93 килограммов. На этом он, к счастью, остановился. Но можете представить, как с таким весом выглядела девушка, рост которой не достигает и до 170 см?..

В общем, я начала пробовать разные способы для похудения, от патентованных, вроде "Гербалайфа", до народных, подсказанных знакомыми. Заранее обрадую толстушек, которые отчаялись обрести нормальную фигуру: мне удалось избавиться от своего несчастья, потому что по-настоящему действенные способы существуют. Вот они.

Спросите меня, как...

Для начала те, которые часто рекламируют.

1. Итак, "Гербалайф". Очень дорого, но эффект есть, хотя и незначительный. Вы можете старательно пить эти коктейли месяцами, а потом свести результат на нет буквально одним ужином, так как потеря веса неустойчива.

2. Чай для похудения, типа "Летящая ласточка". Если кто не знает, это сильное слабительное. Те, кто увлекается подобными средствами, рисуют испортить себе работу всей пищеварительной системы. Особого эффекта нет, а если и есть, то достигается он не потерей лишнего жира, а банальным обезвоживанием организма.

3. Кодирование от ожирения. Может помочь, но только в том случае, если лишний вес вызван перееданием, а не нарушениями обмена веществ.

4. Различные пластиры для похудения, которые якобы отбивают аппетит. Ничего они не отбивают, во всяком случае, я этого не почувствовала.

5. Тренажеры, занятия аэробикой, фитнесом. Тут вроде бы действует принцип: чем больше энергии вы тратите, тем быстрее худеете. Но учтите следующее: в одном мороженом содержится калорий больше, чем вы в состоянии израсходовать за целый вечер упорных тренировок. Спорт помогает только в сочетании с жесткой диетой, а долго ли вы так выдержите? К тому же спортивные занятия провоцируют рост мышечной массы, причем в самых неподходящих местах. Например, могут появиться совершенно не женские бицепсы, и с этим вы уже ничего не сделаете.

В общем, я подумала и решила больше не выбрасывать деньги на ветер. Общая по-

теря веса после использования всех этих способов составила у меня около 7 килограммов, а это все-таки маловато. Знаете анекдот? Разговаривают два мужика. Один говорит: "Моя жена пишет из санатория, что похудела на 10 килограммов". Второй (восторженno): "Ух ты, здорово!" Первый (с ухмылкой): "Да при ее весе похудеть на 10 кило все равно что получить скидку в 100 долларов при покупке "мерседеса".

К тому времени, когда все патентованные способы оказались испробованы, у меня уже скопилась целая тетрадка различных самодеятельных диет, списанных у подружек и из женских журналов. Их-то я и решила испробовать.

Итак, диеты (только те, что помогли).

1. "Кислая".

Рано утром съесть натощак половинку незрелого яблока и один небольшой лимон. Есть без сахара, откусывая, как огурец. Невероятно противно! Через полчаса можно кушать все, что хотите. Но вы не захотите НИЧЕГО! Очень долго ощущение во рту будет как после местной зубоврачебной анестезии, и весь день сможете есть только что-нибудь молочное или фруктовое, необременительное для вкусовых бугорков. Эффективно, если с диетами не слезать ни на день.

2. "Водянная".

Есть можно все, даже пирожные, но выпивать в день не менее трех литров жидкости, даже если уже не лезет. Помогает, так как желудок все время занят чаем или соком, и еды туда помещается меньше.

3. "Рисовая".

В течение 3 недель питаться только НЕсладким и НЕсоленым отварным рисом с кусочками яблок или курагой. Под конец, правда, так мутит от риса, что становится наплевать даже на похудение.

4. "Толливудская".

1-й день: два яблока, два банана, половинка ананаса. 2-й день: литр томатного сока, два яблока, три свежих огурца, половинка ананаса. 3-й день: йогурт, два апельсина, половинка ананаса. 4-й день: питаетесь, как обычно. 5-й день: только обезжиренный творог. 6-й день: только чернослив. 7-й день: как обычно. Потом все повторяете сначала. Эффект

есть, но все время патологически тянет на соусы и прочую вредную пищу.

5. "Монастырская".

Есть можно только суп без жира и овощной салат. На сладкое — чернослив или изюм. Чай без сахара. Хлеб только черный и только до обеда. Состояние при этом жуткое, чувствуешь себя и впрямь монашкой, но действует, особенно если вы много двигаетесь — в этом случае вес просто тает на глазах.

6. "Бэтмен".

(Почему так дико называется, не знаю.) Кушаете все подряд, но вместо хлеба надо есть огурцы. Свежие и без соли. Сначала ничего, но потом здорово достает. А жульничать нельзя, особенно если кто-нибудь добрый (в моем случае — муж) контролирует соблюдение вами диеты и шлепает по рукам за каждое нарушение.

7. "Дрожжевая".

Перед каждым приемом пищи надо, зажмутившись и собравшись с силами, проглотить половинку чайной ложки дрожжей, разведенных в теплом молоке. Поверьте, такая гадость. И в желудке потом очень неприлично урчит. Ходишь и все время чувствуешь в своем организме некий процесс, который еще неизвестно к чему приведет. Но почему-то помогает. Мне, например, именно благодаря этой диете удалось вновь обнаружить у себя талию.

8. "Настоящие макароны".

Берете самые дешевые макароны российского производства, знаете, такие длинные, серые, произвольного диаметра. Иногда они еще продаются, так что надо напрячься и поискать. Варите их в НЕсоленой воде в течение 10 минут, воду сливаеете в отдельную посуду, макароны выкладываете в тарелку и мужественно едите с помидорами. Это не противно, хотя не вкусно. Противно другое: запивать все это дело надо водой, в которой ваши макароны варились.

9. "Рыбная".

Ровно на 2 месяца забываете о мясе и едите только рыбу. Причем в такой последовательности: сначала рыба (вареная или печеная, жареную нельзя), минут через 15 — гарнир, еще через 15 — кусок хлеба. До десерта дело не дойдет, можете мне поверить. Если со-

блудать все точно, общая потеря веса составляет около 8 килограммов.

10. "Больничная".

Берете в библиотеке учебник "Инфекционные болезни" для 2-го курса медучилища, находите в нем раздел "Питание и уход" и списываете оттуда перечень блюд для больных вирусным гепатитом (я не шучу) или холерой (это тоже серьезно). Потом эти блюда старательно готовите дома и кушаете. Когда я училась в медицинском училище, таким способом у нас худели многие девчонки, и худели успешно. Почему? А вы возьмите книгу и прочтите, какой ГАДОСТЬЮ там предписывается кормить несчастных больных. Чего стоят одни только "котлеты паровые"! Мне такая диета помогла потерять килограмма три, потом я ее бросила, жалко стало продукты переводить.

11. "Молочная".

Самая приятная диета. Сидите себе на своей чистенькой кухне, смотрите любимый фильм и тихонько потягиваете из бокала теплое молочко, попутно отпихивая ногой страстно урчащего кота, все норовящего влезть вам на коленки и сунуть в бокал наглую морду. Идилия, да? Первые три-четыре дня — да. Просто кайф. А потом вы начнете избегать подруг, которые, словно говорившиеся, заводят при вас разговоры о жареной курице, чипсах, соленых огурчиках и прочих вкусных штучках. Я просидела на молоке ровно 8 дней, скинула 1 килограмм и больше не смогла. Вдобавок у несчастного кота, который постоянно вымогал молоко, вконец расстроился желудок, и в один прекрасный день гаденыш уделал мне всю квартиру.

12. "Парадоксальная".

Надо есть много белого хлеба. Буквально один белый хлеб, по батону в сутки. Дело тут в том, что в белом хлебе относительно мало калорий, но желудок он забивает намертво, ничего другого просто не хочется. Мне, однако, такая диета не помогла, а вот подруга-толстушка успешно "доехала" на ней до нужных ей 70 кг.

13. "Подсчет калорий".

Как правило, на упаковке каждого продукта написано, сколько килокалорий содержится в 100 граммах. Вы питаетесь, исходя из того, что в сутки вам можно съесть не более 1500

Ккал. Крутитесь, как хотите, но "лимит" превышать нельзя. Помогает людям волевым и целеустремленным, способным вовремя остановиться.

14. "Бухгалтерский".

Записывайте в книжечку все, что едите. Буквально каждый кусочек. Действует на чистой психологии, вы подсознательно будете стре-

миться, чтобы записи были как можно скромнее. Помогает, главное — не жульничать.

15. "Балластная".

Купите обычную капусту, нарежьте из нее та-
зик салата без масла, только капуста и мор-
ковка (можно с солью и перцем). И вперед.
Калорий мало, а масса съеденного большая,
к тому же, капуста отбивает аппетит. Очень
забавно глядеть при этом на себя в зеркало:
одуревшая физиономия, набитые, как у хо-
мяка, щеки и усердный хруст, словно ты на-
ходишься в крольчатнике.

16. "Секольная".

Испытывать лучше в отпуске, когда есть воз-
можность не выходить из дома, поскольку
свекла может подействовать на вас примерно
так же, как молоко на моего кота. Но по-
могает хорошо, только есть ее надо без май-
онеза.

Итак, в результате всех перечисленных
диет я приобрела более-менее сносные фор-
мы и вес в 75 кг. Теперь можно было начинать
нормально одеваться и даже фотографиро-
ваться. Но 75 кг — это все-таки не 55, и

останавливаться на этом рано. Поэтому я вспомнила совет знаменитой Майи Плисецкой: "Жрать меньше надо!" и решила... правильно, просто меньше есть, а не изводить себя диетами.

**Вот способы отбить аппетит так, чтобы целый день не думать о еде и не смотреть по вечерам с горькой уко-
ризиной на жующего супруга:**

1. Отбить аппетит помогает очень горячий и сладкий растворимый кофе с молоком. Чем дешевле и противнее на вкус напиток, тем лучше. Двух чашек вечером вам хватит, чтобы обойтись без ужина.

2. Если очень хотите есть, положите за щеку кусок сахара и держите, пока не растворится.

3. Смесь: отвар дубовой коры + спирто-
вая настойка цветков календулы + спирто-
вая настойка мяты перечной. Смешать в
равных пропорциях, охладить. Держать в

холодильнике. Хочется есть — капните смесь из пипетки на корень языка 2 — 3 капли.

4. Точечный массаж: по часовой стрелке медленно, легко нажимая, массируйте точку под подбородком до исчезновения голода, но не более 3 минут.

5. Если не можете удержаться и очень хотите есть, выпейте перед едой 250 мл. очень холодной воды, столько же после еды. Пища практически не усвоится организмом.

6. Помогает жевать укроп. Берете веточку и медленно жуете, потом выплевываете, берете следующую. Жевать надо вдумчиво, стараясь ощутить вкус травы как можно полнее.

7. Помогает полоскать рот подсолнечным маслом пополам с теплой водой. Гадость невероятная, но есть после нее совсем не хочется.

8. Не сидите на кухне, не читайте там и не смотрите телевизор. Если есть возможность, покрасьте стены в голубой или синий цвет, повесьте фотографию зимнего леса или айсберга, а на холодильник приклейте снимок очень толстой женщины. Помогает!

9. Если "урчит" в желудке, съешьте 50 г. черного хлеба, предварительно минуты две пожевав его, как жвачку.

10. Если ваши домочадцы в отъезде, держите холодильник девственно пустым, не

покупайте ничего съедобного. При этом страйтесь чем-нибудь усиленно заниматься, например, играть на компьютере, до закрытия ближайших продуктовых магазинов. Очень помогает людям, от природы ленивым, которые скорее будут голодать, чем побегут за две станции метро в круглосуточный супермаркет.

11. Способ, позаимствованный из системы "у-шу". Стоя на полусогнутых ногах, обнимите руками воображаемый шар и мысленно постараитесь "протолкнуть" его к себе в желудок. Дышите животом, глубоко и медленно, глаза закрыты. Время упражнения около 3 — 5 минут. Потом сразу ложитесь спать.

12. А еще, говорят, хорошо действует влюбленность, девочки худеют прямо на глазах, но у способа есть недостатки: во-первых, влюбиться по заказу может далеко не каждая, во-вторых, большая проблема потом разлюбить, ну а в-третьих, постоянный голод как-то мало способствует сильным чувствам. Сама посудите: какая может быть любовь, если вы намертво прилипаете взглядом не к встречным молодым людям, а к каждому ларьку с чебуреками?

В общем, жизнь худеющего человека — не сахар. Как говорится: "Есть хочется, худеть хочется, все хочется!" Но надо действовать, и результат будет.

"58,5" — выскочило в окошечке весов ровно через три года и девять месяцев после ужасного утра, когда я чуть не начала безобразно рыдать. Да-да, именно такой срок мне понадобился, чтобы снова стать стройной. Если у вас получится быстрее — примите поздравления. Но быстрая потеря веса обычно приводит к тому, что килограммы возвращаются, да еще и в удвоенном количестве, поэтому ставить рекорды все-таки не надо. Тем более что ваш вес, скорее всего, не столь огромный, как был у меня, и вызван не такими экстремальными причинами.

Мне повезло: обмен веществ восстановился, и уже пять лет я не худею и не толстею, хотя ни на какой диете не сижу. Надеюсь, повезет и вам. Главное, как говорится, начать...

Цифровые технологии каменного века

Продолжим наше путешествие по компьютерному миру. В этом номере мы поговорим о том, как компьютер стал компьютером. Пронесемся по волнам истории с древнейших времен и до наших дней.

Если вас спросят, кто же создал компьютер — что ответите? Эйнштейн, Интел, Эппл? Ни один из этих ответов не будет верным — никто не изобретал! Развитие происходило постепенно, в течение сотен лет. Потребность быстро считать возникла еще до нашей эры, поэтому люди все время искали для этого способы.

Играем в Робинзона Крузо

Еще до появления первых механизмов считали на пальцах, складывали камешки, делали зарубки на дощечках, узелки на ветреках. Самым древним механическим "калькулятором" можно назвать абакус — небольшой девайс, прообраз счет. Историки относят его появление к двухтысячному году до нашей эры в древних Греции, Китае и Египте. Даже в наше время можно встретить счеты в какой-нибудь глубинке, где

еще не проведено электричество, бегают коровы, как голуби и воробы в большом городе, и куча красивых деревянных домиков.

Сотни лет ничего не менялось, но цивилизация шла вперед, возникли банки, в науке совершились громкие открытия. Вот семнадцатый век на дворе, с абакусом циклы движения планет уже не просчитаешь, а на бумажке это займет много времени. Возникла острая потребность в вычислительной машине, способной производить сложные операции за человека.

Паскаль VS Лейбниц

Девятнадцатилетний французский математик Паскаль в 1642 году изобрел первую механическую счетную машину, которая состояла из взаимосвязанных валиков, колесиков и шестеренок. По окружности колесиков располагались цифры от 0 до 9. Когда первое колесико совершало полный оборот, оно автоматически приводило в движение соседнее и так до восьмого колесика.

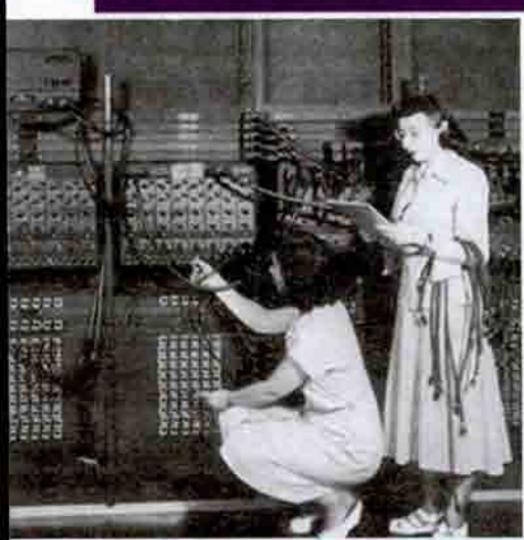
С тех пор прошло более пятидесяти лет. Абакус и "Счетная машина" Паскаля, конечно, ничего, но все равно этого не хватало. Они были ужасно ограничены в своих возможностях, в результате многие эксперименты остались незавершенными, другие же были окончены спустя месяцы, годы кропотливой работы.

И пришел на нашу грешную Землю другой мега-математик, только на этот раз из Германии, — Готфрид Вильгельм Лейбница. Он знал, что в тот момент требовалось человечеству, закрылся на долгое время в своей лаборатории, пока в 1694 году не произвел на свет "Ступенчатый счислитель". От Паскалевого творения он отличался использованием цилиндров, на которые были нанесены цифры и девять рядов штырьков. На первом ряду — один штырек, на втором два и так до девяти. В новом аппарате предусматривалось перемещение штырьков на другие цилиндры, в зависимости от сложности вычислений.

"Ступенчатый счислитель" открывал более широкие возможности. "Счетная машина" могла только складывать и вычитать, а творение Лейбница — делить, умножать и извлекать квадратные корни. Но и эта машина не смогла удовлетворить всех математических потребностей — меньше чем через сто лет опять возникла нужда в чем-то более совершенном.

Дочь Байрона, да еще и первый программист!

Следующий важный шаг был сделан в XIX веке. Использовались старые идеи и новые теории. Вычислительные машины

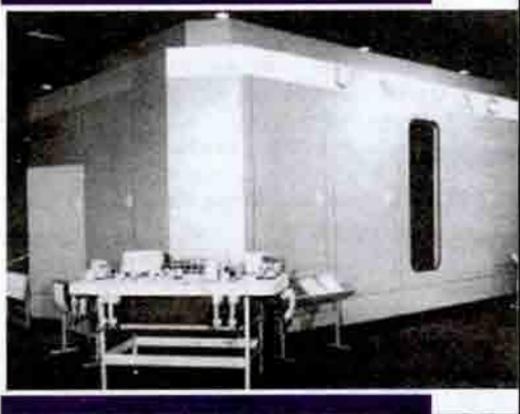
того периода считали намного быстрее человека. Один из создателей такого девайса англичанин Чарльз Бабек. Его считают родителем современного компьютера. Он сумел спроектировать модель рабочего программируемого аппарата в 1830 году, но так и не смог представить работоспособный прототип. Свое творение он назвал "Аналитический двигатель". Идея заключалась в изготовлении полноценного механического компьютера, который мог бы делать вычисления, получать какие-то инструкции и даже распечатывать результат. Информация должна была заноситься с помощью перфокарт (картонная карточка с отверстиями). Идея на тот момент была не нова, но Бабек первый предложил использовать их в вычислительной технике. Англичанин позаимствовал идею ввода информации у французского ткача Джозефа Джакварда, который применил ее еще в 1801 году на ткацком станке. Карточки с разным расположением дырок выдавали разные узоры.

К сожалению, "Аналитический двигатель" оказался слишком продвинутым устройством для того времени, и изобретатель не смог изготовить многие важные элементы своей машины.

Единственный человек, который осознал важность изобретения англичанина, была математик леди Ада Августина Ловелас — дочь поэта лорда Байрона. Она убедила Бабека использовать двоичную систему исчисления вместо десятичной и разработала способы программирования, чтобы машина выполняла одни и те же инструкции при одинаковых условиях. Подобная технология используется по сей день, поэтому Аду Августину считают первым программистом.

Два удара — восемь дырок...

Первый применил на практике перфокарты Герман Холлерит в американском Бюро по переписи населения. Обычно подсчет занимал годы, а за это время ситуация кардинально менялась. С помощью нового устройства срок сократился до трех лет. Изобре-

тение назвали просто — "Табулятивная машина" — первый вычислительный аппарат, который работал от электричества. Принцип его прост — перфокарта вставлялась в специальные пазы, а дырокол делал в определенных местах отверстия. Похоже на компьютерную азбуку Морзе. Язык, который использовал аппарат, называли Языком Холлера. Его иногда используют и в наше время. Таким образом, был сделан еще один значительный шаг в развитии компьютерной техники.

Во что играли наши прадеды

Компьютеры в полном смысле этого слова появились только в первой половине XX века. Это были не просто механические калькуляторы, они могли также выполнять сложные задачи. Два основных отличия от прежних моделей — программируемость и возможность сохранения информации в памяти.

В 1930 году американский ученый Венневар Буш создал "Дифференциальный анализатор" — первый аналоговый ламповый компьютер. Дебютная его модификация равнялась по площади большой комнате. Вторая, вышедшая в 1942 году, весила 200 тонн и была не намного меньше.

Во Вторую мировую войну военным тоже захотелось попробовать новое чудо техники, и в 1944 году был создан "Марк Один" профессором Гарвардского Университета Ховардом Айкеном. Новый агрегат стал первым числовым компьютером. В нем были использованы последние достижения XX века в сочетании с перфокартами. При этом "Марк" не был полностью электронным, в его состав входили механические элементы, как то: ролики и переключатели. Штука вышла огромной — более пятнадцати метров в длину и почти три в высоту. На сборку ушло почти 750 тысяч деталей. Машина по тем временам вышла мощная — за день выполняла полугодичную работу ручных подсчетов.

В 1946 году увидела свет новая машина — ЭНИАК (Электронный Числовой Инте-

ратор и Калькулятор). Она была построена для Вооруженных сил США командой учёных под предводительством Джона Мокли и Преспера Эккerta. На фоне нового "калькулятора" "Марк" выглядел как "Запорожец" перед "мерседесом". ЭНИАК спокойно решал за несколько часов задачу, на которую у пятидесяти инженеров ушел бы год. Размеры его были внушительны — тридцать метров в длину. В качестве начинки — восемнадцать тысяч ламп, при этом перегорание за час семи или восьми штук считалось нормой. Программирование происходило за счет комбинации проволочек.

Дискетка в десять кило

Один из разработчиков ЭНИАКА Джон фон Ньюман предложил идею по созданию компьютера, на котором можно сохранять программы. Это избавляло от постоянной возни с "перетыканием" проволочек. Первым таким монстром стал ЭДСАК (Автоматический Электронный Вычислитель с Отложенным Хранением), разработанный в Кембриджском университете (Англия) в 1949 году. А чуть позже создатели ЭНИАКА основали собственную фирму и в 1951 году выпустили доработанную версию своего детища — ЮНИВАК (Универсальный Автоматический Компьютер). Первый экземпляр купило Бюро по переписи населения. Остальные разобрали различные бизнес-компании. В итого получился первый коммерческий компьютер, который использовал не перфокарты, а магнитную ленту.

Интернет в курятнике, или классификация комппов

Все упомянутые компьютеры относят к первому поколению. Естественно, каждые несколько лет выходили более сильные машины, которые превращали старые в груды металлома для сдачи в пункты приема "цветмета". Всем сразу стал нужен большой калькулятор — и фирмам, и банкам, ну

и, конечно же, военным — для уменьшения количества сотрудников и увеличения скорости обработки информации. Рядовому жителю поселка "ТуевоКукуево" компьютер по-прежнему казался чем-то мифическим.

Уже и обед погреть негде

Второе поколение "банковских комбайнов" или "тетрисов для военных" начало развиваться в 60-х годах, когда транзисторы вытеснили лампы, так как меньше грелись, требовали меньше электричества и были более надежными. Сами транзисторы открыли в 1948 году. Новая технология позволила уменьшить размеры аппаратов и удешевить производство. Одна "фитилька" заменяла сорок ламп, при этом работая с большей скоростью. И как всегда, очередное поколение оказалось лучше, превышая производительность предыдущего в десять раз. Хранение информации на магнитных носителях в тот период уже стало нормой.

А мне и в валенках хорошо

Третье поколение гордо называло себя "Интегрированные схемы", которые обозвали "чипами" (миниатюрные схемы, выполненные на небольшом кусочке силикона — 5-7 мм). Произошло это в 1964 году. Первое применение они нашли в космических кораблях, военном оборудовании и, конечно же, в исполнении роли "мозга" компьютеров. В наше время чипы, пожалуй, не встраивают только в туалетную бумагу, но, по-видимому, и это не за горами.

Для сравнения, один чип по производительности равнялся 30-ти тонному ЭНИАКу. Новое поколение, конечно, не то, которое выбирает "Пепси", снова оказалось дешевле в производстве и превысило в сто раз по мощности предыдущее. Большинство ранних машин разрабатывались под определенные задачи — общего или специального планов. Сейчас же это не играет большой роли.

Рожденный в муках

И снизошло к ученым озарение: "Почему только одну схему можно размещать на чипе, а почему не две, четыре и так далее?" Так появился первый микропроцессор (CPU) в 1971 году, который состоял из 2300 транзисторов, при этом размер его не превышал маленького ластика. Для сравнения, в современном процессоре количество транзисторов перевалило за двадцать пять миллионов. Свершилась настоящая революция! Этот момент можно считать началом "настоящей" истории компьютеров. Цифровые технологии стали доступны! Если за ЭНИАК отстегивали два с половиной миллиона баков, то в 1980-х цена за современный девайс была около двух тысяч, а сегодня можно спокойно уложить в 500 — 600 американских рублей.

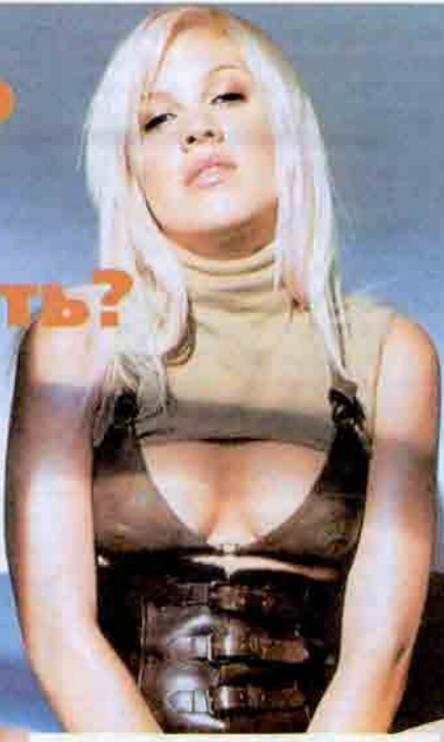
Эпилог

Вот и завершилось наше историческое путешествие. Не будем ставить точку, ведь никто не может дать гарантию, что современный навороченный компьютер не мелочь перед тем, чего еще можно достигнуть. Не были затронуты многие интересные моменты, особенно "процессорные войны", но об этом в одном из следующих номеров. ■

Просто Кир
(podolak@rambler.ru)

Кирилл Подоляк

Сколько стоит звезду построить?

Американским шоу-бизнесом можно: восхищаться, игнорировать, ненавидеть, критиковать или смеяться. Какой из вариантов для Пинк (Алисии Мур) более подходящий — каждый для себя решает сам. При освещении жизни и творчества очевидного зарубежного «дарования» возникает вопрос: «В чем же отличие от остальных?»... Настолько все одинаково, что порой лучше написать конспект по паспорту знаменитости, в надежде, что хоть цифрами она будет отличаться от других.

Классическая легенда

Началось все, как всегда, с пеленок, папы музыканта и, конечно же, с клубов (только как она туда проходила, остается загадкой, ведь ей было без пяти лет восемнадцать). Пинк начала свою карьеру с тринацати лет, когда присоединилась (или ее присоединили) к рэп-группе "Schools Of Thought" — петь на бэк-вокале, то есть на подпевках. И снизошло к девушке озарение — ощутила себя звездой, увидела прямую тропинку к Олимпу "Супербездарей в тельняшках". Начала писать свои песни. Чуть позже она очутилась уже на контракте с MCA Records в группе "Basic Instinct", а после ее распада — в "Choice".

Молодой певице никак не везло — коллективы, где она пела, мгновенно разваливались после ее прихода. Естественно, Пинк это надоело, что и породило желание заняться сольной карьерой, подписав контракт с LaFace Records.

Сделайте потише...

Восхождение Пинк шло стремительно — что ни песня — хит, даже первый альбом "Can't Take Me Home" (2001) стал дважды платиновым. После знакомства невозможно понять, что же так зацепило народ. Ну, есть одна песня, которую только после притягивания за уши можно назвать неплохой ("Get The Party Started"), но, к сожалению, после нескольких прослушиваний этой композиции — уши скручиваются в трубочку. Получился самый обычный релиз очередной поп-звезды. Радикальных отличий от других представителей этого течения замечено не было. Дебют вышел откровенно пустой в плане музыкальных находок и скучный по восприятию.

Еще большую популярность девушке придало исполнение песни "Lady Marmalade" (2002) с такими звездами поп-сцены, как Кристина Агила, Лил Ким и Мэйя из звуковой дорожки к фильму "Moulin Rouge". Сингл продержался целых девять недель в самом известном рейтинге "Billboard Top 40", в который попасть не так уж просто. Мощный толчок песне дал сам фильм, ставший одним из

самых кассовых, поэтому назвать это заслугой quarteta — язык не поворачивается.

Здесь куют хип-хоп?

Следующий альбом "Missundaztood" (2002) наделал еще больше шума, став трижды платиновым. По звучанию оказался ближе к поп-року и на слух воспринимался лучше.

ют по инерции, не переключая "мусорные" песни.

Возвращаемся к истокам

Последний на данный момент альбом Пинк — "Try This" (2003). Сложно сказать что-то определенное по этому поводу. Девушка попытала сь сыграть что-то близкое к

Именно с этого релиза многие и знают у нас в России Пинк, особенно по композициям "Just Like A Pill" или "Numb". Альбом по исполнению вышел намного лучше первого, но до уровня качественной музыки или поп-рока в классическом его виде — не дотягивает.

Это не первый случай, когда подтверждается теория создания альбомов в современной музыке: пишутся две-три неплохих песни, "дыры" забивают чем попало; хиты крутият на каждом шагу, вынуждая народ покупать якобы полноценный и сильный продукт. Может, кто-то будет плеваться и критиковать, но в большинстве случаев получается, так что весь альбом прослушива-

тальной музыке. Возможно, такой ход ей предложила Линда Перри (бывшая солистка "Non Blondes"), но на качестве музыки это не отразилось. Некоторые композиции слушать почти невозможно — то ли шум, то ли нудная "опера". А композиция "Humble Neighborhoods" так вообще напоминает Битлов. По первым нотам кажется, что это они и есть — но plagiatom не назовешь, так как фрагмент слишком короткий, однако источник вдохновения очевиден. Снова подтверждение теории: новое — хорошо забытое старое. Но старое никто не забывал — невозможно забыть то, чего никогда не знал, к слову о современных предпочтениях.

Ей только шпалы на же- лезке укладывать...

Что касается вокальных данных, то Пинк не далеко ушла от Келли Осборн. Если последняя "лажает" на каждой ноте, то наша героиня время от времени. На студийной записи это сложно заметить, но только не на концертах... Из динамиков доносятся постоянно

Девушка-скандал...

Любовь к скандалам у Пинк зародилась еще в школе: дерзила, задавала нескромные вопросы учителям, вела себя вызывающе и все время сбегала с занятий на время концертов своей группы. Перенесемся в наше время и заметим, что ни наказания в школе, ни уговоры родителей

янные срывы, хрипы и сипение. Голос звучит нагло и вызывающе, но девушка не умеет его использовать как надо. Он, конечно, не плох, но только чтобы позвать на помощь, кричать "Пожар!" или орать "Занято" в сортире... Лишь в припевах ситуация меняется, но так может любой дилетант.

В итоге Пинк провалилась бы на любом провинциальном конкурсе по отбору молодых талантов. Вот она сила американской машины шоу-бизнеса — из ничего сделать деньги. Не будет удивительным, если в тамошней опере немой солист выиграет приз в номинации "голос года" или "находка года". Со своей деланностью они дошли просто до маразма...

никакого эффекта не возымели. Да что там, ведь папа-то продюсирует любимую дочку — из этого вывод: ругался только для виду.

Как говорится, школа прошла, а привычка осталась. Свое нахальство девушка перенесла на "коллег по цеху" или конкуренток. Особенно Пинк невзлюбила Бритни Спирс, если верить словам "наглячки", за ее сладость, страсть к воображанию и кукольную внешность. Не обошлось без того, что Пинк, как девушка без тормозов и приличий, высказала все это в интервью. Спросите: зачем? Ведь надо держать марку "скандально известной личности".

Слова перешли в дело — послала Бритни цветы, а та, чихая и истекая слезами, наивно думала, что сделан первый шаг к их дружбе, не допустив мысли о том, что соперница специально посыпала лилии, на которые у Спирс аллергия. Насколько этот скандал искусственный — судить сложно, поэтому остается только догадываться — Бритни ответила на оскорбление или подыграла...

что она и укусила его за руку, да так, что беднягу пришлось ненадолго госпитализировать.

Сам не похвалишь...

Как и любое другое "дарование", девушка любит в интервью говорить о своем творчестве и своих гениальных идеях. Она считает себя многосторонней личностью, челове-

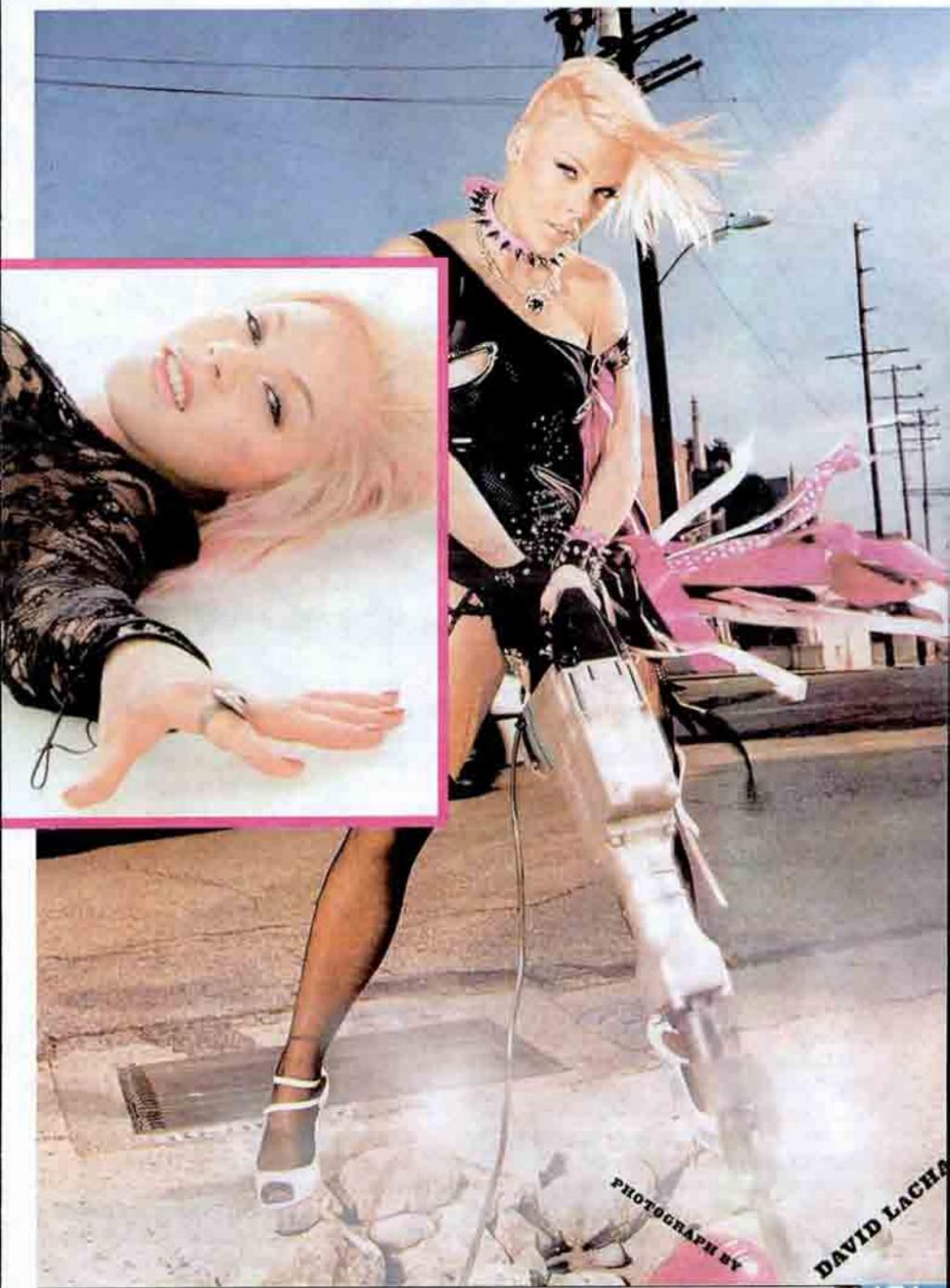
"Звероящер, который говорит: "I Love You"

Перечислить все скандалы с Пинк не так просто — "Война и мир" Толстого по сравнению с полученным материалом покажется брошюркой. Но все же стоит упомянуть еще один случай, когда девушка покусала своего охранника, хотя тот не сделал ничего предосудительного.

Все произошло после очередного выступления в отеле "Аделаида Хилтон". Пинк решила разрядиться после тяжелого дня, за прыгнув на барную стойку, пошла танцевать и показывать стриптиз. Посетителей это возмутило, в результате личному охраннику певицы пришлось стаскивать ее со стойки, за

ком, который несет слушателям "истину", только ее мало кто понимает. Большую часть песен для своих альбомов она пишет сама (в основном они автобиографичны). Этим объясняется бешеная популярность, ведь Пинк поет о проблемах, близких каждому подростку. Ее любят и слушают за присущую ей "наглую искренность". Не исключено, что подобная манера строится по принципу "на потребу толпе": "Хотите — получайте". К сожалению, вся современная музыка на этом и основана, поэтому нормальных вещей выходит очень мало.

По-хорошему, музыкант должен творить, и если результат оказывается чем-то новым, оригинальным, качественным, то он всегда найдет своего ценителя.

PHOTOGRAPH BY

DAVID LACHA

молодой Бульвар 171

Догонялки для

■ Народная английская поговорка гласит: "Футбол — игра джентльменов, но играют в него одни хулиганы. Рэгби — игра хулиганов, но играют в него одни джентльмены".

Наверное, если спросить, в какой стране регби является национальной игрой, то практически все назовут Америку. И частично будут правы. Именно в США с сентября по ноябрь, каждую субботу в полдень наступает время американского футбола. А это значит, что на всех стадионах собираются миллионы людей, чтобы посмотреть, как школьники или учащиеся колледжей будут играть в национальную игру — американский футбол или, по-другому, регби за честь своего учебного заведения.

Но, как ни странно, регби имеет английские корни. Она родилась чисто случайно в 1823 году. До этого игра была весьма похожа на современный футбол. Так вот, однажды в футбол играл Уильям Эллис, студент из Регби. В середине игры вместо того, чтобы пнуть

по мячу, как требовали правила, он схватил его в руки и побежал по полю. Это нарушение принятых правил, естественно, повлекло за собой резкую критику. И капитан команды вынужден был извиняться перед капитаном команды-соперника за поведение Эллиса. Но кто мог знать тогда, что именно это противоправное действие стало рождением современного американского футбола, то есть — регби. Сейчас в Лондоне, который считается родиной этой игры, находится национальный стадион регби, на котором каждую весну проводятся Английские международные игры Чемпионата шести стран.

О судьбе регби в дореволюционной России сведения чрезвычайно скучны. Остались лишь воспоминания генерал-лейтенанта Николая Бязи, прекрасного и разностороннего спортсмена, человека, много сделавшего для развития отечественного спорта. Бязи вспоминает о тех временах, когда он был еще гимназистом: "В одесский порт приходило много иностранных пароходов. Однажды

джентльменов

причалил корабль английской компании... Команда этого парохода вызвала одесситов на матч в регби. Для нас это была новая игра, но мы все же согласились, и встреча состоялась... Игра носила резкий, грубый характер: так, например, корабельный кок схватил меня за ногу в то время, когда я несся с овальным мячом к лицевой черте. Разумеется, я упал, но мяча из рук не выпустил, вследствие чего надо мной тотчас же устроили схватку, в которой все стремились завладеть мячом".

Приведенный отрывок относится к 1908 году. Должно пройти еще пятнадцать лет, прежде чем регби, уже после октябрьского переворота и с изменившимися правилами, вновь появилась на российской земле. Шел 1923 год. Страна изменилась, люди тоже. Вокруг все было по-другому. И даже вместо обычного футбола на московском стадионе "Буревестник" (на его месте сейчас высится громада спорткомплекса "Олимпийский") прошел первый, официально зарегистрированный, матч регбистов. Непосредственным организатором этих игр стал выдающийся де-

ятель спорта, первый тренер сборной СССР по футболу М. С. Козлов. А одним из первых энтузиастов и игроков-регбистов — замечательный футболист тех времен С. В. Сысоев. В эти же годы пробует свои силы в регби и известный в будущем футболист московского "Спартака" и "ЦСКА", двукратный чемпион ССР и обладатель Кубка страны, рекордсмен в беге на тысячу метров Г. Тучков, ставший затем старшим тренером регбистов знаменитого столичного клуба "Фили". Но, увы, в 1949 году, в разгар чемпионата страны, регби воевавшим решением "сверху" закрыли. В то печальное время, как известно, велась активная борьба с так называемым "космополитизмом" и "преклонением перед Западом". В итоге регби объявили игрой, не соответствующей нравственным устоям советских людей. Регби возродилась у нас в стране лишь после Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году. В рамках фестиваля состоялся и турнир регбистов. О том, какой интерес проявили москвичи и гости столицы к этому турниру, можно было судить по сло-

вам французского журналиста Жана Но: "Утверждать, что трибуны детского стадиона в Лужниках, где проходил матч, были переполнены, значит сказать только половину правды. Все пространство вокруг поля было забито до отказа. В коробке сардин можно скорее найти свободное место!"

В 1961 году сборная команда, составленная из игроков МВТУ и МАИ, успешно выступила в первых международных товарищеских играх с сильнейшими командами Польши. В мае 1975 года Федерацию регби СССР приняли в состав Международной любительской федерации регби. А после распада СССР в 1992 году был создан Союз Регбистов России. Это, пожалуй, все, что касается истории регби.

В чем же секрет успеха этой игры, каковы правила?

Цель ее: забить мяч в ворота противника. Команда должна состоять из пятнадцати игроков, плюс запасные для замены. Игра начинается начальным ударом мяча, после которого любой игрок, при условии, что он де-

лает это в соответствии с так называемыми настоящими Правилами, может: ловить или подбирать мяч и бежать с ним, бросать или пинать его. Передавать мяч другому игроку, захватывать, толкать или атаковать плечом соперника, владеющего мячом, падать на мяч, принимать участие в назначаемой схватке. Эти самые "настоящие Правила" существуют для того, чтобы сделать игру более динамичной, исключить мелкие остановки. Члены команды продолжают играть, несмотря даже на нарушение со стороны команды соперника. А судья в этом случае не должен останавливать игру. Матч состоит из двух таймов по сорок минут каждый. После первого тайма команды меняются половинами поля. Перерыв между таймами не может превышать более десяти минут. Первые пять очков засчитываются при приземлении мяча в зачетном поле соперника. Три очка за гол со штрафного удара. Те же три очка и за удар по воротам с отскока.

Согласитесь, регби не смотрелась бы так эффектно, если бы не экипировка участни-

ков. В нее входит регбийная майка, шорты, нижнее белье, носки (гетры) и бутсы. Наколенники, налокотники, изготовленные из эластичных или скимаемых моющихся материалов. Щитки для голени, поддержки для лодыжки, надетые под носок, перчатки без пальцев. Прокладки для плеч, изготовленные из мягких и тонких материалов, которые могут быть соединены с нижним бельем или регбийной майкой, защитное приспособление для рта (капа), защитный шлем. Бандаж или другой перевязочный материал для защиты раны и тонкая лента для предотвращения травмы. Регбистский мячик так же необычен, как и наряд спортсмена, он овальный по форме и состоит из четырех долек.

Кстати, чтобы лучше передать телезрителям и болельщикам всю напряженность игры, новозеландские инженеры решили сконструировать видеокамеру, способную поместиться и нормально функционировать внутри мяча для регби. По их утверждениям, "ballcam" сделает возможным совершенно по-новому увидеть игровые ситуации и существенно обогатить ощущения от просмотра трансляций матчей. Как говорит один из разработчиков Питер Брук, идея состоит в том, чтобы "увидеть на экране то, что видят мяч". А мяч в регби, надо полагать, видит немало, находясь, например, в куче дерущихся за него спортсменов.

А вот в техническом университете Вирджинии уже год проводятся другие, не менее любопытные, исследования, касающиеся игры в регби. В шлемы восьми игроков университетской команды по американскому футболу встроили специальную систему, отслеживающую нагрузку, которую испытывают игроки при столкновении. Система состоит из шести сенсоров, измеряющих силу удара, микроконтроллера, памяти, в которую записываются все данные, и радиопередатчика, общающегося с главным компьютером. С помощью таких модифицированных шлемов учёные-медики собираются выяснить, какую максимальную нагрузку, чтобы не заработать сотрясение мозга, может выдержать человек. Кроме того, эта система поможет выявлять ситуации, когда игрок на поле

получил действительно опасный для здоровья удар.

Безусловно, когда мы рисуем в своем воображении образ регбиста, перед глазами возникает мужественный, подтянутый, спортивный мужчина, который играет бицепсами и готов защитить вас в любой ситуации. Однако не обольщайтесь, милые девушки, найти такого регбиста достаточно сложно. А если уж вы его и встретите, то будьте осторожны. Как ни странно, но в последнее время регби стал считаться "голубым" видом спорта. И этому есть серьезное подтверждение. В мае 2004 года в Лондоне прошел всемирный гей-кубок мира по регби. Его гостем стал Ян Робертс, один из величайших регбистов девяностых годов, вошедший в историю как первый спортсмен, публично заявивший о своей ориентации. Вот что он сказал на пресс-конференции: "Регби — не просто чистый спорт, это комплекс действий гомоэротического характера, разоблачающий истинные желания игроков. Футбол, как спорт, выглядит очень даже брутально по сравнению с нашим излюбленным регби. По крайней мере, футболисты концентрируются, скорее, на том, как ударом ноги выбить душу из мяча. Регбисты же предпочитают, удерживая мяч в своих, может, и не совсем нежных, но крепких объятиях, играть в догонялки. В глазах удерживающего нет страха, когда с яростным желанием завладеть заветным мячом на него накидываются пятеро крепких парней. Никакой другой вид спорта не требует столь тесного контакта между мужчинами. Иногда, забывая о мяче, регбисты более озабочены тем, как повалить соперника на землю и придушить его своим мускулистым торсом. Игроки получают большее удовольствие от возможности реализовать свои фантазии на удерживающем, и вся игра становится больше похожа на длительную прелюдию".

Да, вот такой вот неожиданный поворот событий. Однако не стоит всех брить под одну гребенку. Лучше с удовольствием побегать где-нибудь по поляне, отбирая мячик друг у друга. А если команда будет еще и разнополой, это внесет свое очарование и многообразие в столь популярную игру. Желаю удачи! ■

Несмотря на то, что зима ушла от нас не так далеко и на улице пока совсем не жарко, яркие весенние вещи уверенно занимают прилавки магазинов. В связи с этим событием "Молодой бульвар" отправился на разведку узнать, что же модно нынешней весной.

Ирония,

Лозунг первых теплых дней: ирония, свобода и экстравагантность. По-прежнему в моде пятидесятые годы. Юбки карандашом и юбки-баллоны с маленькими жакетиками. У этих жакетов непременно покатые плечи и подчеркнутая талия. Также неплохо смотрятся юбки-колокола и сборчатые юбки из жесткой ткани в сочетании со спортивными рубашками-поло и школьными клетчатыми блузками с рукавами-фонариками, белыми круглыми воротниками, а также кофтами с вырезом в виде лодочки. Модная длина колеблется возле колена — чуть выше, чуть ниже — уже не важно. Для экстравагантных особ в моду возвращаются цыганские юбки, причем длинные до пола. Надевая эту вещь, не забудьте повязать на голову косынку и стать при этом похожей не на цыганку, а на хиппи. Юбка-мини — классика жанра и самый простой способ привлечь внимание противоположного пола, заявив о своей сексуальности.

Как обычно, весной в моду входит экзотика. Но если часто подобные мотивы связа-

ЭКСТРАВАГАНТНОСТЬ

ны, скажем, с Индией или с Китаем, — то в этом сезоне все будет разнообразным, ироничным. Но сильные позиции остаются у Африки. Речь идет обо всем, что с ней ассоциируется: нарочито грубые украшения из дерева или кости, набивное макраме.

Если в прошлом сезоне сумки было принято носить по-дамски, в руках или на локте, то в этом — совсем другие законы, так как в моду входят сумки через плечо. Прежде всего — мягкие, пухлые и объемные, на комфортном широком ремне. Не очень большие сумки, но тоже на длинном ремне, должны напоминать кофры для фотоаппаратов. Вечерняя сумочка нового сезона, благодаря этническому африканскому узору, о котором уже говорили выше, похожа на сувенир. А по форме напоминает старинный ридикюльчик ручной работы или затейливый мешочек из бисера и бусин. Очень стильно будут смотреть-

ся сумочки из разнообразных цветных перьев.

Туфли-балеринки — хит весны-2005, мягкие и удобны. Они напоминают тапочки, купленные во время путешествия в экзотическую страну. А туфли-лодочки на конусообразном каблуке из яркой разноцветной замши сделают даже самый строгий костюм подходящим для любой вечеринки. Но не стоит забывать и об остроносой обуви на каблуке, которая является абсолютным фетишем всех девушек. Ведь именно такая обувь визуально удлиняет ноги и придает красивую форму голени.

Всевозможные шарфы и платочки — очень важный аксессуар. В моде закручен-

ные вокруг шеи мягкие шелковые и ажурные платки, накинутые на одно плечо, наподобие сари, — шали, узорные вязаные шарфы, также перекинуты через одно плечо, огромные цыганские шали, в которые можно закутаться. Но самое модное — очень узкий, словно лента, довольно длинный шарф.

В качестве романтического украшения нацените тропический цветок. Прилавки магазинов полны браслетами с орхидеями, брошками в виде роз, колье с вплетенными цветами.

Пояс-корсаж очень стильная деталь этой весны.

Любую прическу дополнят гигантские заколки в волосах, прямо как у див немого кино.

Если весеннее солнце еще недостаточно согревает, то вам нужно пальто. Длинное холщовое платье-пальто с плиссировкой на одной из пол. Безусловно, эта необходимая деталь должна быть учтена всеми модницами. Кстати, плиссировка — шик нынешнего сезона. Белые блузы и топы у всех модных дизайнеров как будто свернуты из огромной плиссированной ткани. Однако и полюбившийся нам прошлой весной стиль "милитари" не ушел с модной сцены. Он всего лишь преобразился и стал более рафинированным. Темно-зеленый тренч — двубортный плащ или пальто с погонами и поясом на пряжке, самый элегантный и строгий элемент весеннего гардероба. Очень стильно смотрятся маленькие пальто и курточки с пуговицами, как на мундире. Куртки хороши преимущественно карамельных цветов. И не пугайтесь стать похожей на футбольного фаната, надев коротенький женский бомбер. Сложно найти верхнюю одежду моднее этой.

Чтобы выглядеть по-весеннему свежо, старайтесь носить много красного в сочетании с черным и белым. Эти цвета выглядят игриво и трогательно. Учтите, красное — не только красивое, это еще и страстное. Весной, вообще, необходимо слиться еще и с только что появившейся листвой, одевшись в цвета огурца, капусты, брокколи, кинзы, петрушек и кабачков. На сердце у вас обязательно ста-

нет весело, легко и приятно. Ведь весна оправдывает любые модные безумства.

Незаменимые джинсы с заниженной талией стильно будут смотреться с полуза-стегнутой мужской рубашкой. Кстати, именно благодаря таким звездам, как Бритни Спирс, Кристина Агила, Джени-фер Лопес, линия талии на джинсах опус-

тилась до невероятно низкой отметки. Если у стандартных джинсов расстояние от про-межности до линии талии составляет двад-цать пять-тридцать сантиметров, то у со-временных моделей она иногда доходит до десяти и даже до семи-восьми сантимет-ров. Брюки на бедрах уже давно стали сим-волом сексуальности и молодежного задо-ра. С такими джинсами очень удачно будут выглядеть блузы, также напоминающие не-брежно надетую, великоватую по размеру мужскую фрачную сорочку. Но и свобод-ные брючные костюмы в полоску не утрати-ли своей стильности. Да, да именно сво-бодные. Все весенние брюки должны быть красивого свободного кроя, от которого фигура вытягивается в тонкую струнку. Не-вероятно котируются широкие, "а-ля" пи-жамные брюки из атласа.

Что касается платьев, то в моде — все, начиная от кокетливых повседневных, и за-канчивая серьезными, вечерними. А если тебя ждет незабываемый вечер, полный романтики и чувственности, то легкое изящное платье добавит тайны и сделает тебя еще более соблазнительной. Нежные расцветки, изысканные бутоны цветов, сплетенные в причудливые букеты, подвижные воланы и плиссировки в соче-тании с кружевом создадут восхитительно нежный образ.

Соблазн и двусмысленность растворены в весеннем воздухе всех московских клубов.

Для дискотек незаменимыми остаются топы с открытой спиной и декольте. Помните, грань между бельем и верхней одеждой практически исчезла. В моде атласный бельевой трикотаж, кружево и все, что создает атмосферу будуара, кабаре или закрытой вечеринки в стиле декаданс.

Подводя итоги, "Молодой бульвар" приводит список обязательных обновок наступающего сезона.

Три юбки непременно. Пышную миди, в стиле пятидесятых, мини и макси.

Брюки: джинсы на бедрах для шика и широкие для удобства.

Обязательно понадобится белая блузка. Можно даже две. Скажем, хлопковая сорочка и прозрачная с жабо. Что касается модной расцветки, то не забывайте про белый, зеленый и красный, оттенки розового. А уж за ними пойдет вся коричневая гамма от капучино до красной глины и молочного шоколада. Также в моде яркие цвета по-

лудрагоценных камней: бирюзы, аметиста, изумруда, но при этом ни в коем случае никакого неона. И, наконец, золото. Этой весной его должно быть много. Бояться переборщить не нужно, тем более, если золото не пошлое и не грубое, как в ювелирном магазине. Аксессуары заказывайте из экзотических стран.

"Молодой бульвар" искренне надеется, что, следуя нашим советам, вы сможете приобрести, а, возможно, сшить сами, самые модные и самые красивые вещи и встретить весну в приподнятом и радостном настроении. Ведь удачная обновка — самое лучшее средство для этого.

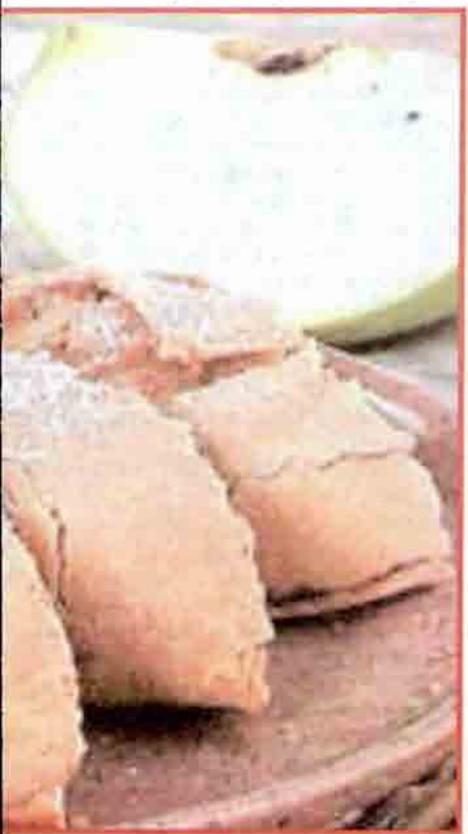
Евгения ГОРДИЕНКО

Любовь по-венски

Каждая женщина по сути своей — Муза. Ей самой природой предназначено вдохновлять. Вдохновлять мужчин. Одного — на написание "Евгения Онегина", другого — на взятие Трои, третьего — на постройку Пизанской башни... Все зависит от самой женщины и степени таланта ее мужчины. Уж не знаю, какой была женщина, вдохновившая неизвестного австрийского кондитера на создание самого романтического десерта всех времен и

народов, но полагаю, что необыкновенной. Иначе как объяснить, что эта сладость включена в список основных достопримечательностей Австрии, а лишь при одном упоминании апфельштруделя десять сладкоежек из десяти томно закатят глаза и издаут томно-восторженный стон? Ответ прост — это вкусно. Божественно вкусно. Непередаваемо вкусно...

Ох, что-то я увлеклась, но уж простите, я — из сладкоежек.

Апфельштрудель — название странное и непривычное для русского уха. В принципе, можно называть его просто штрудель — "апфель" означает, что это именно яблочный, а бывает еще с начинкой из творога — "топфенштрудель", не менее вкусный, но по непонятным причинам менее известный. Название десерта произошло от немецкого

слова strudel, что в переводе означает "смерч, скрученность, воронкообразный вихрь". Не бойтесь, судьба Элли и ее волшебного домика вам не грозит, а вот вихрь впечатлений и смерч восхищения гарантированы. А называется он так оттого, что тесто в нем "закручено" во множество слоев, между которыми притаилась нежнейшая яблочная начинка.

Венский штрудель потому и называется венским, что в Вене его подают абсолютно в КАЖДОЙ кондитерской. А если учсть, что в этой европейской столице на каждого жителя приходится примерно по полкондитерской, можно прикинуть годовые объемы потребления штруделя.

Рецепт раздобыть практически невозможно. Если вы заикнетесь об этом, на вас посмотрят сначала с подозрением, а потом с ужасом. Не исключено, что примут за шпиона иностранной разведки и постараются побыстрее от вас избавиться... Конечно, на просторах Интернета, а также в многочисленных кулинарных книгах вы найдете две дюжины рецептов, но попробовав, скажете себе: "А в Вене-то все-таки был лучше!" Ну да ладно, что грустить о несбыточном. Специально для вас я пожертвовала своей талией, перепробовала несколько рецептов и нашла максимально близкий к оригиналу. Честное слово, будучи в Вене, я продегустировала столько "оригиналов", что вкус запомнила навсегда.

Вы уже поняли, что штрудель — самый романтичный десерт. Даже прагматичные австрийцы нежно говорят о нем: "Тесто для штруделя должно быть раскатано так тонко, чтобы через него можно было читать любовное письмо". Нравится идея? Берите на вооружение. Так что если вы решили порадовать любимого на День Всех Влюбленных или любимую на Восьмое марта, смело беритесь за дело!

Для начала возьмите 250 грамм муки самого тонкого помола, просейте ее через сито и дайте немного постоять — она должна запомнить себя молодой и воздушной, чтобы придать возвышенность вашей выпечке. Затем добавьте одно яйцо, 1 чайную ложку оливкового масла, щепотку соли и 100 миллилитров теплой воды с каплей уксуса. Теперь

вымешивайте тесто до тех пор, пока оно не начнет легко отходить от рук. Вымешивайте руками, а не миксером — не на продажу ведь печете в промышленных масштабах, а для любимого человека. Теперь придайте тесту форму шара, обмажьте его оливковым маслом (да будет вам известно, что австро-венгерский император Иосиф Второй, обладавший обостренным обонянием, вообще отказывался есть штрудель не на оливковом масле, такой привереда!). Теперь заверните тесто в фольгу и накройте его подогретой миской на 25 минут. Оно должно напитаться теплом, чтобы его можно было сделать тонким-тонким... Теперь разложите на столе льняное полотенце, посыпьте его мукой, выложите тесто, его тоже слегка припорошите мукой. Красиво, конечно, кто ж спорит, только хватит любоваться — принимайтесь за дело. Тесто надо сначала раскатать скалкой, а затем растянуть руками в разных направлениях — про степень тонкости я уже писала.

Надо сказать, что как в любви одинаково важны двое, так же в штруделе одинаково важны и тесто, и начинка. Приступим теперь к ее приготовлению. Возьмите килограмм кислых яблок, почистите их, нарежьте на тонкие дольки, перемешайте с 250 граммами сахара и чайной ложкой корицы. Смешайте со 100 граммами изюма и — вам, гурманы — добавьте 2 столовые ложки рома. Если жалко ром, добавьте коньяк, хотя на штрудель жадничать не стоит. Отдельно возьмите 100 грамм молотых сухарей и обжарьте их в 100 граммах сливочного масла до золотистого цвета.

Тесто сбрызгиваем лимонным соком, посыпаем обжаренными сухарями и распределяем начинку на 2/3 поверхности теста. Сворачиваем штрудель с помощью полотенца (чтобы тесто не порвалось) так, чтобы край без яблок был завернут последним. Осторожно кладем на противень, смазанный маслом, ставим в духовку, разогретую до 200 градусов примерно на 30 минут. Вытаскиваем, даем остить, посыпаем сахарной пудрой. Последний аккорд — завариваем кофе по-венски, включаем вальс Штрауса, зажигаем свечи, зовем любимого/любимую, с наслаждением поглощаем штрудель, гасим свечи...

Уж не знаю, почему так получилось, но наше родное телевидение манкирует молодёжь. Не так, чтобы совсем, но складывается впечатление, что кроме музыки, нас, тех, кому ещё далеко не за 30, ничего в принципе не должно волновать. MTV да МУЗ-ТВ — вот в принципе и всё, что ориентировано исключительно на нас. На других же каналах, если что и есть, то программы в высшей степени средненькие.

Вот возьмём к примеру 7ТВ, крепкий дециметровый телеканал, многие спортивные трансляции — в прямом эфире, хорошие комментаторы, программы... А что для молодёжи? "220 вольт" — программа на спортивном канале, естественно, о спорте, а раз для молодёжи, то о спорте экстремальном. Сразу возникает вопрос, неужели только экстремальный спорт нас интересует? Мы что — поголовно скалолазы, альпинисты, байкеры-самоубийцы, любители затяжных прыжков без парашюта, каскадёры в конце концов? Нет. Большинство из нас вполне мирные люди, нам бы что по-проще, футбол там, волейбол, теннис настольный... Не получается, не вписывается эта "обыденщина" в формат. Ведь, как я понял, основная цель передачи — удивить народ какой-нибудь штуковиной, показать на всю страну, чтобы народ ахнул, да и забыл про это дело на веки вечные. Ведь кому из простых смертных придёт в голову кататься по горным склонам на каяке (на таких лодках обычно по горным рекам сплавляются), по бассейну на доске для серфинга кататься... Бред.

Ведущие там выполняют роль демонстрационных манекёнов, на которых тренеры или просто бывалые люди показывают азы "мастерства". Но не это главное, вся фиш-

ОБОЗРЕНИЕ

Пафос на грани фантастики

ка в том, как "подопытные" реагируют на наставления. Ей-богу, им не мешало бы пару месяцев заниматься на театральных курсах, а то, как по Станиславскому получается — "НЕ ВЕРЮ!" Не верю и всё тут. Смотрю на деваху, которая перед камерой "первый раз" в своей жизни встаёт на роликовые коньки, и говорю: не верю. То, что получилась корова на льду, это закономерно, но не обязательно, потому что она кататься не умеет, может, у неё врождённые проблемы с координацией... А потом перед камерой делано запыхавшимся голосом она рассказывает, как это всё чертовски трудно, как она чуть раз сто не упала. Да на ней защиты навешано больше, чем на мотогонщике... Пафос.

Или ещё, парнишка с главным московским диггером под землю полез, мама дорогая, мне за него страшно стало, как его там беднягу колбасило. Всё вокруг страшное такое, сосульки висят, мусор кучами лежит, двери вот ржавые железные... Ведь страшно, да? И всё это с таким лицом: "Ребята, я не знаю, зачем так хочет режиссёр, но он так хочет, и я стараюсь, но я не виноват". В детском саду в чулане страшнее было. А главный диггер смеётся, но подыгрывает, и получается у него гораздо лучше.

В другой раз они в катакомбы полезли на надувной лодке по какой-то реке плывать... в итоге они метров 50 проплыли, а потом перед камерой чертихались. Ещё в гонках на выживание участвовали. То ли водить никто не умел, то ли установку получили инвентарь не портить. Не знаю, но особенно хороша была демонстрация "боевого" болида — "Ока" без всего, без стёкол, зеркал, приборов, кресел, без глуши-

теля. Потолкались, покатались, посмеялись, разошлись... экстремально. Зато пафоса перед камерой, мама не горюй.

А тут как на грех, сосед мой Гиркин, Недовес, бар-менеджер, кто не помнит. Ловит меня на лестнице, стреляет полтинник "до зарплаты" (дело с утра было, значит отдаст вечером), и рассказывает, как он с друзьями в выходные на рыбальку съездил. Перепились, как водится, а потом в ночи налимов пошли ловить. Выперлись на лед и давай лунки сверлить, да не просто так, а мотоледобуром. Кончилось дело тем, что они его утопили, а потом достать пытались, в итоге открыли купальный сезон все четверо. Трое ничего, а четвёртый до сих пор с воспалением лёгких в больнице отдыхает. Вот это экстремально, думаю. И смеётся ведь, чудак человек, весело ему, чудом жив остался, а смеётся.

Лицо всё в улыбке, как будто нормально это, всё как всегда, так, курьёз, случай забавный, каких тысячи. И лицо такое — верю. Верю, что скажу ему вот сейчас: "Рота! Подъём! Война!" и встанет мой Гиркин, возьмёт под козырёк и пойдёт врагам Отечества глотки грызть и у него получится, потому что верит он в то, что делает и не играет ни на йоту, он такой, ему не привыкать, жизнь у него такая. И ни на какие театральные курсы ему ходить не надо.

Шёл я по улице и думал, вот он где экстремист, тут, вокруг нас, и не надо ради этого ни в каскадёры идти, ни в гонщики, у нас в стране адреналина наглотаться каждую минуту можно в каком угодно месте. Так что если кому в этой жизни скучно, приезжайте в Москву покататься на метро, в час ник. Обещаю, помнить будете долго.

С любовью, ваш Ник Сигарищенко.

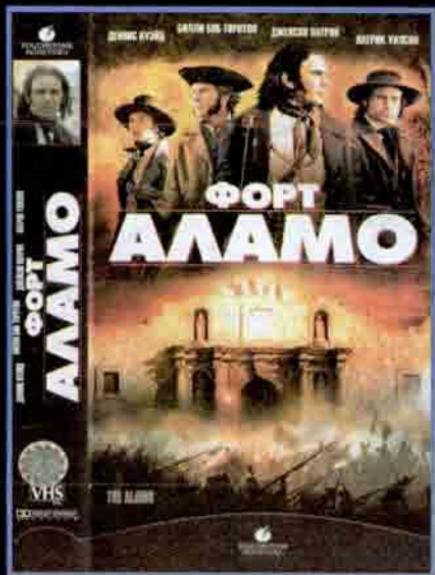
В РИТМЕ ЛЮБВИ романтическая комедия

Режиссеры СКОТТ ХЕЙТЛИ, СКОТТ ФАЛКОНЕР

В ролях: ЭРИК ЗМЭНД ("Правила секса"), БРИ ТЁРНЕР ("Американский пирог-2"), РОМАНИ МАЛКО ("Взрыватель")

США, 88 мин., "Пирамида-Видео"

Друзья-дебютанты Скотт Хейтли и Скотт Фалконер сняли свой первый фильм о том, что так им знакомо и близко: о таких же молодых ребятах, как они сами, о том, что их волнует — о выборе жизненного пути, музыке и любви. Парень из провинции мечтает о славе и признании — он видит себя знаменитым диджеем, дарящим зажигательные ритмы заводной дискотеке. Для этого сыну фермера Билли нужно лишь выиграть конкурс у таких же, как он, рвущихся к победе, парней. Околоконкурсные интриги и любовь миловидной танцовщицы Майи чуть не сбивают его с намеченного пути...

ФОРТ АЛАМО военно-историческая драма

Режиссер ДЖОН ЛИ ХЭНКОК ("Новичок")

В ролях: ДЕННИС КУЭЙД ("Траффик"), БИЛЛИ БОБ ТОРНТОН ("Бандиты"), ДЖЕЙСОН ПАТРИК ("Спящие")

США, 131 мин., "Видеосервис"

В великомасштабном эпическом вестерне о благородных защитниках форта Аламо вас в первую очередь поразят грандиозные батальные сцены, на которые не пожалел средств Голливуд. Задачей этого фильма стала иллюстрация одной из самых героических страниц истории США, которой по праву как один гордится весь американский народ. ...1836 год. Техас. Форт Аламо. 200 патриотов две недели героически отражают натиск окруживших их превосходящих сил противника. В ходе кровопролитных боев форт был сдан врагу, но гибель смельчаков послужила сигналом к всеобщему восстанию, приведшему к победе...

РОЖДЕНИЕ ОБОРОТНЯ

ужасы/триллер

Режиссер ГРАНТ ХАРВИ
В ролях: ЭМИЛИ ПЕРКИНС, КЭТРИН
ИЗАБЕЛЬ, НАТАНИЕЛЬ АРКАН
США/Канада, 91 мин., "Союз-Видео"

Известные ранее фильмы "Оборотень" и "Сестра оборотня", героини которых — две молоденькие сестрички-сиротки становятся жертвами ужасного, проклятого всеми чудовища, вдохновили авторов этого фильма снять приквел — предысторию этих картин. Как повествует "Рождение оборотня", в начале XIX века мрачные леса Канады просто кишили всякой нечистью, в том числе и оборотнями. Их можно было запросто встретить в непролазных чащах, что, как вы сами понимаете, заканчивалось бедой. С приходом цивилизации стало спокойнее. Но даже по прошествии стольких лет, чтобы изредка подкинуть в кровь адреналинчика, некоторые несознательные авторы выдумывают столь зловещие, наподобие этой, истории...

ГАРГУЛЬИ

фильм ужасов

Режиссер ДЖЕЙ ЭНДРЮС ("Порождение ада")
В ролях: МАЙКЛ ПАРЕ ("Судьба"), САНДРА ХЕСС, КЕЙТ ОРСИНИ
США, 84 мин., "Пирамида-Видео"

Летняя резиденция легендарного графа Орлака даже в наши дни полна зловещих кошмаров и тайн — в ней нашли свое пристанище фанаты Дракулы.

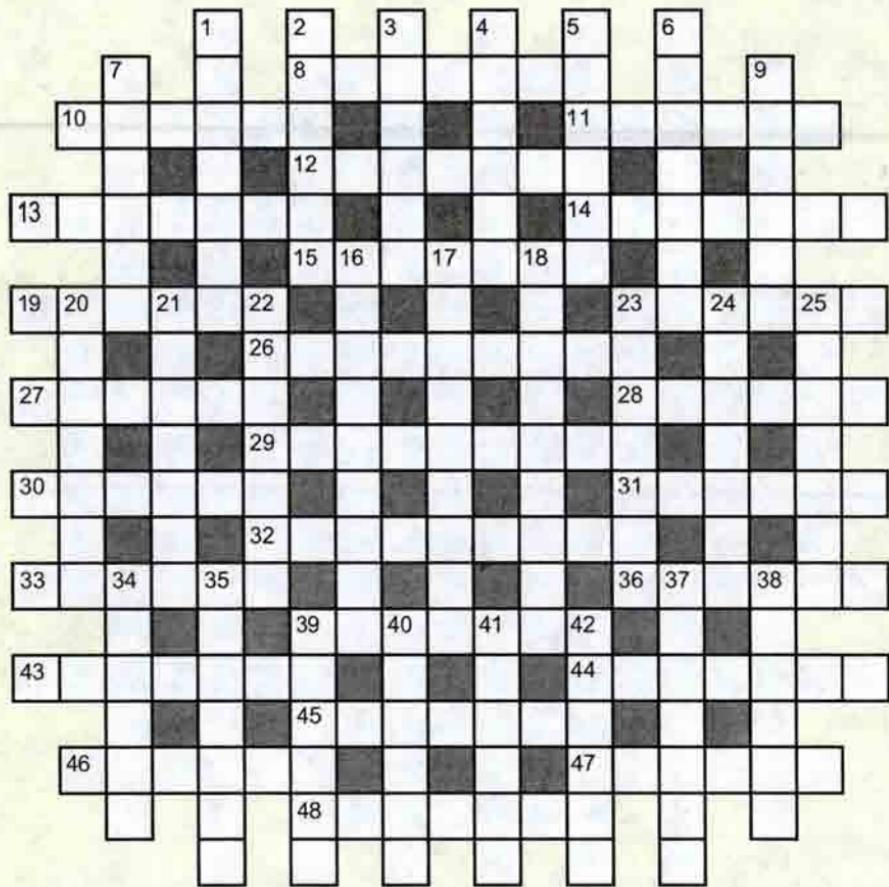
Но это ничто по сравнению с теми событиями, которые начинают вскоре происходить — в предместьях замка таинственным образом исчезают люди.

Агенты ЦРУ Дженифер и Тай начинают свое расследование, которое и приводит их в гнездо мифических крылатых монстров — гаргульев. Так средневековая страшная сказка обретает плоть...

Видеогид Наталья ТЕНДОРА

молодой бульвар

Бульвар-Видео

КРОССВОРД

По горизонтали. 8. Великое озеро в произведениях Ф. Купера. 10. Апельсин, грейпфрут, лимон, мандарин или помпельмус. 11. В песне они поникли, когда "ромашки спрятались". 12. Сооружение, самое длинное из которых — под проливом Цугару в Японии. 13. Страна, названная по жаркой линии на карте. 14. Наш пострел везде поспел. 15. Штатное окружение Монтгомери. 19. Орехи, какие и нынче достают из-под земли. 23. "Лапоть", плавающий в пруду. 26. Погубленный мореход в романе В. Каверина "Два капитана". 27. Русский ладьевидный сосуд, каким на пирах разливали напитки. 28. Пряность, которую на Руси добавляли в брагу, квас, мед и сбитень. 29. Смола хвойных деревьев, называемая по-русски живицей. 30. В песне "Про маляров, истопника" и прочих А. Галича "рубают ... лопари, а в Сахаре снега — невпроворот". 31. Игра Марата Сафина. 32. Вулканическая, карстовая, ледниковая, тектоническая, эоловая, эрозионная. 33. Условие, заставляющее по-

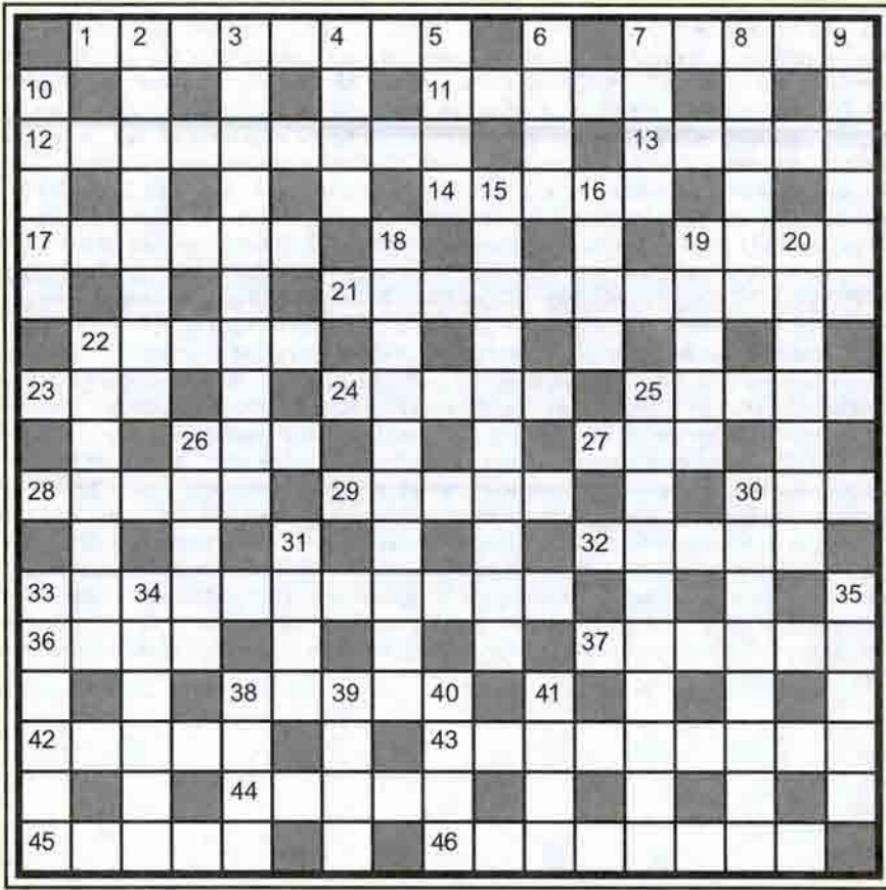
ломать голову. 36. Древнегреческий писатель-сатирик, заметивший, вернувшись после долгого путешествия в родную Самосату, что "дым Отечества кажется светлее огня на чужбине". 39. Серый конь в поэме М. Лермонтова "Боярин Орша". 43. Окольный путь к сердцу мужчины. 44. Часть стажа, дающая прибавку к жалованью или льготы. 45. Овчинка, дорогостоящая после выделки. 46. Выпячивание себя в разговоре. 47. "Изумрудные овощи". 48. Йога-го какое место в раю!

По вертикали. 1. Любимая игра Л. Толстого. 2. Ораторская трибуна в Древнем Риме, украшенная носами захваченных кораблей. 3. Спортивный гриф с блинами. 4. Знаменитая русская певица, "королева романса". 5. Страна, где имя Ивана Сусанина на слух не переносят. 6. Обучение собаки охотничим повадкам. 7. Скользкая штучка, живущая полнокровной жизнью. 9. Деталь одежды, за которую не помешает взять нахала. 16. Человек, способный к неточным наукам. 17. Город великого архитектора Антонио Гауди, который он фактически не покидал. 18. Мелочный кошелек. 20. Одно из русских названий предрассветного заморозка весной или осенью; тот же утренник. 21. Кино без художеств. 22. Раздел механики. 23. Мера веса — чаще всего 100 фунтов — в странах Латинской Америки, Испании и Португалии. 24. Зензубель, циннебель или шерхебель. 25. Музикальная укротительница звука. 34. Наименьшая мандариновая порция. 35. Странность в поведении человека. 37. Близкий к импрессионистам художник, родившийся в США, юность проведший в нашем Петербурге, а основную творческую жизнь — в Лондоне. 38. Съедобная ящерица, несущая съедобные яйца. 39. Невольное искажение звуков чужого языка. 40. Водоплавающая птица, чьи шкурки заготавливают как "птичий мех". 41. Обычное на Украине и у казаков название площади. 42. Чрезвычайно удаленный космический объект, излучающий гораздо больше энергии, чем любая галактика. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали. 1. Чубук. 6. Чешир. 9. Узилище. 11. Цейтнот. 13. Терек. 14. Реалистка. 17. Идол. 19. Энск. 21. Йенец. 22. Пиццикато. 24. Маримба. 25. Абонент. 27. Живокость. 29. Омоно. 32. ...герр. 34. Ирак. 35. Соломинка. 39. Тяжба. 40. Автор. 41. Хвостик. 42. Кража. 43. Абрек.

По вертикали. 1. Чацкий. 2. Байрон. 3. Куна. 4. ...мити. 5. Финт. 6. Чета. 7. Ширина. 8. Рококо. 10. Зола. 12. Телевизор. 15. Сайд. 16. Коцебу. 18. Делание. 19. Экономистка. 20. Станица. 23. Яблоко. 26. Утро. 27. Жгутик. 28. Вражда. 30. Оратор. 31. Окурок. 33. Киви. 35. Саха. 36. Лион. 37. Мать. 38. Ника.

Э Р У Д И Т

По горизонтали. 1. Житель последнего в жизни М. Цветаевой города. 7. Аквариумная рыбка, у которой так много пород, что только для формы хвостового плавника установили 11 стандартов. 11. Одна из самых знаменитых женщин Французской революции, настолько деятельная, что монтаньяры говорили о ее салоне: "Бюро общественного мнения". 12. Стремление сделать нравственно ничтожным в искусстве и литературе, нынче, к сожалению, повсеместное. 13. "Разговор леса" (В. Бианки). 14. Внезапный приступ чувств. 17. Морская капуста, чьи плоды распространяют течения. 19. Итальянский философ, основатель философии истории и психологии народов. 21. Верный "словесный" спутник А. Пахмутовой. 22. Имя Дантеса, брошенного в замок Иф. 23. Полукочевой народ Судана, живущий в верховьях рек Доль и Сая. 24. Самый крупный зверь Мадагаскара. 25. Внук Чингисхана, завоевавший Иран. 26. Французский композитор, увидевший, играя в "Бильярд", как

"Продавцы индульгенций" всучили "Пленному поэту" "Историю яйца". 27. Напиток, за которым китайская императрица открыла секрет тутового шелкопряда. 28. Один из основных органов у зародыша злаков. 29. "Повар королей и король поваров" (служил у Георга IV, Ротшильда, Талейрана). 30. Восточный орнамент, связанный с легендой о "говорящем дереве". 32. Город, чью патриархальную тишину Остап Бендер рад был "нарушить автомобильной сиреной". 33. Мазохистский способ каяться. 36. Распространенный в Гане язык с диалектами аквапим, ашанти, фанти. 37. Причина, по которой порой, как писал К. Паустовский, "Левитан бежал от людей. Они казались ему врагами". 38. Издатель, чья "Нива" давала богатый урожай, поскольку он хорошо ее возделывал. 42. В "Юбилейном" В. Маяковский точен: "Сукин сын Данте! Великосветский...". 43. Море по отношению к теплу. 44. Ударная воспитательница. 45. В Древней Греции — фила, в Древнем Риме — ... 46. "Испанский Караваджо".

По вертикали. 2. Великий итальянский художник с девизом "Упорная строгость". 3. Дрозд, чью песню в Михайловском слушал А. Пушкин (ее можно послушать там и теперь). 4. Нынешнее название "картинок" старых голландских художников. 5. Курортный остров южнее Риеки. 6. Тип узбекских песен, сопровождаемых играми или танцами. 7. Сказочное существо; его напоминает морской тупик. 8. Избыток чувств, сил. 9. "Вячеслав Великолепный" Серебряного века. 10. Русская загадка: еду не путем, погоняю не кнутом, а оглянусь назад: следу нетути. 15. Птичка, у гнезда порой наскакивающая даже на человека. 16. Изделие из бамбука и шелка, бывшее в древнем Китае знаком различия (скажем, у императора — желтого цвета). 19. Излюбленная в начале лета добыча ротана в пруду. 19. Лесной бычок. 20. Коллектив, сидящий взаперти, пока не пустит дым в трубу. 22. Живший две тысячи лет тому назад пекарь, надгробный памятник которому в Риме сохранился до наших дней. 25. "Яблоко любви" из венка, лежавшего в гробнице Тутанхамона. 26. Родовой правитель у калмыков и монголов в феодальные времена. 30. Последствие, ждущее на Корсике мужчину, соблазнившего и покинувшего женщину. 31. Символ небесного свода в архитектуре. 33. Вечнозеленое дерево, обычно не вырастающее за год больше чем на 5 сантиметров. 34. Башкирия — кумыс, Грузия — ..., Русь — простокваша, Украина — ряженка. 35. Поэтесса, автор сенсации: "В нашей речке утром рано утонули два барана". 38. Европейский злой дух, воплощениеочных кошмаров. 39. Цветок, какой в Древнем Риме нередко целиком засахаривали. 40. Бельгийский химик, доказавший, что водород отнюдь не первичная материя, как это утверждал У. Праут. 41. Город на Мозеле, римский мост через который сохранился доныне.

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали. 1 Фуше. 9. Представление. 10. Рапсод. 11. Достоевский. 12. Змей. 13. Щит. 15. Носорог. 18. Уклейка. 19. Леко. 21. Склеп. 23. Муфлон. 26. Цинизм. 27. Нобль. 29. Банк. 31. Гретель. 32. Хохлома. 35. Мир. 36. Юнко. 37. Жемчужников. 39. Элиста. 40. Книгоиздатель. 41. Вьет.

По вертикали. 1. Ферязь. 2. Шепескафанх. 3. Ярд. 4. Идиот. 5. Отстройка. 6. ...своеволец. 7. Терскол. 8. Бирич. 9. Пор. 11. Диско. 14. Зенон. 16. Гениальность. 17. Форма. 20. Амеба. 22. Питти. 24. Ночлежник. 25. Олимпиада. 28. Архив. 30. Корчага. 33. Хогарт. 34. Чернь. 35. Монтэ. 38. Ель. 39. Эль.

Дина Рубина

Ее книги переведены на 13 языков. Она живет в Израиле, но ездит по всему миру. Ее произведения старательно изучают строгие студентки филологических факультетов. Она пишет о своей жизни, но лирическая героиня никогда не тождественна автору. Она меняет маски одну за другой, развлекаясь сама и превращая в карнавал жизнь своего читателя.

Дина Рубина — одна из самых известных русскоязычных писательниц Израиля и, пожалуй, самая модная сейчас среди столичной публики.

— Жанр вашей последней книги — роман-комикс. Однако ваши персонажи прописаны вполне реалистично (в комиксе — это скорее шаржи), сюжетные линии, которых в вашем романе множество, разработаны в деталях (а в комиксе — их всего одна-две)...

— Все просто. Моя книга — это целый букет комиксов.

— Названия ваших книг завораживают: "Высокая вода венецианцев", "Ты и я под персиковыми облаками", "Глаза героя крупным планом"... Названия произведений приходят сами или вы долго и мучительно ищете их?

— Ну, что вы! Я совсем не могу придумывать хороших названий, всегда очень мучаюсь. Вот, разве что — "Высокая вода венецианцев"... Это название родилось из мелкой кражи сумки моего мужа. В Риме. А в сумке лежал, среди прочих нужных вещей, замечательный путеводитель по Италии. Пришлось нам в каждом городе покупать отдельный путеводитель. Издают их, как правило, местные фирмы, переводят на русский язык случайные люди... И вот, в Венеции, лежа вечером в номере и листая безграмотный путеводитель, я сказала мужу: — Ну, глянь, как они переводят венецианское наводнение, буквальная калька с итальянского: "Высокая вода венецианцев"... И как только произнесла эти слова, меня словно толкнули в сердце — я сразу поняла, что это название повести. Понимаете? Не рассказа и не романа. Я по названию почувствовала объем и "вес" будущей вещи. Оставалось только ее придумать и написать. Вернулась из поездки и — написала.

— Положение писателя-женщины явно сложнее, чем писателя-мужчины: семья требует постоянного внимания, а хочется же сосредоточиться и на работе...

— Профессия литератора — это работа, а не вышивание. Это тяжелый многочасовой труд, подчас изнуряющий, огромная психофизическая нагрузка, вам это любой психоневролог скажет... Можете ли вы представить, чтобы женщина-врач или женщина-биолог заявила бы, что делать свою работу у нее "руки не доходят"? Извините, а встать в шесть утра и на работе быть в полвосьмого, и чтобы отпуск — две недели раз в году? Почему вам кажется, что "сочинительство" — это нечто такое, что надо "совмещать" с семьей, с мужем и детьми? Со стиркой там, гладкой, готовкой, с чем еще... с выпеканием пирогов? Сочинительство — это образ жизни, образ мышления, это тяжкие вериги, это рабство на галерах... А пирогов я не пеку, муж у меня — художник и вполне существует автономно как творческая личность, никакой "массы времени" он от меня не требует, потому что на собственной шкуре знает — что такое творчество. Дети писательские — это правда — всегда несчастны, судьба у них такая. Писательскому ребенку в детстве говорят: "Я возьму тебя с собой, если всю дорогу ты будешь молчать" — не потому, что мама — сволочь, а потому, что не может она отвинтить себе голову и выбросить ее в окно.

Зато эти необихоженные заброшенные дети имеют кое-какие другие преимущества перед детьми с нормальными родителями. Неудобно даже говорить — какие. Например, постоянно видят в своем доме разных неслабых людей, о которых потом — как, скажем, Алексей Баталов — могут написать воспоминания, и дышат чуть-чуть другим воздухом, и слышат чуть-чуть другие разговоры, что тоже худо-бедно формирует личность не меньше, чем поездка с родителями в "Диснейленд".

Я к чему все это говорю? К тому, что искусство — штука жестокая, это не развлечение, не рукоделие, это то, что пожирает вашу жизнь без остатка, вместе с вашей семьей, детьми, дфмашними животными и разными прочими обстоятельствами.

— Как известно, сейчас вы дописываете новую книгу — своего рода записи путешественника...

— Да, завершаю последнюю новеллу, которая и даст название сборнику "странствий" — "Холодная весна в Провансе". А дальше — с перерывом, конечно, на кофе! — приступаю к роману о Ташкенте, "На солнечной стороне улицы" — о сладостной Александрии, ушедшей в небытие...

— Как вы выбираете издательства для своих книг?

— Решающее значение для меня, как и для любого профессионального писателя, имеют выгодные условия контракта и то, как издательство работает с книгой после ее выхода в свет, — то есть какова у него сеть распространения, реклама и проч. Ну, и стиль отношений с автором. Например, издательство "ЭКСМО", в котором сейчас выходят мои книги, подкупило меня не только тем, что издает почти всех серьезных современных прозаиков, как российских, так и западных, но и своей точностью, обязательностью и совершенно западным уровнем отношений

